

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2019/3 (11)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№3(11)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2019

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук,
проф.; Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед.
наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.;
З.А. Серебрякова, д-р филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд.
пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р социол. наук, проф.;
Е.В. Банзаракцаева, канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь);
Л.М. Хобракова, канд. филол. наук, доцент; Н.Д. Хосомоев,
канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р филос. наук, доцент.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры : научный журнал по искусствоведению,
культурологии, историческим наукам. – Улан-Удэ :
Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2019. –
№3(11). – 176 с.**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 25.11.2019. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 10,44.
Тираж 500 экз. Заказ № 2369. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Цыренов Ч.Ц. КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИИ ГОСУПРАВЛЕНИЯ И ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ ЭПОХИ ТРОЕЦАРСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАКТАТА ФУ СЮАНЯ «ФУ-ЦЗЫ»).....	5
Аюшеева М.В. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАВДИВЫХ ЗАПИСЕЙ О МОНГОЛАХ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ»	14
Цыбенков Б.Д. ИСТОРИОГРАФИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАУРОВ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	23
Ткачев В.В. АЛЬБОМ Б.И. ЛЕБЕДИНСКОГО «ИРКУТСКИЙ ОСТРОГ» (1929): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	39
Русак Н.Г. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИРКУТСКОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ.....	49
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	57
Столбовский В.Г., Николаева Н.В. О ТИПОЛОГИИ ПРАЗДНИКА И ПРАЗДНИЧНОГО ДЕЙСТВА: СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ	57
Матвеева Е.В. ЭССЕ НА ТЕМУ ЭКЗИСТЕНЦИИ СВОБОДЫ В ДОСУГЕ.....	68
Хилханов Д.Л., Заболотская Л. В. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА В УСЛОВИЯХ СЕЛА	73
Монгуш Ч.А.-С. ВОСКОВАЯ ФИГУРА СУБЕДЕЯ В ЭКСПОЗИЦИИ ТУВИНСКОГО МУЗЕЯ КАК НОВАЯ ФОРМА В МУЗЕЙНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	81
Саргакова А.В. МУЗЕЙНЫЕ ИНСТИТУЦИИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ОБЪЕКТЫ ТУРИСТСКОГО ПОКАЗА НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	87
ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА.....	94
Жамбаева Т.И. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ «ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ» В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ.....	94

Арбатская О.А. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	98
Кучмурукова Е.А., Ринчинова Ю.С., Шаньгинова Г.А., Фокичева И.А. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ВСГИК	106
Забанова Л.Е., Хобракова Л.М. ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	115
Ринчинова А.В. ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ	121
Татарова С.П., Затеева Н.А. ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	127
Умурова Л.Х. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА КУЛЬТУРЫ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ	134
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	139
Серебрякова З.А. ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ В. МИТЫПОВА «ДОЛИНА БЕССМЕРТНИКОВ».....	139
Батырева С.Г. МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОЗДАНИИ НАУЧНОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВА	145
Райцанова Э. Н. ЭКСПОРТНЫЕ АКВАРЕЛЬНЫЕ РИСУНКИ КЯХТИНСКОГО МУЗЕЯ....	158
РЕЦЕНЗИИ	164
Курас Л.В. ОН ВЗОШЕЛ НА ОЛИМП: РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФА.....	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	173

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-3-11-5-13

УДК 94(510)

Цыренов Ч.Ц.

Tsyrenov Ch. Ts.

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИИ ГОСУПРАВЛЕНИЯ И ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ ЭПОХИ ТРОЕЦАРСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАКТАТА ФУ СЮАНЯ «ФУ-ЦЗЫ»)¹

CHINESE TRADITIONS OF STATE ADMINISTRATION AND THE GREAT SILK ROAD OF THE THREE KINGDOMS ERA (BASED ON THE MATERIALS OF FU XUAN'S "FU-ZI" TREATISE)

В докладе на основе авторских выборочных переводов из официальной хроники «Цзинь шу» и трактата западно-цзиньского государственного деятеля, прогрессивного интеллектуала и историка по имени Фу Сюань (217 – 278 гг. н.э.) «Фу-цзы» («Трактат наставника Фу»). Кратко рассмотрен жизненный путь Фу Сюаня и его взгляды на принципы государственного управления, которые в определенной мере помогли западно-цзиньским монархам объединить все земли Поднебесной и тем самым оказали значительное влияние на пути развития традиционной китайской государственности и выработки основ средневековой внешней политики в отношении к соседним государствам, в том числе и в области восстановления Великого Шелкового Пути после крушения централизованной империи Поздняя Хань.

The article is based on the author's selected translations from the official chronicle of «Jin shu» and the treatise of a Western Jin statesman, progressive intellectual and historian named Fu Xuan (217-278 AD) "Fu-zi" ("The treatise of the tutor Fu"). The article briefly considers the life of Fu Xuan and his views on the state administration principles which, to some extent, helped the Western Jin monarchs unite all the lands of the Celestial Empire and, thus, had a significant influence on the development of the traditional Chinese statehood and development of the medieval foreign policy foundations in relation to the neighboring states, including the rebuilding of the Great Silk Road after the collapse of the centralized empire Late Han.

Ключевые слова: Великий Шелковый Путь, Фу Сюань, «Цзинь шу», «Фу-цзы».

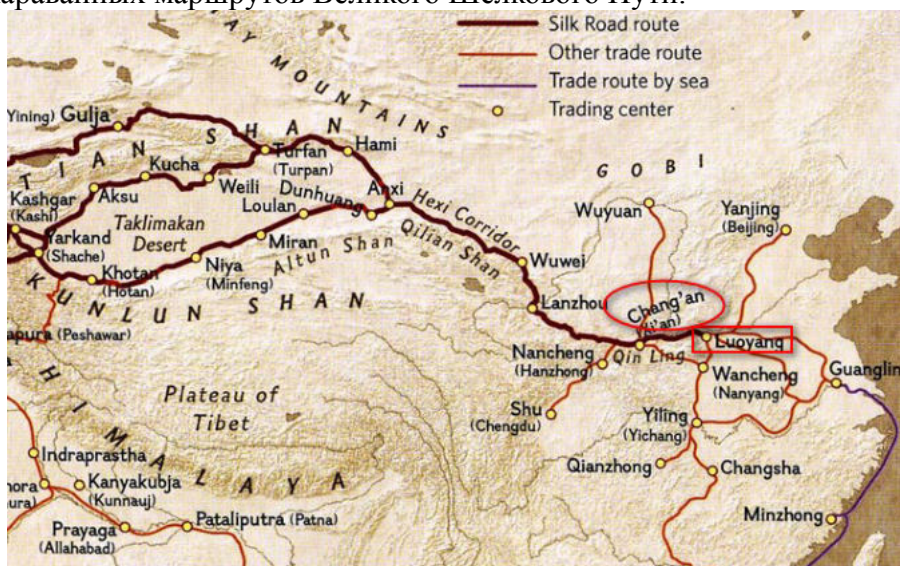
Keywords: Great Silk Road, Fu Xuan, "Jin shu", "Fu-zi".

¹Работа выполнена в рамках программ фундаментальных научных исследований, определяемых президиумом РАН.

Успешная реализация китайской политики реформ и открытости, начатая Дэн Сяопином, позволила нынешнему лидеру КНР Си Цзиньпину выдвинуть глобальную транс-евразийскую инициативу «Один пояс – один путь». Одним из важнейших аспектов международного взаимодействия в рамках данной масштабной инициативы является всесторонний межкультурный диалог, который призван обогатить культурные традиции стран и народов Европы и Азии, а также внести посильный вклад в развитие межгосударственных отношений. В этой связи представляется целесообразным кратко рассмотреть вопрос о ранних этапах развития китайской традиции государственного управления, которые прямо или косвенно оказали значительное влияние на формирование современных структур и принципов управления такой огромной по территории и численности населения страной как Китайская народная республика.

Известно, что в современном китайском общественно-политическом лексиконе часто используется лозунг «поставить древность на службу современности». Происхождение этого лозунга связано с именем Мао Дуня, выдающегося китайского писателя и государственного деятеля, который в 1977 году в своем очерке под названием «Учиться у Лу Синя» (《向鲁迅学习》) выдвинул знаменитый тезис «Поставить древность на службу современности» (古为今用, гувэйцзинь юн), ставший одним из главных лозунгов китайской политики реформ и открытости. Этот лозунг актуализировал роль и значение всего историко-культурного богатства китайской цивилизации в контексте решения важнейших проблем современности.

Как известно, история возникновения Великого Шелкового Пути неразрывно связана именами воинственного императора династии Ранняя Хань по имени У-ди и его старшего современника - дипломата и путешественника по имени Чжан Цянь (200-114 гг. до н.э.). Ниже приведена карта караванных маршрутов Великого Шелкового Пути.

Источник: <https://www.chinadiscovery.com/china-silk-road-tours/silk-road-routes.html>

На карте красными линиями обведены два города – г. Чанъань (столица династии Ранняя Хань) и г. Лоян (столица династии Поздняя Хань). Эти два столичных города стали главными центрами китайской части Великого Шелкового Пути. После распада империи Поздняя Хань, Китай утратил контроль над Северо-Западным Китаем с его караванными маршрутами. Настал период Троецарствия, когда в Поднебесной сложилась ситуация когда в стране было три реальных претендента на титул Сына Неба. Самым удачливым из них оказался северо-китайский генерал Цао-Цао (155-220 гг. н.э.), который основал в 220 г. н.э. царство Вэй (220-265 гг. н.э.) и в определенной степени восстановил китайские геополитические позиции в районе караванных путей [4, с. 14]. Что касается Шелкового пути, то еще во времена ханьской империи сформировались два главных маршрута – северо-западный сухопутный Шелковый путь и юго-восточный морской шелковый путь. При этом на Севере, и на Юге страны были свои центры шелкоткачества. После распада империи Хань центры производства шелка сохранилось во всех трех царствах [5].

В этой связи имеет смысл рассмотреть творчество видного ранне-средневекового философа и мыслителя конфуцианского толка по имени Фу Сюань, который внес значительный вклад в дело возвышения северо-китайского царства Вэй и объединения трех китайских царства [1; 2]. Благодаря своему усердию в учебе, высоким управленческим талантам и литературным дарованиям Фу Сюань сделал чиновничью карьеру и под конец жизни занял пост главного инспектора столичной области всекитайской империи Цзинь, где и брал начало возобновленный при Западной Цзинь Великий Шелковый Путь. Более подробно жизненный путь и основные философские идеи Фу Сюаня изложены в энциклопедической статье китайского исследователя Ли Си [6, с. 357-358].

Портрет Фу Сюаня

Следует отметить, что творчество Фу Сюаня получило отражение и в выступлениях председателя КНР и генерального секретаря КПК КНР Си Цзиньпина. Так, 23 января 2015 года на XX коллективном семинаре Политбюро ЦК XVIII съезда КПК Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин привел цитату из трактата Фу Сюаня под названием «Фу-цзы» («Трактат наставника Фу»):

«Схвати главный канат и вся сеть легко вытянется, схвати корень и ветви сами подчинятся».

(*кит.* 乘纲而目自张, 执本而末自从) [10].

Содержание данной цитаты построено на двух метафорах, первая из которых связана с искусством ловли и вытягивания сети с рыбой, а вторая – с выкорчевкой деревьев. Из чего можно сделать вывод, о том, что древний автор сравнил суть решения управленческих задач сравнивается с правильным подходом к вытягиванию сетей, а также с выкорчевкой деревьев.

Приводя эту цитату Си Цзиньпин отметил, что в сложной обстановке необходимо, в первую очередь, оценить всю ситуацию в целом и выявить все противоречия, присущие данной обстановке. При этом важно разрешить главнейшие противоречия, а также главные аспекты этих противоречий, что позволит разрешить все остальные второстепенные противоречия.

Данная цитата содержится в разделе «Дополнения (часть 1)» трактата «Фу-цзы». Это обстоятельство свидетельствует о том, что трактат «Фу-цзы», наряду с рядом других традиционных китайских сочинений, входит в круг чтения нынешнего руководителя КНР и тем самым оказывает определенное влияние на теорию и практику государственного управления в КНР на современном этапе.

Из хроники династии Цзинь под названием «Цзинь шу» (глава 47) известно, что Фу Сюань (Фу Сю) был уроженцем Северного Китая – местности Ниян, область Бэйди (юго-запад современного уезда Яосянь провинции Шэньси). Он родился в 217 г. (период Троецарствия) в обедневшей семье северокайского генерала по имени Фу Гань (175-? гг. н.э.), служившего у сановника и генерала ЦаоЦао (155-220 гг. н.э.), основателя царства Вэй (220-266 гг. н.э.). Фу Сюань, будучи конфуцианцем по образованию, сделал карьеру государственного деятеля и внес значительный вклад в теорию и практику государственного управления северокайской династии Вэй и общекайской централизованной империи Западная Цзинь. Наряду с этим он оставил обширное поэтическое наследие в виде придворных од (*кит.* фу) лирического и философского содержания. К сожалению, основные сочинения большей частью были утеряны, а дошедший до нашего времени сборник "Фу-цзы" был составлен посмертно из сохранившихся глав его произведений. В своих натурфилософских построениях Фу Сюань придерживался довольно оригинальных взглядов – он исходил из идеи "благонадежности", "верности" (синь 信) всех объектов мироздания естественным закономерностям Вселенной. Он писал: «все в свое время "рождается" само собой, "без [участия] силы благодати/добродетели" (дэ), под которой понимается некая субъективная космическая потенция.

蓋天地著信， Всё на Небе и Земле подчинено идее верности,
而四時不悖； и четыре сезона не противоречат [этому порядку],
日月著信， Солнце и Луна подчинены идее верности,
而昏明有常； а рассвет и сумерки имеют подчинены своим константам;

王者體信， Правитель-ван воплощает идею верности.
而萬國以安； и дарует спокойствие всем государствам.
諸侯秉信， Все князья (чжухоу) верны идее верности.
而境內以和； и даруют всем подданным мир.
君子履信， Благородный муж идет путем правды，
而厥身以立。 И тем самым утверждает свою личность.
古之聖君賢佐， Мудрейшие правители древности опирались на талант-
ливых советников.

將化世美俗； и таким образом преображали мир.
去信須臾， 而能安上治民者， 未之有也。

Никогда не бывало еще, чтобы, отбросив верность, успокоили высших и управлялись с народом [9].

"Благодатное деяние" (дэ син) человека, то есть благодатная сила, какая бы то ни было воплощенная в человеческом действии, не в состоянии заменить или изменить природные законы.

Фу Сюань считал, что человеческая "сущность" (син 性) в высшей степени пластична: эта сущность подобна воде, принимающей форму сосуда, она при всем стремлении "обычного человека" к "выгоде" (ли 利) может быть преобразована "обучением посредством правил благопристойности (ли 礼) и долга/справедливости (и 义)".

人之性如水焉， Природная сущность людей подобна воде，
置之圓則圓， она становится круглой, если поместить её в круглый сосуд，
置之方則方， она становится квадратной, если поместить её в квадратный сосуд，
澄之則滄而清， если её отстоять, то она станет чистой，
動之則流而濁。 Если взболтать её, то она станет мутной。
先王知中流之易擾亂， Прежние правители-ваны знали, что средних людей легко подтолкнуть к смуте，
故隨而教之， и потому, они, следуя их задаткам, наставляли людей [9].

Фу Сюань отрицал, что у людей в том или ином человеке преимущественная склонности к добру или злу заложена изначально. Он считал, что возможность обучения в духе принципов конфуцианской этики реализуется при условии обеспечения материальных потребностей людей, прежде всего, потребности в пище.

В справочной статье Словаря «Китайская философия», посвященной категории человеческая сущность (син 性), говорится следующее:

"[Индивидуальная] природная сущность" ("качество", "характер", "пол"). Категория традиция китайской философии и культуры. Этимология иероглифа син (знаки "сердце" и "жизнь", "рождение") указывает на его отношение к природному началу, а применительно к человеку – на связь с психосоматической структурой. Обозначает природные качества

каждой отдельной вещи, в особенности человека (без специального определения – обычно человеческую "природную сущность"). В философских построениях категория син, как правило, фигурировала в соотношении с понятиями "добро" (*кит.* шань), и "зло" (*кит.* э), "сердце" (*кит.* синь 心), "предопределение" (*кит.* мин 命), "чувства", "чувственность" (*кит.* цин 情), "принцип" (*кит.* ли 理) [3, с. 273].

Что касается позиции Конфуция (6-5 вв. до н.э.) по данному вопросу, то он постулировал единство человеческой "природной сущности" и ее исходную нейтральность по отношению к морали:

По природе [люди] близки друг к другу, а по привычкам далеки друг от друга ("Лунь юй", глава «Янхо») [8, с. 425].

Его последователи стремились либо универсализировать различие человеческих качеств, превращая его в различие "природной сущности" людей, либо его сгладить.

Как известно, конфуцианец эпохи Чжаньго Мэн Кэ (4-3 вв. до н.э.) определил "природную сущность" человека как изначально "добрую"; ее суть - "соболезнующее и сострадающее сердце"; "исчерпав собственное сердце", можно "познать собственную природную сущность". "Чувства" единосущны с "природной сущностью" и потому "добры"; "предопределение" не связано с "природной сущностью" непосредственно: предполагается, что оно может быть познано и "утверждено" либо "устранено", т.е. возможно познание самого Неба (тянь) посредством "знания своей природной сущности". Оппонент Мэн Кэ по имени Гао-цзы, утверждал, что "природная сущность человека безразлична к добру и злу"; добрыми или злыми могут быть лишь формы, в которых она реализуется; таким образом, подразумевалось, что она потенциально "добра" и "зла".

Другой древнекитайский мыслитель Сюнь Куан (4-3 вв. до н.э.) полагал, что "человеческая сущность – зла; а вся доброта её – вынужденная фальшь"; Людские "чувства" вторичны по отношению к сущности людей: "природная сущность – то, что я не способен сотворить, но могу изменить... чувственность – то, чем я не обладаю [изначально], но могу сотворить".

Возвращаясь к философским взглядам Фу Сюаня, отметим, что он критиковал абстрактные рассуждения традиции сюань-сюэ об онтологической первичности "пустотности (сюй) и отсутствия/небытия", а также теоретические спекуляции, как очень далекие от практических нужд управления. В центре внимания Фу Сюаня были проблемы государственного управления, а именно, тщательный отбор чиновников по деловым качествам, распределение управленческих функций исходя из возможностей возможных исполнителей, а также способности правителя определять ключевое звено, от которого зависит успех конкретного дела. С именем Фу Сюаня связана и практика выделения административных единиц в соответствии с численностью населения, которое данный штат служащих может эффективно контролировать, что свидетельствует о сугубо

прагматическом подходе древнекитайских администраторов [7, с. 90].

Большой интерес представляют также высказывания Фу Сюаня о классификации способных и талантливых чиновников, изложенная в «Дополнение, часть 1» трактата «Фу-цзы»:

凡品才有九，

Существует 9 видов талантов:

一曰德行，以立道本；

первый – добродетельные поступки для утверждения основы Пути;

二曰理才，以研事機；

второй – управленческий талант для изучения всех тонкостей различных дел;

三曰政才，以經治體；

третий - политический талант для установления основы управления;

四曰學才，以綜典文；

четвертый - научный талант для овладения всеми учеными трудами;

五曰武才，以禦軍旅；

пятый - воинский талант для управления войсками;

六曰農才，以教耕稼；

шестой - земледельческий талант для научения по пахоте и севу;

七曰工才，以作器用；

седьмой – ремесленный талант для изготовления орудий труда;

八曰商才，以興國利；

восьмой – купеческий талант для получения прибыли в казну;

九曰辯才，以長諷議；

девятый – ораторский талант для развития умений убеждения намеками.

此量才者也。

Это особенности необходимы для оценки параметров таланта у соискателей [9].

Из вышеприведенного фрагмента видно, что Фу Сюань обозначил девятичастную классификационную матрицу для подбора управленческих кадров военного и административного аппарата империи Западная Цзинь. Что касается практического воплощения этой системы, то подобные исторические сведения до нашего времени не дошли. Но сам факт описания такого детального подхода подготовки и подбора кадров говорит о высоком уровне культуры государственного управления. Влияние концептуальных идей и подходов Фу Сюаня на современность можно проследить в том, что в 2008 году китайское правительство в целях привлечения зарубежных специалистов запустило проект под названием «План 1000 талантов».

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, краткий ретроспективный исторический анализ китайской истории показал, что глубокое осмысление феномена «китайского экономического чуда» будет неполным и контрпродуктивным без всестороннего учета китайского исторического опыта эффективного государственного управления.

Во-вторых, перевод и анализ наиболее ценных цитат из западно-цинского сочинения «Фу-цзы» показал, что уже в то далекое время китайские администраторы, заставшие хаос народных восстаний и гражданской войны на обломках ханьской империи, смогли заложить основу традиционной китайской модели госаппарата и государственного управления, ставшей впоследствии образцом для всех последующих всекитайских централизованных династий.

В-третьих, с большой долей уверенности можно сказать, что труды, подходы и концепции Фу Сюаня, наряду со многими другими сочинениями китайской мысли входят в современный китайский арсенал методов эффективного государственного управления и координации огромного множества проектов, одним из которых является «Новый Шелковый путь».

Примечания

1. Вэй Мин-ань (魏明安). Критическое жизнеописание Фу Сюаня (傅玄评传). Нанкин, 1996.
2. Жизнеописание Фу Сюаня // Цзиньшу (цзюань 47). URL: <https://vk.com/im?sel=95753433&st=%D0%A6%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8C-%D1%88%D1%83>(дата обращения: 14.08.2019).
3. Кобзев А. М. Син // Китайская философия : энциклопедический словарь. М. : Мысль, 1994. С. 273.
4. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. 328 с.
5. Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа – Азия. М. : КомКнига. 2010. 240 с.
6. Ли Си. Фу Сюань // Китайская философия : энциклопедический словарь. М. : Мысль, 1994. С. 357-358.
7. Малявин В. В. Империя ученых. М. : Европа, 2007. 384 с.
8. Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй» / пер. с кит., коммент. Чжу Си. М. : Восточная литература РАН, 1998. 588 с.
9. Фу Сюань. Фу-цзы. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=141923&map=gb> (дата обращения: 14.08.2019).
10. Цитаты Си Цзиньпина на каждый день. URL: http://www.sohu.com/a/307797353_362042 (дата обращения: 14.08.2019).

References

1. Wei Ming-an (魏明安) Fu Xuanpingzhuan [傅玄评传 Critical biography of Fu Xuan]. Nankin, 1996 [In Chinese].
2. Fu Xuanzhuan [Biography of Fu Xuan] // Jin-shu (juan 47) URL: // <https://vk.com/im?sel=95753433&st=%D0%A6%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8C-%D1%88%D1%83> (14.08.2019) [In Chinese].
3. Kobzev A.M. Sin [Sin'] // Kitajskaja filosofija. Enciklopedicheskij slovar' [The Chinese philosophy. Encyclopaedic dictionary]. M., 1994. P. 273. [In Russ.].
4. Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. Kitajskij etnos na poroge srednikh vekov [The Chinese ethnos at the threshold of the Middle ages]. M. : 1979. 328 p. [In Russ.].
5. Kuzmina Ye.Ye. Predistorija Velikogo shelkovogo puti. Dialog kul'tur Evropa – Azija [Pre-history of the Great Silk Road. Europe-Asia dialogue of cultures]. M., 2010. 240 p.[In Russ.].
6. Li Si. Fu Syuan' [Fu Syuan] // Kitajskaya filosofija. Enciklopedicheskij slovar'. M., 1994. Pp. 357 – 358 [In Russ.].
7. Malyavin V.V. Imperija uchenykh [The empire of the scientists]. M., 2007. 384 p. [In Russ.].
8. Perelomov L.S. Konfucij: «Lun' yuj» [Confucius: Lun Yuj] / trans. from Chinese with comments of Chzhu Si. M., 1998. 588 p. [In Russ.].
9. Fu Xuan. «Fu-zi» [Fu-zi]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=141923&remap=gb> (14.08.2019) [In Russ.].
10. Citaty Si Czin'pina na kazhdy den' [Xi Jinping's citations for every day].URL: http://www.sohu.com/a/307797353_362042 (14.08.2019) [In Russ.].

Аюшеева М.В.

Ayusheeva M.V.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАВДИВЫХ ЗАПИСЕЙ О МОНГОЛАХ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ»¹

LEGAL STATUS OF THE BUDDHIST CLERGY (ON THE MATERIALS OF “THE TRUE RECORDS ABOUT THE MONGOLS OF THE QING EMPIRE”)

В статье рассмотрено положение буддийского духовенства на основе «Правдивых записей о монголах Цинской империи». Проанализировано законодательное регулирование правового статуса священнослужителей в цинский период, а также религиозных и светских взаимоотношений с привлечением памятников обычного права.

The article considers the status of the Buddhist clergy on the basis of "The true records about the Mongols of the Qing empire". The analysis of the legislative regulation of the clergy juridical status and also of the religious and secular relations on the basis of common law documents use is given.

Ключевые слова: история буддизма, буддийское духовенство, статус ламы, монголы, династия Цин.

Keywords: history of Buddhism, Buddhist clergy, status of a lama, the Mongols, the Qing dynasty.

«Правдивые записи о монголах Цинской империи» – это исторический памятник, зафиксировавший становление и развитие цинской империи, завоевательные походы, международные связи, правовые нормы, действовавшие в империи. В источнике приводятся полнотекстовые императорские указы, позволяющие осветить политику цинского двора по разного рода вопросам, в том числе и по истории монгольского буддизма. Ряд указов регламентирует деятельность буддийских лам и раскрывает отношение имперской власти к духовным лицам. Помимо отдельных указов, весьма информативны описания разборов провинностей священнослужителей и назначения мер наказания. Как свидетельствует памятник, для разработки законоположений в отношении буддизма цинцы учитывали опыт предыдущих династий.

К началу возвышения маньчжурской династии и завоевания Южной Монголии, буддизм уже имел прочные позиции в среде монголов.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)».

Этому предшествовала деятельность Алтан-хана тумэдского (1507-1582) и Хутуктай Сэцэн-хунтайджи (1540-1587). А провозглашение буддизма как государственной религии состоялось еще в период Юань, тогда же были разработаны законоположения, регламентирующие правовой статус духовных лиц, их иерархию, должностные обязанности, наказания за провинности. О взаимоотношениях между мирянами и сангхой и об институализации самой сангхи в тот период красноречиво говорят памятники юридической мысли. Прежде всего, это историко-правовое сочинение «Белая история о 10 добродетелях», датируемая XIII в., в которой изложены два принципа хаганской власти – союз трона и алтаря, союз двух ветвей власти: светской и духовной: «законы учения, подобно шелковому узлу, неослабимы. Правление хагана, подобно золотому ярму несокрушимо» [9, с. 73]. При этом отдельно оговорено «Не заставляй [носящих] желтую одежду поклоняться ханам и нойонам» [9, с. 79].

Как отмечает Р. Ю. Почекаев, исследователь правовых памятников монголов, религиозное, каноническое право не развилось в отдельную ветвь права, а осталось неотъемлемой частью обычного права монголов [4, с. 207]. Надо отметить, что религиозные предписания, правила монашеского общежития зафиксированы в уставах монастырей, в которых обозначены не только моральные, этические нормы монашествующих, но и расписаны должностные обязанности, распорядок дня, правила проведения религиозных служб, меры наказания за проступки против религии. Светские сборники законов затрагивают правила монашеского общежития, норм поведения как внутри сангхи, так и во взаимодействии светских и духовных лиц.

Нормы обычного права перекликаются с официальным цинским законодательством. Императорские указы, законы и постановления, разработанные в разное время, были объединены в «Уложении палаты Внешних сношений», где также присутствуют правовые нормы, касающиеся религии и духовенства. При переводе данного памятника с маньчжурского языка С. Липовцовым вопросы регулирования религиозной жизни и деятельности буддийских священнослужителей были, в основном, систематизированы в четвертой части «Постановления о духовенстве Ламайского вероисповедания», тем не менее, отдельные статьи встречаются и в других частях уложения. Привлечение памятника официальной китайской историографии «Правдивые записи о монголах Цинской империи» для изучения правового статуса буддийских священников позволяет проследить процесс закрепления тех или иных юридических предписаний исходя из исторической действительности. Большинство правовых норм находит свои параллели в «Уложении палаты внешних сношений», а также в памятниках обычного права монголов «Халха Джирум», «Их цааз» и др. В то же время ряд решений императора имел единственный характер и не стал устоявшейся нормой.

В «Халха Джируме» неоднократно упоминаются правила старого уложения (1696, 1709 гг.), которые еще применялись в ряде случаев и в

уложениях 1728 и более позднее время. А согласно «Правдивым записям о монголах Цинской империи» в 1668 г. чиновники Лифаньюаня сообщали, что уложение, распространенное среди монголов в 1643 г. императором Дэгэду-Эрдэмту (1636-1643), не совпадает с уложением 1657, и просили разработать новый вариант с дополнениями и сокращениями. Правовые нормы претерпевали изменения, вносились новые статьи, ужесточались или смягчались виды штрафов и наказаний, но как показывает сличение «Правдивых записей о монголах Цинской империи», «Уложения Палаты внешних сношений» и памятников обычного права монголов основные положения не подвергались изъятию из законодательных сводов.

В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» присутствует ряд высказываний императора о необходимости законодательного регулирования деятельности буддийской церкви. Одно из первых упоминаний о разработке правовых норм в отношении лам по тексту памятника относится к 1631 г., когда императором Тай-цзуном было предписано провести учет буддийских священников и монастырей и запрещено несанкционированное строительство новых, особенно в черте городов и на пахотных землях. Эта норма была закреплена и в «Уложении Палаты внешних сношений»: «§ 67. При построении вновь монастырей или храмов всегда должно рассматривать, не произойдет ли от того ограничения или вреда землевладельцам...» [6, с. 219]. Например, когда дзасактергун лама Чомджур-рамбджамба обратился за разрешением о расширении монастыря Джунай-хийд, ему было отказано: «Если использовать под монастыри землю, предназначенную для посевов в пределах крепости, то жизнь народа изменится. Впредь наказывайте тех, кто захочет стоять монастыри за счет народных полей» [8, с. 832].

В памятнике присутствует ряд высказываний императора о необходимости государственного учета и регламентирования деятельности буддийских священнослужителей. Как свидетельствуют «Правдивые записи о монголах Цинской империи» в стенах монастырей находили укрытие многие простолюдины. В 1636 г. в Хухэ-хото к Ширэгэту-цорджи была направлена делегация светских и духовных лиц, в том числе Чаган-лама, Дайчин-нансо, помощник управляющего Лифаньюаня Нихан, телохранитель первой степени Обуда и Шаджидара. В их полномочия входили, по-видимому, уточнение числа монашествующих, закрепление некоторых норм и правил о статусе монахов. Так, всем лицам, пребывающим в монастыре, предстояло неукоснительно соблюдать свои духовные обеты, те, кто не последовал данному указу, были строго наказаны: «один лама Тушэту-цинъвана и один лама джарудского Чин-багатура не следовали религиозным предписаниям, и когда им было велено жениться, не женились, то их оскопили» [8, с. 192].

В указе 1631 г. особо оговаривалась необходимость соблюдения ламами монашеской дисциплины: «Настоящие ламы, послушники и монахи пусть живут в монастыре, расположенном вне пределов города в уе-

диненном месте. Не нарушайте святое учение, подпуская к себе женщин. Пусть берут жен те, кто обманным путем стали ламами, послушниками и монахами, не имеют чистых помыслов и, сблизившись с женщинами, нарушили святое учение. Учение Будды – есть чистое учение» [8, с. 63].

Вопросам монашеской дисциплины и численности лам уделялось большое внимание. В «Правдивых записях» присутствуют высказывания императора о необходимости строгого наказания духовных лиц за воровство: «Если ламы будут нарушать закон, незамедлительно наказывайте их...» [8, с. 846]. Включенное в состав «Халха Джирум» уложение 1736 г. содержит виды и меры наказания за воровство монастырского имущества и иные преступления против лам, а также за преступления, совершенные не только ламами, но и мирянами – членами монастырского прихода. Например, в памятнике «Халха Джирум» отмечено, что за воровство лицам монашеского звания назначается штраф тремя девятками скота, при этом они освобождены от наказания в виде сажания в яму и колодок, но, как нарушившие свои религиозные обеты, они переводятся в светское состояние и не могут более принимать обеты и покаяния. В то же время наказание разнится и от статуса провинившегося и от величины ущерба. Так, за кражу стоимостью менее одного барана, можно было покаяться и возобновить свои обеты, либо перейти в свой оток и стать мирянином [7, с. 56].

В указах императора подчеркивалось, что священнослужители не несут воинскую повинность: «вы, ламы, не участвуете в военных походах и облавных охотах», потому было предписано сократить численность пребывающих в монастырях. По согласованию между проверяющими и первенствующим ламой монастыря города Хухэ-хото были выделены «лишние» люди и переведены в светское ведомство. Под «лишними» людьми подразумевались молодые мужчины, годные нести воинскую повинность, участвовать в облавных охотах. Предполагалось также выделить из монастырей, людей, находящихся в услужении у лам, многочисленных учеников. Император велел передать хозяевам самовольно забранных Нейджи-тойном и другими ламами китайцев и корейцев [8, с. 192]. Факты дарения подданных, пленных китайцев и корейцев зафиксированы и в «Биографии Нейджи-тойна»: «В то время, когда только что создавалось государство маньчжуров, многие ваны и нойоны каждого хошуна пожелали подарить ламе мальчиков, захваченных в плен в Китае и Корее. Когда их привезли ламе, лама сказал: «Узким головам многочисленных китайских и корейских мальчиков подойдут желтые шапки приверженцев [учения] нашего Цзонхавы. Подарок довольно хорош». Обрезал косы этим мальчикам, прибывшим из разных стран, дал каждому, согласно его желанию, восемь обетов спасения, обеты и посты гелона, гецула и банди и одел в монашеские одежды» [5, с. 77; 2, с. 122].

Что касается учета количества священнослужителей, то помимо переписи, были предприняты и другие меры – как выдача свидетельств, определение штата монастырей и должностных лиц, получавших жалова-

ные из казны. Согласно Уложению Лифаньюаня, для монастыря города Хухэ-хото было назначено следующее штатное расписание: «В городе Куку хотон Чжасак Далама один, Илси Чжасак Далама (помощник или викарий предыдущего один и шесть Чжасак Лама» [6, с. 180].

Контроль за численностью монахов был возложен на департамент религии и ритуалов (старо-пис. монг. *yosulal-unyamun*). В 1661 г. чиновники данного департамента обратились с донесением о регулировании числа лам в столичных монастырях: «Необходимо выселить на родину лам, проживающих в столичном Цаган-субургане, а также восемь лам и эмчи-лам, проживающих в монастыре Шидэтэ-ин-сумэ. Кроме того, следует переселить лам из столичного монастыря Цзунгуйшэ в монастырь Дурбэн-Махарандза. Впредь всех сановников и подданных, становящихся ламами и послушниками, переселять из столицы к Цаган-Дархан-цорджи-ламе» [8, с. 385]. Был введен контроль за перемещением лам. Мирянам предписывалось приглашать для чтения молитв нескольких лам [8, с. 192]. Согласно «Уложению Палаты Внешней Монголии» приглашение священнослужителя в дом милостынедателя для проведения духовных обрядов или оказания врачебной помощи должно происходить с разрешения настоятеля, в противном случае наказанию подвергались и лама, самовольно отлучившийся из монастыря и домохозяин, принявший у себя ламу. За слабое наблюдение над подчиненными должностные лица монастыря подвергались штрафу [6, с. 220].

Имперская власть ограждала имущество монастыря и самих духовных лиц от нападений и разорения в военное время. Императором были изданы указы, запрещающие грабить монастыри. В этой связи показателен разбор дела об императорских поварах, которые использовали бревна храма на топливо. Были наказаны все лица, причастные к погрому храма, вне зависимости от признания вины, а также те, кто видел данное преступление и не сообщил о нем [8, с. 112]. Статьи по охране имущества монастырей присутствуют и в «Халха джирум». Например, в статье 24 сказано, что если человек ханского достоинства дерзнет напасть на монастырь, то его самого изгнать, а всех его подданных отнять. Если же [то же совершит] простолюдин, то его убить, а все его [движимое и недвижимое] имущество отобрать [7, с. 47].

В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» описаны случаи вынесения смертного приговора виновным монахам. Например, когда сановники вынесли смертный приговор путем удушения почитаемым ламам Дамба Саржи, Ачиту-гелонгу и Бандзар-рамбджамбе за сокрытие информации о смерти Далай-ламы, то по рассмотрении дела императором, наказание было смягчено: «Дамба Саржи простить, казнь отменить. Лишить титула дзасактергун ламы, отобрать имущество и учеников, выслать в один из монастырей Мукдена. Ачиту-гелонга за проявленное усердие и заслуги перед императором также простить вину, не отбирать имущество, но лишить звания дзасактергун ламы, разрешить находиться в своем коренном монастыре. Бандзар-рамбжамбу также простить,

отменить казнь и конфискацию имущества, лишить звания тергун ламы» [8, с. 821].

При этом смертный приговор мог исполняться в отношении лам высокого ранга. Как свидетельствует памятник, за измену, за возмущение против цинского государства были казнены виновные лица, в том числе и Илагуксан-хутукту. Илагуксан-хутукту находился на службе у маньчжурского императора, в 1685 г. был назначен дзасактергун ламой, предержащим печать в городе Хухэ-хото. Спустя 4 года выехал в составе маньчжурского посольства к ойратскому Галдан-хану [8, с. 571]. В тексте памятника о данном событии приведено донесение Илагуксан-хутукты о том, что он вместе с Джирун-хутуктой продолжает поиски Галдана и просит выслать к военным заставам необходимый провиант. Изначально являвшийся посланником со стороны цинов к чахарскому хану, Илагуксан-хутукта перешел на сторону чахаров и предпринял действия к возмущению подданных против цинов. После его поимки, в 36 год правления императора Канси (годы правления 1662-1722) он был казнен вместе с другими бунтовщиками [8, с. 826].

Как следует из памятника, ламы были частыми посредниками между монголами и маньчжурами, причем в начальный период установления отношений цинский двор был настроен критично к такого рода посредникам. Нами уже отмечался факт постепенного привлечения буддийского фактора в государственную политику маньчжуров [1, с. 90]. Но в последующем ни одно из посольств, направляемое к тибетцам или монголам, не обходилось без присутствия лам. После 1636 г. император отправляет послов в Тибет ко всем крупным иерархам как светским, так и духовным, в текстах посланий фигурируют фразы «ради религии и государства», «чтобы процветали вера и закон».

В решении многих дипломатических вопросов цинами стали широко привлекаться буддийские священнослужители. Особо отличившимся духовным лицам, как было показано выше, могли прощаться некоторые провинности, жаловались титулы, вознаграждения. Например, в 1639 г. Уйджэн-нансо было пожалован титул дархана: «Уйджэн-нансо, ты был одним из многих лам. Когда тебя отправили к воротам Чжанцзякоу, расположенным к северу от минского города Сюаньфу, ты, договорившись с китайскими чиновниками, положил начало торговле, чем принес пользу государству. Тебе пожалован наследуемый титул дархана, а также соболья шуба и 100 ланов серебра» [8, с. 192].

Что касается вопроса о хубилганах, то по материалам памятника «Правдивые записи ...», затрагивающим период от начала маньчжурской династии и правление императора Канси, нет четких предписаний. Лишь в 1690 г. император высказал мысль о необходимости ограничить рост числа хубилганов. При этом отмечалась большая набожность монголов и авторитет, которым обладали «святые» люди среди монголов. Было отказано в утверждении перерожденцу Лубсан Ининга, тергун ламы храма Белой ступы. Мотивирован отказ был не только большим количеством

выявляемых святых, но и уменьшением благосостояния подданных: «Монголы любят верить красивым словам, если сказать, что лама – святой перерожденец, не будут проверять правда или ложь, сразу бегут усердно молиться, подносят разные дары в виде скота и тому подобное, собрав добродетели думают, как будто будут жить вечно, не думают об уменьшении богатства (дома и имущества)» [8, с. 579].

Уже к этому времени цинские власти стали ограничивать число официально признаваемых хубилганов. Для определения перерожденцев высокого ранга была введена процедура жеребьевки из «золотой урны» с выдачей специальной грамоты. На практике основная масса хубилганов подтверждалась/определялась авторитетом ламы более высокого ранга, и зачастую выявляемые хубилганы не имели официального удостоверения, как это предписывалось цинским законодательством.

Особый статус духовных лиц, зафиксированный в ранних монгольских памятниках, как «Белая история», в последующих памятниках монгольского обычного права также был возвышен. За оскорбление или противоправное деяние против духовного лица следовало такое же суровое наказание, как за оскорбление нойона. Рассматриваемый памятник «Правдивые записи ...» дает противоречивые свидетельства, с одной стороны сохранялся высокий статус духовных лиц, правовое положение которого охранялось цинскими властями, в то же время буддийские священники подвергались строгому наказанию.

Общим для всех рассматриваемых источников является предписание сохранять учение в чистоте и следовать принятым обетам. В «Белой истории» приводится высказывание Будды о том, что учение не может быть разрушено тертиками, но падет под смутой сторонников Учения. Именно к соблюдению ламами своих монашеских обетов часто апеллировали цинские императоры и большинство ограничений исходило ради «соблюдения в чистоте учения». Цинскими властями решение религиозных вопросов подчинялось государственным задачам. Провозглашенный в Юаньскую династию тезис о равенстве двух ветвей власти сменился на непререкаемую власть императора. Как отмечают исследователи Б. У. Китинов и А. Г. Люлина, в цинской империи постепенно менялись представления о статусе Далай-ламы, происходил переход от традиционного духовно-патронального принципа «чой-йон» (духовный наставник – светский покровитель) к верховенству власти императора над духовным наставничеством ламы [3, с. 126].

Таким образом, «Правдивые записи о монголах Цинской империи» позволяют проследить процесс формирования законов в отношении религии и буддийских священнослужителей, дают описание конкретных исторических событий, где были применены те или иные правовые нормы. Источниковедческий анализ памятника развивает имеющиеся сведения по истории монгольского буддизма и правового положения лам.

Примечания

1. Аюшеева М. В. «Правдивые записи о монголах Цинской империи» как источник по истории монгольского буддизма // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11, ч. 2. Улан-Удэ, 2018. С. 88–98.

2. Ванчикова Ц. П., Аюшиева И. Г. К истории формирования буддийских монашеских общин среди монголоязычных народов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 120–124. DOI: 10.17223/15617793/444/14.

3. Китинов Б. У., Люлина А. Г. Тибетский принцип отношений «чой-йон» в цинских источниках XVII–XVIII вв. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10, № 2. С. 126–134. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-126-134.

4. Почекаев Р. Ю. Закон Хутуктай-сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 204–224.

5. Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск : Наука, 1984. 113 с.

6. Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. Степан Липовцов. СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. 2. 319 с.

7. Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. М. : Наука, 1965. 339 с.

8. Daiçingulus-unmongγul-unmaγadqauli (Правдивые записи о монголах Цинской империи). Т. 1. Hothot , 2013. 1236 с.

9. Балданжапов П. Б., Ванчикова Ц. П. Ъаγanteūke – «Белая история» монгольский историко-правовой памятник XIII – XVI вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.

References

1. Ayusheeva M. V. «Pravdivye zapisi o mongolakh Cinskoj imperii» kak istochnik po istorii mongol'skogo buddizma [«The true notes about the Mongols of the Ging dynasty» as the source in the history of the Mongolian Buddhism] // Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennyje istochniki [The culture of Central Asia : written sources]. Issue 11. P. 2. Ulan-Ude, 2018. Pp. 88–98 [In Russ.].

2. Vanchikova Ts.P., Ayushieva I. G. K istorii formirovaniya buddijskikh monasheskikh obshchin sredi mongolozazychnykh narodov [To the history of forming Buddhist monastic communities among the Mongolian-speaking peoples] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state university]. 2019. № 444. Pp. 120–124 [In Russ.].

3. Kitinov B. U., Lyulina A. G. Tibetskij printsip otnoshenij «choj-jon» v cinskikh istochnikakh XVII–XVIII vv. [The Tibetan principle of the relationship «choy-yon» in the Ging sources of the XVIIth–XVIIIth centuries] // Vestnik RUDN. Serija: Vseobshchaja istorija [Bulletin of the RUPF. Series:

General History]. 2018. T. 10. № 2. Pp. 126–134 [In Russ.].

4. Pochekaev R. Yu. Zakon Khutuktaj-sechena i osobennosti razvitija mongol'skogo prava na rubezhe XVI–XVII vv. [The law of Khutukty-sechen and development features of the Mongolian law at the turn of the XVIth–XVIIth centuries] // Pravovedenie [Jurisprudence]. 2013, № 1 (306). Pp. 204–224 [In Russ.].

5. Purbueva Ts. P. «Biografija Nejdzhi-tojna» - istochnik po istorii buddizma v Mongolii [The biography of Neji-toyn – source in the history of the Buddhism in Mongolia]. Novosibirsk, 1984. 113 p. [In Russ.].

6. Ulozhenije Kitajskoj palaty vneshnikh snoshenij [Regulations of the Chinese chamber of external relations] / transl. from Manchurian by Stepan Lipovtsov. St.-P., 1828. T. 2. 319 p. [In Russ.].

7. Halkha Dzhirum. Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. [Khalka-Jirum: monument of the Mongolian feudal law of the XVIIIth century]. M., 1965. 339 p. [In Russ.].

8. Daičingulus-un mongyul-un mayad qauli (Pravdivyje zapisi o mongolakh Cinskoj imperii [The true notes about the Mongols of the Ging dynasty). T. 1. Hothot, 2013. 1236 p. [In Mong.].

9. Baldanzhapov P. B., Vanchikova Ts. P. Čayanteüke – «Belaja istorija» mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII – XVI vv. [Čayanteüke – «White history» of the Mongolian historical legal monument of the XIIIrd – XVIth centuries. Ulan-Ude, 2001. 200 p. [In Russ.].

Цыбенков Б.Д.

Tsybenov B.D.

ИСТОРИОГРАФИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАУРОВ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

HISTORIOGRAPHY OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE DAUR PEOPLE (TO THE STATEMENT OF PROBLEM)

В статье дана краткая характеристика ряда зарубежных и отечественных публикаций (монографий и статей), охватывающих как все явления духовной культуры даурского народа, так и ее отдельные аспекты. Все работы подразделены на несколько тематических групп, при этом уделено особое внимание освещению трудов монографического плана. Автор приходит к выводу о необходимости продолжения исследовательских работ, ввиду наличия большого объема неизученных материалов.

The article briefly characterizes some foreign and Russian publications (monographs and articles) covering all the phenomena of the Daur people's spiritual culture as well as some of its aspects. All works are divided into several thematic groups, particular attention is paid to the coverage of the monographs. The author comes to the conclusion about the necessity of doing the research taking into account a large volume of the works that have not been studied yet.

Ключевые слова: историография, дауры, духовная культура, шаманизм, устное народное творчество, язык.

Keywords: historiography, the Daurs, spiritual culture, shamanism, folklore, language.

Богатое духовное наследие даурского народа, на протяжении своей длительной истории проживающего на монголо-маньчжурском пограничье, продолжает оставаться малоизученной проблемой в отечественном монголоведении. Между тем, обращение к некоторым аспектам шаманизма и фольклора дауров могло бы помочь исследователям Сибири и Дальнего Востока по-новому взглянуть на этнокультурную историю народов этих регионов. Поэтому в перспективе предстоит большая работа по переводу с китайского языка и со старомонгольской письменности текстов по духовной культуре дауров, и их последующему вводу в научный оборот.

Предваряя предстоящие научные работы, мы решили в настоящей работе кратко обозначить доступные нам источники, в той или иной мере

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии"

освещающие изучаемую проблематику. Наше рассмотрение отдельных монографий и статей, не претендуя на всесторонний охват всех источников, лишь обозначает наличие самой проблемы историографии духовной культуры даурского народа. Нами затронута небольшая часть современных источников; изучение основного пласта историографии представляется нам отдельной серьезной задачей, заслуживающей такого же внимания, как и собственно само исследование духовной культуры дауров.

В нашем нынешнем изучении понятие «духовная культура» рассматривается в самом широком смысле, включая религию, обычаи и обряды, фольклор, язык, письменность и др.; соответственно, и все работы мы подразделяем по их принадлежности к вышеуказанным аспектам. Поскольку имеются крупные работы по истории и культуре дауров, непременно содержащие разделы по духовной культуре народа, мы решили выделить их в отдельную или первую группу.

Одной из основополагающих монографий по истории дауров является коллективный труд даурских исследователей «Краткая история даурского народа», изданная в 1989 г. под редакцией Мэн Чжидуна. В ней содержатся и материалы по культуре дауров. Например, в четвертом параграфе главы IV отмечен императорский указ от 1675 г., согласно которому в г. Мэргэн была основана школа маньчжурского языка. В ней обучались и даурские дети, ежегодно бутхаские дауры отправляли 16 мальчиков на учебу в эту школу [30, с. 139]. Культуре и образованию дауров в годы правления Китайской Республики и Маньчжоу-Го посвящены специальные разделы в главах V и VI. В них даны сведения об открытии даурских школ, творческой и научной деятельности передовой даурской интеллигенции [30].

Годом ранее, в 1988 г. вышла в свет коллективная монография «Обзорное даурского автономного хошуна Морин-Дава», в которой также имелись разделы, освещающие даурскую культуру. Так, в шестой главе рассматриваются культура и искусство дауров, народное творчество и школьное образование в пределах национальной автономии; в седьмой главе изучены религиозные верования, обычаи и традиции даурского народа [31, с. 174-254].

Сведения о культуре дауров содержат и сборники трудов под общим названием «Материалы о даурах». Ныне насчитывается более 10 томов этого издания, и, судя по рассмотрению первых двух томов, они включают в себя различные материалы (выдержки из текстов, главы из работ даурских авторов конца XIX – начала XX вв.) по культуре дауров [16; 17].

Богатый материал по духовной культуре дауров содержит монография Исуна, даурского исследователя из г. Хухэ-Хото, заместителя директора Института общественных наук Внутренней Монголии. Книга целиком посвящена материальной и духовной культуре народа, особый упор при этом сделан на изучение традиционной обрядности дауров [18].

Материалы вышеотмеченной «Краткой истории даурского народа» (1989) стали основой для новой коллективной монографии «История дауров Китая с древнейших времен до наших дней» (в трех частях, издана в 2018 г. под редакцией Мэн Чжидуна). Третья часть этого труда полностью состоит из разделов по духовной культуре дауров. Первые две части указанной монографии также содержат отдельные аспекты изучаемой проблематики. По предварительным данным, монография существенно дополняет киданьскую версию происхождения дауров, многие элементы даурской культуры органично увязываются с гипотезой о родстве дауров с киданями. Исследовательский коллектив использовал, наряду с известными источниками, и новейшие данные по даурам, включая научные публикации последних лет [32].

Большое количество разнообразных сведений по духовной культуре дауров содержит работа Мандуэрту «Энциклопедия даурского народа». Так, интерес у специалистов-религиоведов и этнографов могут вызвать материалы по даурскому шаманизму, имеющиеся в шестой главе энциклопедии. В ней также представлены фотографии шаманов, их одежды и атрибутов, изображений божеств шаманского пантеона [26, с. 228-254].

Совместной работой западных и китайских ученых явился сборник «Дауры Китая: общество, шаманизм и фольклор», изданный в 1994 г. на английском языке. Помимо составителей сборника К. Стюарта, Ли Сюэя, Шэлера, большую роль в написании трех частей работы сыграли даурские исследователи Ву Баолян, Е. Суритай, Сайнтана, переводчики Чжао Вэйгуан, Фань Чичин. В сборнике представлены ценные сведения по обрядам и обычаям дауров, шаманским божествам, делению шаманов на различные категории, устному народному творчеству, песенному искусству и др. [40].

Культура дауров с уклоном в сторону лингвистического анализа терминологии представлена в труде Дин Шичина «Язык, общество и культура дауров». Помимо общих сведений о культуре, языке и письменности дауров, автор особое внимание уделяет религиозной лексике, культурным и языковым контактам, даурско-маньчжурскому билингвизму в период Цинской династии [19].

К иллюстрированным источникам этой группы можно отнести фотоальбом даурского краеведа Аола Сайлина. Помимо хорошего качества фотографий, наглядно показывающих обрядовые действия, шаманские божества и другие свидетельства духовной культуры, в работе имеются достаточно информативные сопроводительные тексты [24].

Язык и отдельные аспекты духовной культуры (религия, устное народное творчество) дауров освещены в монографии отечественного исследователя Н.Н. Поппе «Дагурское наречие». Достоинством работы являются дословные записи на кириллице даурских загадок, пословиц, преданий, в числе которых широко известное даурское предание «Алтан Галбурт» [4, с. 31-48].

Духовная культура даурского народа рассматривается и в наших публикациях, в частности, монографии «История и культура дауров Китая». В ней были кратко рассмотрены религиозные воззрения, праздничная и свадебная обрядность, особенности языка и диалектов [6].

Изучение продолжается и в настоящее время. Так, проведено исследование развития школьного образования, научного и художественного творчества дауров в XIX- начале XX вв. [2]. Рассмотрен нами и переход от маньчжурского языка и письменности к преподаванию на китайском языке, начало обучения дауров в высших учебных заведениях Японии, Китая и СССР [7]. Начато изучение сферы культуры даурского автономного хошуна Морин-Дава во второй половине XX в.; получили освещение такие вопросы как развитие художественной самодеятельности в хошуне, радио и телевидения [8]. Совместно с китайской исследовательницей Ли Пин проведено исследование культуры цикикарских дауров в XX в.; прослежены изменения, произошедшие в духовной культуре указанной этнотерриториальной группы.

В целом, можно отметить, что, несмотря на сильное культурное влияние ханьцев (этнических китайцев), цикикарские дауры сумели сохранить свою самобытность и в развитии их культуры можно отметить позитивные тенденции [9].

Таким образом, в нашем предварительном рассмотрении источников первой группы нашли отражение работы различных авторов, содержание которых охватывает одновременно несколько аспектов изучаемой проблематики. Список работ этой группы на деле гораздо более обширен и впоследствии может быть существенно дополнен нами, поскольку имеется большое количество работ по культуре дауров, написанных на китайском языке.

Вторую группу работ составляют монография и статьи, содержащие сведения о религиозных воззрениях дауров, в первую очередь, по даурскому шаманизму. Большинство дауров, согласно неподтвержденным данным, остаются приверженцами шаманизма. Заметим, что неподалеку от г. Нирги - адм. центра даурского автономного хошуна Морин-Дава (в 20 км.) открыт большой трехэтажный музей шаманизма, где представлены образцы шаманской одежды и атрибутов не только дауров, но и других народов Северо-Востока Китая (эвенков-солонгов, эвенков-орочонов, нанайцев, маньчжуров, монголов). Надо полагать, что получило развитие и книгоиздание в этом направлении.

Однако мы не располагаем современными работами по даурскому шаманизму, поэтому для нас наиболее полным трудом, охватившим целиком проблему традиционной религии дауров, остается монография К. Хэмпфри и О. Ургунгэ «Шаманы и старейшины. Опыт, знания и сила даур-монголов» (Оксфорд, 1996). Особенности даурского шаманизма детально рассмотрены основным автором работы – К. Хэмпфри через призму восприятия традиционной религии американским ученым даурского

происхождения О. Ургунгэ. В предисловии отмечается, что Ургунгэ был также осуществлен перевод японских и китайских источников.

В целом, в написании монографии были использованы работы многих специалистов-религиоведов, в том числе К.М. Герасимовой и Н.Л. Жуковской. В графе «Благодарности» авторы выражают свою признательность большому количеству ученых, оказавших помощь в написании книги; а также даурам – краеведам и информаторам из городов Хухэ-Хото, Хайлар, даурского автономного района Морин-Дава, с. Тэнкэ.

В начале работы приводятся воспоминания о молодых годах О. Ургунгэ, сведения о природе и отдельных местностях в долине р. Нэнцзян. Основная часть монографии уделена исследованию пространства и времени в культуре дауров, анализу мужских и женских ритуальных практик, изучению личности и способностей даурских шаманов.

Богата малоизвестными фактами седьмая глава «Шаманизм в XX в.», где имеются сведения о шаманке – родственнице даурского общественно-политического деятеля Гуодафу. Завершает работу изучение шаманских обрядов и ритуалов, посвященных различным духам.

На основе работ даурских авторов М. Мэндусурун и Мэргэнди, подробно описан шаманский обряд «оминан». Особое внимание уделено шаманским божествам Джияч (Заяч) и Кейдэн, а также рассмотрению ритуальной маски под названием «Абагалдай», которая помимо дауров встречается и у различных групп эвенков и бурят в Байкальском регионе и Маньчжурии [23].

Сведения о шаманской одежде дауров содержит статья М. Мэндусурун. Большой исследовательский интерес представляет богатая терминология различных составных частей шаманского одеяния и атрибутов, а также их предназначение и использование в ритуальной практике. Так, интересны сведения о шаманских зеркалах «архан толи» (наспинные), «убэр толи» (спереди), «арсан толи» (зеркала, расположенные в районе подмышек шамана). Они же упоминаются и в камланиях шаманов: «...все твои болезни взвалил я на «архан толи», сложил их на «убэр толи». Ценны данные о «хадмал дэги» - изображении птицы, помогающей вернуть душу заболевшего человека [27].

Характеристика шаманской одежды пяти этносов (эвенков, орочонов, дауров, маньчжуров и монголов) дана в работе даурского ученого Би-лига. Он выявляет отличительные особенности одежды шаманов, присущие вышеуказанным этносам. Ценны приводимые в статье малоизученные детали шаманского одеяния и атрибутов. Так, шесть черных бархатных лент шаманского передника с нашитыми на них 10 латунными колокольчиками символизируют шесть даурских городков-крепостей в Приамурье, каждая из которых имела десять башен [12, с. 194].

В работе Мунгэнтуйа рассмотрена роль природных явлений и объектов, животного мира (небо, созвездие Большой Медведицы, радуга, огонь, реки, пещеры, черепахи, барсы, кабаны и др.) в религиозных воззрениях древних дауров, а также их поклонение шаманским божествам.

Например, автор выделяет и описывает «небесную» группу божеств, таких как Ача-Тэнгэр (Отец-Небо), Эвэ-Тэнгэр (Мать-Небо), Дарий-Катун (царевна), Нотор-ноен. Дается в работе и краткая характеристика божеств Бугул-баркан, Холер-баркан, Ходжор-баркан, Заяч-баркан, Байнача (божество гор), Бирги-баркан (божество рек) и др. [34].

К группе работ, посвященных религиозным воззрениям дауров, примыкает статья Ма Юнь, в которой рассмотрена история становления и деятельности католической церкви в даурском селе Вонюту, ныне входящего в состав даурского национального района Мэйлисы городского округа Цицикар провинции Хэйлуцзян. Как отмечает автор, католическая церковь была основана в 20-х гг. XX в. и ее появление совпало с массовым переселением этнических китайцев (ханьцев) в северо-восточную окраину Китая. Поэтому, по мнению ученого, подавляющее большинство верующих католиков составили китайцы – выходцы из центральных провинций Китая [25].

Третья группа источников по духовной культуре дауров состоит из публикаций, освещающих устное народное творчество, песенное творчество и художественную литературу народа. Среди жанров устного народного творчества можно выделить даурские сказки, т.н. «ургил» (ср.: монг., бур. *ульгэр*).

Сборник даурских народных сказок был издан в 1983 г. на старомонгольской письменности народным издательством Внутренней Монголии. Есть данные, что он был составлен ранее, в ноябре 1978 г. в Шанхае, и, по всей видимости, сборник тогда же был опубликован на китайском языке.

Большое место в нем занимают сказки о мэргэнах (метких стрелках), богатырях. Так, первая часть сборника состоит из следующих сказок: «Дэ Хун мэргэн», «Ангар мэргэн», «Чоокэй мэргэн», «Апкати мэргэн», «Зугуй мэргэн», «Хучуни мэргэн», «Хондолдай мэргэн», «Зэхэрдэй мэргэн», «Харалдай мэргэн», «Чохордой мэргэн», «Алтан Галбурт». Последняя сказка, как мы выше отмечали, была записана в середине 20-х гг. XX в. Н.Н. Поппе.

Заметим, что сюжет в некоторых даурских сказках сближается с бурятскими сказками и легендами; например, есть мотивы, сближающиеся с бурятской легендой о Хоридой-мэргэне. Так, в даурской сказке «Харалдай мэргэн» имеет место мифологический мотив женитьбы героя на небесной фее, которая прилетает купаться на озеро [29].

Магические природные силы, животные-спасители и женские чары исследуются в статье Сэцэнгэрэл. Анализируя волшебные сказки эвенков, орочонов и дауров, автор выявляет предметы, обладающие волшебной силой (гребень, зеркало, топор, платок, кисет). Советчиками и помощниками людей в них становятся такие животные как конь, лиса, волк, змея, сорока [38].

Песенному творчеству дауров посвящены статья Лянь Лю и книга Го Лиру. Преподаватель института музыки Университета Циндао Лянь

Лю провел систематизацию жанров народных песен дауров, подразделив их на четыре группы: заендале (жандал), хакумайле, уцинъ (учун), ядэгнижуо.

Автор сумел выявить особенности каждого жанра, а также и традиции, повлиявшие на становление вышеотмеченных жанров. Детально изучены стиль вокала, пунктирный ритм, звуковысотность и другие особенности даурских песен [3].

Одному из жанров народного песенного творчества дауров – учун – посвящена книга работника отдела культуры г. Хухэ-Хото и краеведа Го Лиру. Совместно с другими работниками отделов культуры даурских районов Морин-Дава, Мэйлисы, Хайлара, автор провел большую работу по записи 39 учунов. Примечательно, что в сборнике «Даурские учуны» представлен текст песен сразу на трех языках – на даурском языке (в записи на латинице), старомонгольской письменности и китайском языке. Книга дополнена краткими биографиями исполнителей учунов, двумя CD-дисками с их записями [22].

Аналізу восьми стихотворений даурского поэта XIX в. Чин Тунпу, восхваляющих труд рыбака, лесоруба, земледельца, пользу образования, вред алкоголя и др., посвящена статья М. Мэндусурун. Автор выделяет наиболее значимые, по ее мнению, абзацы в этих стихотворениях; делает упор на рассмотрение особенностей тяжелого, но благородного труда даурских крестьян [28]. Вышеуказанные стихотворения Чин Тунпу вошли и в сборник «Исследование сочинений, написанных на даурском языке в период Цинского государства», подготовленный даурским исследователем М. Энхэбату. В нем также представлены произведения даурских поэтов Арабдана, Мэмэгчи; всего 51 сочинение. Каждое произведение представлено в оригинале и в переводе на старомонгольскую письменность. К ним приложены подробные примечания.

М. Энхэбату отмечает также наличие различных рукописных вариантов произведений; изучает биографии авторов, периоды написания сочинений. Как указывает автор, в составлении сборника он использовал рукописи даурских краеведов Эрхимбаяра (род аола), Сишуна (род мэрдэн), Оюнгу (род онон) [20].

Заметим, что значительная часть из этих произведений была издана ранее в сборнике «Традиционная художественная литература дауров» (1987). Ее авторы – Билид, Шойжим, Билиг – включили в сборник стихотворения даурского поэта Ченсяна (1809-1885), включая широко известное произведение «Кисет с узором бабочки», а также «Песня ста цветов», «Двенадцать месяцев» и др.; сочинения поэтов Чин Тунпу и Мэмэгчи.

Вошли в книгу и произведения поэтов района Бутха, такие как «На карауле у границы Хэйлунцзяна», «Как войска пребывали в Ганьсу», «В солдатской казарме» и др. Все тексты представлены на двух языках – на даурском языке (в записи на латинице) и старомонгольской письменности [13].

О ярко выраженной самобытности и национальном колорите устного народного творчества дауров пишет в своей статье Ань Течжон. Сравнивая даурские произведения с ослепительными жемчужинами, автор в то же время отмечает такие моменты как жанровое и стилевое разнообразие, глубокое содержание, строгую структуру, во многом сжатую форму выражения. Как отмечает Ань Течжон, в них в полной мере отражаются реалии времени и черты национального характера, подчеркивается патриотизм дауров, их остроумие, смекалка и храбрость [10].

Завершает наш обзор источников третьей группы статья Тэгудзая, анализирующая произведения современного даурского писателя Эрдэнижаба «С шумом течет река Имин», «Тусклый свет свечи» и рассказ «Старик-скотовод». Особо интересен анализ последнего рассказа, где повествуется о нелегкой жизни скотоводов, столкнувшихся с реальностью новых рыночных отношений. В 1987 г. он был удостоен премии за вклад в литературное творчество во Внутренней Монголии [41, с. 34].

В небольшую группу можно выделить работы по традиционным обрядам дауров, включая праздничную, свадебную и погребальную обрядность. Так, даурские праздничные обряды Нового Года изучены в совместной статье Д.Ц. Бороноевой и М. Энхэбату (Энхбат) [1], истоки современного даурского фестиваля «Куммель», ежегодно проводящегося в даурском национальном районе Мэйлисы, рассмотрены в работе Цзяо Фушена и Сэрэ [37].

Свадебная обрядность дауров освещена в публикации Е Дабина, М. Бендера и Ши Куня [42], былая традиция браков с умыканием невесты прослежена в статье Сэрэнбату [39]. В статье Мунгэнтюя приводятся краткие сведения о погребальных обычаях и обрядах дауров [33].

Научные исследования в области даурского языка и его диалектов составляют отдельную группу в нашем историографическом описании духовной культуры дауров.

Крупной исследовательской работой является монография Б.Х. Тодаевой «Дагурский язык», в которой проведен фонетический и морфологический анализ языка дауров. Работа также содержит фольклорные тексты и словарь, основанные на материалах полевых исследований [5].

На основе полевых материалов, собранных в 1980-1981 гг. в даурском автономном хошуне Морин-Дава, подготовлена монография М. Энхэбату. Автор анализирует фонетику, лексику, морфологию даурского языка в сравнении с монгольским языком. В ряде случаев приводятся примеры из разговорной речи монголов, диалектные особенности, а также материалы из других монгольских языков [21].

Сравнительно-сопоставительное изучение текста «Сокровенного сказания монголов» и даурского языка проведено даурским исследователем Ардажавом. Совместно со своей супругой Сэцэнгоа он детально изучил некоторые слова, встречающиеся в «Сокровенном сказании монголов» и сравнил их со словами даурского языка. Следует заметить, что учеными проанализированы слова, записанные китайскими иероглифами.

В итоге исследования сделаны два основных вывода: 1) на основе анализа слов даурского языка выяснены точные значения ряда слов, содержащихся в «Сокровенном сказании монголов»; 2) некоторые слова современного даурского языка употреблялись в речи монголов XIII в. [11].

В научной статье Оюнга исследуются одинаковые слова в даурском и монгольском языках, их значения. Выяснено, что существует ряд слов в этих языках, имеющих разные значения или несколько значений, а также употребляющихся в более широком смысле [35].

В другой, более поздней работе Оюнга освещены итоги полевого исследования языка дауров села Баян-Тала эвенкийского хошуна. Исследовательница выявляет изменения в разговорной речи, вызванные влиянием общественного хозяйства, образования, географического расположения [36]. Следует отметить, что территория даурского селения граничит с землями шэнэхэнских бурят. Поэтому ряд бурятских семей проживает в с. Баян-Тала.

Сравнительно-сопоставительному исследованию значений одинаковых по происхождению слов в даурском и монгольском языках посвящена монография Цэбэрхас. На фоне других работ выделяется современная структура работы, где во введении обозначено современное состояние исследований в изучаемой области, деление языка на диалекты, материалы исследования.

В первой главе определяются все слова даурского и монгольского языков, подлежащие изучению; во второй главе высказываются предположения о вероятных путях изменения значений слов; третья глава посвящена выявлению причин дальнейших расхождений смысловых значений даурских и монгольских слов [14]. Исследователем также проведено специально изучение согласных звуков в бутхаском диалекте даурского языка. Сделан вывод о существенном влиянии маньчжурского языка на указанный диалект. Сравнительное изучение согласных звуков в бутхаском и хайларском диалектах показало, что в хайларском диалекте многие согласные звуки сохранили свои изначальные позиции, тогда как в бутхаском они претерпели изменения [15].

Как показано выше, дауры как и буряты являются народом, имеющим богатое духовное наследие. Поэтому изучение источников и публикаций по этой проблеме в целом может стать отдельной большой темой, как для начинающих, так и уже сформировавшихся исследователей.

Ныне нами лишь определены общие контуры проблемы, сформулирована цель и обозначены рамки исследования, предложено разделение имеющихся публикаций на несколько групп. Таким образом, исследование требует продолжения и возможно, развития в отдельное направление в рамках дауроведения. Наличие большого объема публикаций на китайском и старомонгольском языках открывает перспективы в деле дальнейшего изучения духовной культуры дауров.

Примечания

1. Бороноева Д. Ц., Энхбат М. Празднование Нового года («Ание») у дагур // Мир Центральной Азии. Т. 1. Археология. Этнология. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 97-102.
2. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в XIX – начале XX века // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2018. С. 362-370.
3. Лянь Лю. Жанры народных песен дауров в Китае // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 25. С. 89–96.
4. Поппе Н. Н. Дагурское наречие : материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. М. : Изд-во АН СССР, 1930. 174 с.
5. Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М. : Наука, 1986. 190 с.
6. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая : историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
7. Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в первой половине XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 25. С. 115–122.
8. Цыбенков Б. Д. Развитие культуры даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1950-1980-х гг. // Власть. 2019. Т. 27, № 03. С. 219-224.
9. Цыбенков Б. Д., Ли Пин. Культура цыцикарских дауров в XX веке // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–79.
10. An Tiezhong. Qiantan dawoerzu minjan wenxuede yishu meili [О художественном обаянии национальной литературы дауров] // Qingzhu Meilisi dawoerzu qu jianqu wushi zhounian wenji [Сборник статей, посвящённый к празднованию 50-летия создания даурского национального района Мэйлисы]. Qiqihaer, 2002. Pp. 164-172.
11. Ardajab, Secengoua. Mongol-un niguca tobciyan-daki dagur uges [Даурские слова в «Сокровенном сказании монголов»]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2003. 236 p.
12. Bilig. Umaradu-yin boge-yin qubcasu kiged bagaji edlel-un butece uralal [Искусство изготовления одежды и атрибутов шаманов Севера [Китай]] // Uiles-un turuge. Kukeqota, 2003. Pp. 189-199.
13. Bilid, Soyicim, Bilig. Dagur-un ulamciltu uran jokiyal [Традиционная художественная литература дауров]. Ulagan-Qada, 1987. 426 p.
14. Ceberqas. Dagur kele ba mongol kelen-u ijili garul-tai uges-un ugeyin udqa-yin qaricagulugsan sudulul [Сравнительно-сопоставительное исследование значений одинаковых по происхождению слов в даурском и монгольском языках] // Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a. 2013. 240 p.
15. Ceberqas. Dagur kelen-u Butaqa ayalgun-u geyigulugci abiyau-ijilisi-un tuqai oguleku ni [К вопросу о сближении согласных звуков в бутхаском диалекте даурского языка] // Dumdatu Ulus-un mongol sudulul

[Монголоведение Китая]. 2013 он-у 6-dugar qugacaga. 41-duger boti. 2013. № 250. Pp. 10-15.

16. Dawoer ziliao ji. Di yiji [Материалы о даурах. Т. 1] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: Minzu chubanshe, 1996. 699 p.

17. Dawoer ziliao ji. Di erji [Материалы о даурах. Т. 2] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: Minzu chubanshe, 1998. 1093 p.

18. Dawoerzu [Даурский этнос] / Yi Song zhu. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2012. 201 p.

19. Ding Shiqing. Yuyan yu shihui wenhua. Dawoer [Язык, общество и культура дауров]. Beijing: Zhongyan minzu daxue chubanshe, 1998. 327 p.

20. Engkebatu. Cing ulus-un uye-du dagur kele-ber bicigdegen jokiyal-ud-un sudulul [Исследование сочинений, написанных на даурском языке в период Цинского государства]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2001. 737 p.

21. Engkebatu. Dagur kele ba Mongol kele [Даурский язык и монгольский язык]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 1988. 361 p.

22. Guo Liru. Dawoer wuchun [Даурские учуны]. Neimenggu wenhua yinxiang chubanshe, 2018. 121 p.

23. Humphrey C., Onon U. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols. Oxford : Clarendon press, 1996. 416 p.

24. Local conditions and customs of the Daur ethnic group / Text and photographs by Aola Sailin. Beijing: China Pictorial Publishing House, 1997. 104 p.

25. Ma Yun. Woniutu tianzhujiao tangde yange [История католической церкви в Вонюту] // Meilisi dawoerzu qu wenshi ziliao. Diyi ji. [Материалы по истории и культуре даурского национального района Мэйлисы. Первый выпуск]. Qiqihaer, 1989. Pp. 132-138.

26. Manduertu. Dawoerzu baike cidian [Энциклопедия даурского народа]. Hulunbeier : Neimenggu wenhua chubanshe, 2007. 731 p.

27. Mendusurun M. Dagur boge-yin jiva (orgoi) [Одежда даурских шаманов] // Obur Mongol-un bagshi-yin yeke surgaguli-yin erdem shinjilgen-u sedkul [Научный журнал педагогического университета Внутренней Монголии]. 1-duger qugacag-a. Kukeqota, 1995. Pp. 111-116.

28. Mendusurun M. Dagur undusuten-u naiman yeke shilug dagulal-un tuqai [О восьми больших стихотворениях-песнопениях даурской народности] // Obur Mongol-un undusuten-u bagshi-yin degedu surgaguli-yin erdem shinjilgen-u sedkul [Научный журнал национального педагогического института Внутренней Монголии]. Qabur-un qugacag-a, 1990. Kukeqota. Pp. 111-116.

29. Meng Jidung. Dagur arad-un aman uliger [Устные сказки дауров]. Kukeqota: Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 1983. 468 p.

30. Meng Jidung. Dagur undusuten-u tobci teuke [Краткая история даурского народа]. Kukeqota : Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 1989. 300 p.

31. Meng Jidung. Morindabaga dagur undusuten-u oburtegen jasaqu qoshigun-u toyimu bayidal [Обозрение даурского автономного хошуна Морин-Дава]. Kukeqota : Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 1988. 269 p.

32. Meng Zhidong. Zhongguo dawoerzu tongshi: quan 3 ce [История дауров Китая с древнейших времен до наших дней : в трех частях]. Ч. 3. Shenyang : Liaoning minzu chubanshe, 2018. Pp. 691-981.

33. Monggontuyaga. Dagur undusuten-u orošigulga-yin yosun-u jang uyile-yin tuqai tobci oguleku ni [Краткие сведения о погребальных обычаях и обрядах даурского народа] // Erdem šinjilgen-u ogulel-un teguberi [Сборник научных статей]. Kukeqota : Obur Mongol-un suryan kumujil-un keblel-un qoriy-a, 2002. Pp. 318-326.

34. Monggontuyaga. Erten-u dagurcud-un šašin-u surtaqun-u torol juyil-un tobci [О типах религиозных воззрений древних дауров] // Obur Mongol-un bagshi-yin yeke surgaguli-yin erdem šinjilgen-u sedkul [Научный журнал педагогического университета Внутренней Монголии]. 2-dugar qugučag-a. Kukeqota, 2001. Pp. 96-100.

35. Oyungua. Dagur kele kiged Mongol kelen-u baying kereglegedeku ijil garul-tai uge-yin udqa-yin qaricugulul [Сопоставление значений одинаковых по происхождению слов, периодически употребляющихся в даурском и монгольском языках] // Uiles-un turuge [Сборник научных статей]. Kukeqota, 2003. Pp. 219-229.

36. Oyungua. Evengki qošigun-u Bayantala siyang-un dagurcud-un keregleju baiyuga kele-yi bayičagan šinjileku ni [Полевое исследование языка дауров сяня Баян-Тала эвенкийского хошуна] // Obur Mongol-un neyigem-un šinjileku uqagan [Общественные науки Внутренней Монголии]. 2012. № 179. Pp. 83-89.

37. Qiao Fusheng, Sere. Dawoerzude “kumule” jie [«Куммель» - фестиваль даурского народа] // Qingzhu Meilisi dawoerzu jian qu wushi zhounian wenji [Сборник статей, посвященный к празднованию 50-летия создания даурского национального района Мэйлисы]. Qiqihaer, 2002. С. 181–186.

38. Secengerel. Dagur, evengki, orcon undusuten-u arad-un aman jokiyal-daki ami-yin uqamsar [Представление о жизни [душе] в устном народном творчестве дауров, эвенков и орочонов] // Uiles-un turuge [Сборник научных статей]. Kukeqota, 2003. Pp. 230-238.

39. Serenbatu D. Bargu, buriyad, dagur, evengkicud-un ulamcilaltu urug qirim-un jang uyile-deki erten-u buliamal urug-un ula mur [Следы древнего обычая умыкания невесты в свадебной обрядности баргутов, бурят, дауров и эвенков] // Uiles-un turuge [Сборник научных статей]. Kukeqota, 2003. Pp. 200-205.

40. Stuart K., Li X., Shelear. China's Daur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 176 p.

41. Tegudjayaga. Daur jokiyaici Erdenijab-un togocis butugel-un tuqai [О списке произведений даурского писателя Эрдэнижаба] // Mongol kele udqa jokiyaal [Монгольский язык и литература]. 1997 он-у 5-dugar qugacaga. 1997. № 153. Pp. 28-34.

42. The bride's boat marriage customs of China's fifty-five ethnic minorities / compiled by Ye Dabing. Translation and introduction by Mark Bender and Shi Kun. Beijing : New world press, 1993. Pp. 32-35.

References

1. Boronoeva D.Ts., Enkhbat M. Prazdnovanije Novogo goda ("Anije) u daur [Celebration of the New Year ("Anie") by the Daur] // Mir Central'noj Azii T. I. Arkheologija. Etnologija [The Cenral Asia world. T. 1. Arkhaeology. Ethnography. Ulan-Ude, 2002. Pp. 97-102. [In Russ.].

2. Kuras L.V., Tsybenov B.D. Kul'tura i obrazovanije daurov v XIX – nachale XX veka [Culture and education of the Daur people in the XIXth - early XXth century] // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik [The Irkutsk historical-economic yearbook]. Irkutsk, 2018. Pp. 362-370. [In Russ.].

3. Lian' Liu. Zhanry narodnykh pesen daurov v Kitae [The folk songs genres of the Daur in China] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenije [Bulletin of Tomsk state university. Culturology and art history]. 2017. № 25. Pp. 89–96. [In Russ.].

4. Poppe N.N. Dauruskoe narechije. Materialy komissii po issledovaniju Mongol'skoj i Tanu-Tuvinskoj narodnykh respublik i Burjat-Mongol'skoj ASSR [The Daur dialect. Materials of the commission of the study of the Mongolian and Tanu-Tuva people's republics and the Buryat-Mongolian ASSR]. Issue 6. M., 1930. 174 p. [In Russ.].

5. Todaeva B. Kh. Dauruskij jazyk [The Daur language]. M., 1986. 190 p. [In Russ.].

6. Tsybenov B.D. Istorija i kul'tura daurov Kitaja. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The history and culture of the Daur people of China. Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude, 2012. 252 p. [In Russ.].

7. Tsybenov B. D. Kul'tura i obrazovanije daurov v pervoj polovine XX v. [The culture and education of the Daur people in the first half of the XXth century] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija [The news of Irkutsk state university. Series History]. 2018, № 25. Pp. 115–122. [In Russ.].

8. Tsybenov B.D. Razvitije kul'tury daurskogo avtonomnogo khoshuna Morin-Dava v 1950-1980-kh gg. [The culture development of the Daurian autonomous region Morin-Dava in the 1950-1980s] // Vlast' [Power]. 2019. № 3. Pp. 219-224. [In Russ.].

9. Tsybenov B. D., Li Pin. Kul'tura cicikarskikh daurov v XX veke [Culture of the Qiqihar Daur people in the XXth century] // Gumanitarny vector [Humanitarian Vector]. 2019. Vol. 14, No. 3. Pp. 71–79. [In Russ.].
10. An Tiezhong. Qiantan dawoerzu minjan wenxuede yishu meili [Art charm of the Daurian national literature] // Qingzhu Meilisi dawoerzu qu jianqu wushi zhounian wenji [Collection of the articles dedicated to the celebration of the 50th anniversary of the creation of the Meilisi Daur national district]. Qiqihaer, 2002. Pp. 164-172. [In Mong.].
11. Ardajab, Secengoua. Mongol-un niguca tobciyan-daki dagur uges [The Daurian words in «The Secret History of the Mongols»]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2003. 236 p. [In Mong.].
12. Bilig. Umaradu-yin boge-yin qubcasu kiged bagaji edlel-un butece uralal [The art of making clothes and attributes of the shamans of the North of China] // Uiles-un turuge [Collection of the scientific articles]. Kukeqota, 2003. Pp. 189-199. [In Mong.].
13. Bilid, Soyicim, Bilig. Dagur-un ulamciltu uran jokiyal [The traditional art culture of the Daurians]. Ulagan-Qada, 1987. 426 p. [In Mong.].
14. Ceberqas. Dagur kele ba mongol kelen-u ijili garul-tai uges-un uge-yin udqa-yin qaricagulugsan sudulul [The comparative study of the meanings of the same words in the Daurian and Mongolian languages] // Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a. 2013. 240 p. [In Mong.].
15. Ceberqas. Dagur kelen-u Butaqa ayalgun-u geyigulugci abiyau ijililil-un tuqai oguleku ni [On the question of the convergence of consonant sounds in the Butkh dialect of the Daurian language] // Dumdatu Ulus-un mongol sudulul [The Mongolian studies in China]. 2013 on-u 6-dugar qugacaga. 41-duger boti. 2013. № 250. Pp. 10-15. [In Mong.].
16. Dawoer ziliao ji. Di yiji [Materials about the Daur people. T. 1] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing, 1996. 699 p. [In Chinese].
17. Dawoer ziliao ji. Di erji [Materials about the Daur people. T. 2] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing, 1998. 1093 p. [In Chinese].
18. Dawoerzu [The Daur people] / Yi Song zhu. Shenyang, 2012. 201 p. [In Chinese].
19. Ding Shiqing. Yuyan yu shihui wenhua. Dawoer [The Language, society and culture of the Daur people]. Beijing, 1998. 327 p. [In Chinese].
20. Engkebatu. Cing ulus-un uye-du dagur kele-ber bicigdegsen jokiyal-ud-un sudulul [Study of the Daurian sources of the Qing Empire period]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2001. 737 p. [In Mong.].
21. Engkebatu. Dagur kele ba Mongol kele [The Daurian and Mongolian languages]. Obur Mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a. 1988. 361 p. [In Mong.].
22. Guo Liru. Dawoer wuchun [The Daur songs]. Neimenggu wenhua yinxiang chubanshe, 2018. 121 p. [In Chinese].

23. Humphrey C., Onon U. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols. Oxford, 1996. 416 p. [In Engl.].
24. Local conditions and customs of the Daur ethnic group / Text and photographs by Aola Sailin. Beijing, 1997. 104 p. [In Engl.].
25. Ma Yun. Woniutu tianzhujiao tangde yange [The history of the Catholic Church in the Woniutu village] // Meilisi dawoerzu qu wenshi ziliao. Diyi ji. [Materials on the history and culture of the Meilisi Daur National District. First edition]. Qiqihaer, 1989. Pp. 132-138. [In Chinese].
26. Manduertu. Dawoerzu baike cidian [Encyclopedia of the Daur people]. Hulunbeier, 2007. 731 p. [In Chinese].
27. Mendusurun M. Dagur boge-yin jiva (orgoi) [The Daur Shaman Clothes] // Obur Mongol-un bagshi-yin yeke surgaguli-yin erdem shinjilgen-u sedkul [Scientific Journal of the Inner Mongolia Pedagogical University]. 1-duger qugacag-a. Kukeqota, 1995. Pp. 111-116. [In Mong.].
28. Mendusurun M. Dagur undusuten-u naiman yeke shilug dagulal-un tuqai [About eight major Daur poems] // Obur Mongol-un undusuten-u bagshi-yin degedu surgaguli-yin erdem sinjilgen-u sedkul [Scientific Journal of the Inner Mongolia National Pedagogical Institute]. Qabur-un qugucag-a, 1990. Kukeqota. Pp. 111-116. [In Mong.].
29. Meng Jidung. Dagur arad-un aman uliger [The Daur tales]. Kukeqota, 1983. 468 p. [In Mong.].
30. Meng Jidung. Dagur undusuten-u tobci teuke [The brief history of the Daur people]. Kukeqota, 1989. 300 p. [In Mong.].
31. Meng Jidung. Morindabaga dagur undusuten-u oburtegen jasaqu qoshigun-u toyimu bayidal [Review of the Morin-Dawa Daur Autonomous Region]. Kukeqota, 1988. 269 p. [In Mong.].
32. Meng Zhidong. Zhongguo dawoerzu tongshi: quan 3 ce [The history of the Daurs of China from ancient times to the present days: in three parts]. Ch. 3. Shenyang, 2018. Pp. 691-981. [In Chinese].
33. Monggontuyaga. Dagur undusuten-u orošigulga-yin yosun-u jang uyile-yin tuqai tobci oguleku ni [The brief information about the burial customs and rites of the Daur people] // Erdem šinjilgen-u ogulel-un teguberi [Collection of scientific articles]. Kukeqota, 2002. Pp. 318-326. [In Mong.].
34. Monggontuyaga. Erten-u dagurcud-un šašin-u surtaqun-u torol juyil-un tobci [On the types of religious beliefs of the ancient Daur people] // Obur Mongol-un bagshi-yin yeke surgaguli-yin erdem šinjilgen-u sedkul [Scientific Journal of the Inner Mongolia Pedagogical University]. 2-dugar qugučag-a. Kukeqota, 2001. Pp. 96-100. [In Mong.].
35. Oyungua. Dagur kele kiged Mongol kelen-u baying kereglegdeku ijil garul-tai uge-yin udqa-yin qaricugulul [The comparison of the words meanings of the same origin periodically used in the Daurian and Mongolian languages] // Uiles-un turuge [The collection of scientific articles]. Kukeqota, 2003. Pp. 219-229. [In Mong.].

36. Oyungua. Evengki qoŝigun-u Bayantala siyang-un dagurčud-un keregleju baiyga kele-yi bayičagan ŝinjileku ni [The field study of the Daurian language from the village of Bayan-Tala, the Evenk district] // *Obur Mongol-un neyigem-un ŝinjileku uqagan* [Social Sciences of Inner Mongolia]. 2012. № 179. Pp. 83-89. [In Mong.].

37. Qiao Fusheng, Sere. Dawoertzude “kumule” jie [The festival «Kummel» of the Daur people] // *Qingzhu Meilisi dawoerzu jian qu wushi zhounian wenji* [The articles collection dedicated to the celebration of the 50th anniversary of the creation of the Meilisi Daur National District]. Qiqihaer, 2002. Pp. 181–186. [In Chinese].

38. Secengerel. Dagur, evengki, orcon undusuten-u arad-un aman jokiyal-daki ami-yin uqamsar [The concept of life [soul] in the oral folklore of the Daur, Evenks and Orochons] // *Uiles-un turuge* [The collection of scientific articles]. Kukeqota, 2003. Pp. 230-238. [In Mong.].

39. Serenbatu D. Bargu, buriyad, dagur, evengkicud-un ulamcilaltu urug qurim-un jang uyile-deki erten-u buliamal urug-un ula mur [Traces of the ancient custom of bride abduction in the wedding rituals of the Barguts, Buryats, Daur and Evenks] // *Uiles-un turuge* [The collection of scientific articles]. Kukeqota, 2003. Pp. 200-205. [In Mong.].

40. Stuart K., Li X., Shelear. China's Daur Minority: Society, Shamanism and Folklore. Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. Philadelphia, 1994. 176 p. [In Engl.].

41. Tegudjayaga. Dagur jokiyalci Erdenijab-un togocis butugel-un tuqai [On the list of the works of the Daurian writer Erdinizhab] // *Mongol kele udqa jokiyal* [The Mongolian language and literature]. 1997 on-u 5-dugar qugacaga. 1997. № 153. Pp. 28-34. [In Mong.].

42. The bride's boat marriage customs of China's fifty-five ethnic minorities / compiled by Ye Dabing. Translation and introduction by Mark Bender and Shi Kun. Beijing, 1993. Pp. 32-35. [In Engl.].

Ткачев В.В.

Tkachev V.V.

**АЛЬБОМ Б.И. ЛЕБЕДИНСКОГО «ИРКУТСКИЙ ОСТРОГ» (1929):
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

**V.I. LEBEDINKY'S "IRKUTSK OSTROG" ALBUM (1929):
HISTORIOGRAPGY AND HISTORY OF CREATING THE
ADMINISTRATIVE CENTER IN EASTERN SIBERIA**

В статье представлена история создания альбома «Иркутский острог» (1929), жизнь и деятельность Б.И. Лебединского (1891-1972). Приведена историография изучения исторической живописи, основные этапы творческой деятельности иркутского художника. Проанализированы источники, которые использовал художник для создания альбома «Иркутский острог». Отмечается важность изучения исторической живописи для реконструкции событий прошлого.

The article presents the history of creating the album "Irkutsk ostrog" (1929), the life and activity of B.I. Lebedinsky (1891-1972). The historiography of studying historical painting and the main stages of the Irkutsk painter's creativity are given. The sources used by the painter to create the album have been analyzed. The importance of studying historical painting for reconstructing past events is noted.

Ключевые слова: историческая живопись, историография, история Сибири, Б.И. Лебединский, Иркутский острог, история Иркутска.

Keywords: historical painting, historiography, history of Siberia, B.I. Lebedinsky, Irkutsk ostrog, history of Irkutsk.

Художник как любой исследователь, работая над картиной, изучает источники, собирает образы, делает эскизы. Даже если автор не был свидетелем события, он может создать исторический сюжет, обозначить идею. Таким примером служит творчество сибирского художника Василия Ивановича Сурикова (1848-1916) [8, с. 154-177]. Он изучал исторические источники с целью поиска взаимодействия между прошлым, настоящим и будущим государства. В своих работах автор показал исторический образ Петра I, боярыни Морозовой, Степана Разина [9, с. 87-105]. В Сибири известен ещё один художник, который создавал картины на исторические сюжеты, это Борис Иванович Лебединский. Он изучал архитектуру русских городов, быт народов, интересовался историей освоения Сибири [11, с. 87-105].

Хронологические рамки данного исследования начала XX в. охватывают следующие аспекты: изучение художником архитектуры древних

городов, подбор материала, анализ сибирских летописей, сбор образов в эскизы и непосредственное создание альбома.

Территориальные рамки исследования сосредоточены в административном, культурном и образовательном центре восточной Сибири, г. Иркутске. Цель данного исследования заключается в том, чтобы на основе широкого круга источников воссоздать историю создания альбома Бориса Ивановича Лебединского «Иркутский острог» (1929).

В результате выделены следующие задачи: изучить творческую, научную, общественную деятельность Б.И. Лебединского; выделить основные этапы развития исторических тем в живописи; рассмотреть источники, которые послужили основой для написания альбома «Иркутский острог» (1929); представить историографию о жизни и деятельности сибирского художника.

Отечественная историография о жизни и деятельности Б.И. Лебединского (1891-1972). Жизнь и деятельность Бориса Ивановича всегда интересовала общественность. О художнике писали газеты и журналы, к каждой выставке выпускались каталоги, буклеты и альбомы. Так, о Борисе Ивановиче писали статьи в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Ангара», общественно-политической газете «Областная» и других. В 1929 г. вышел альбом «Иркутский острог», где автор сделал краткий исторический иллюстрированный очерк. В этом же году составляет альбом «Московские ворота города Иркутска», в котором художник представил краткое историческое описание с автолитографией по камню. В 1929 г. выпускается работа Бориса Ивановича «Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа дер. Грановщина». В 1931 г. выходит альбом автолитографий по камню «Аршан». В 1947 г. создаётся альбом Б.И. Лебединского «Байкал», а в 1962 г. альбом «Иркутск» [6, с. 2].

О творчестве Бориса Ивановича пишет в своей статье В.В. Фалинский «Художники РФ: Б.И. Лебединский» (1962). Также В.В. Фалинский составляет брошюру-каталог по выставке Б.И. Лебединского и в 1961 г. передаёт в Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Первое исследование жизни и деятельности художника проводил искусствовед, заслуженный работник РФ, почетный гражданин г. Иркутска, член Союза художников РФ А.Д. Фатьянов. Алексей Дементьевич подробно описывал историю картин из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева, где привёл биографию сибирского художника. В 1971 г. подготовил статью к каталогу, посвящённому 80-летию со дня рождения художника. А.Д. Фатьянов описывал творческую деятельность Бориса Ивановича: «Наибольшее место отведено работам старейшего офортиста Сибири Б.И. Лебединского, начавшего работать в этой манере ещё в первые годы советской власти и являющегося сейчас ведущим мастером графики Сибири. Офорты, литографии и рисунки Б.И. Лебединского исполнены с большим профессиональным мастерством и совершенной техникой» [1].

Творчество иркутского художника изучает Лариса Васильевна Тихонова и подробно описывает его жизненные периоды в работе «Заслуженный деятель искусств РСФСР Б.И. Лебединский (1891-1972)» (1974). В 1983 г. выходит обширное биографическое исследование жизни и деятельности Б.И. Лебединского Ларисы Васильевны «Резцом и кистью: очерк жизни и творчества художника Б.И. Лебединского».

В работе подробно представлены основные этапы творческой деятельности иркутского художника, истории создания живописных полотен, альбомов и его участие в выставках городского, регионального, международного уровней. Л.В. Тихонова использовала для написания книги воспоминания, письма художника, документы фонда Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Автор использовал впечатления от многочисленных встреч с Б. И. Лебединским, страницы его воспоминаний, заметок об искусстве, а также адресованные ему письма художников-современников, отзывы о его произведениях специалистов и зрителей.

Жизнь и деятельность Б.И. Лебединского изучала Т.Г. Ларева. В 1994 г. искусствовед составляет альбом «Художники Иркутска», где подробно описывает основные этапы творческой деятельности художника.

В 2012 г. выходит статья «Творчество Бориса Ивановича Лебединского» Сергея Николаевича Бригидина в ежегоднике Музея истории города Иркутска (2010-2011). В 2012 г. к 350-летию города Иркутска выходит календарь «Иркутск исторический в гравюрах Б. И. Лебединского».

В 2016 г. выходит каталог выставки, посвященный 125-летию со дня рождения художника «Борис Лебединский». В каталоге представлена биография художника, история написания живописных полотен и его участия в выставках.

В настоящее время опубликованы работы, статьи, каталоги и альбомы искусствоведов, культурологов, музейных работников, историков, которые раскрывают основные этапы жизни и деятельности Б.И. Лебединского [7, с. 12]. Несмотря на существующую литературу, полных исследований по истории создания исторических альбомов, живописных полотен нет. Не описаны источники, на которые опирался художник при создании своих работ. Не изучен архив Б.И. Лебединского: письма, заметки, которые делал после многочисленных поездок по Сибири [8, с. 26-30].

Жизнь и деятельность Б.И. Лебединского (1891-1972). Борис Иванович Лебединский – мастер живописного пейзажа, Заслуженный деятель искусств РСФСР (1957), автор известных графических серий по истории Иркутска: «Московские ворота города Иркутска» (1929), «Иркутский острог» (1929), «Аршан» (1931), «Тайга сибирская» (1947), «Байкал» (1947, 1958, 1966). Работы художника находятся в Третьяковской галерее, ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве, ГРМ (Русский музей) в Петербурге, ИОХМ (Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева) и других музеях Сибири [10, с. 49-50].

Борис Иванович родился 17 октября 1891 г. в городе Луге Петербургской губернии в семье псаломщика. Отец был дьяконом, преподавал в церковноприходской школе, обучал детей грамоте, счёту и церковному пению, закону Божьему, чтению церковнославянских текстов. Он был человеком демократических убеждений, хорошо начитанным, тяготеющим к искусству.

Родители художника хотели, чтобы сын посвятил свою жизнь духовной сфере, и отдали его в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. Встреча с пейзажистом Иван Ивановичем Шишкиным в Преображенском предопределила судьбу талантливого мальчика. Он решил стать художником.

Борис Иванович ушёл из семинарии и поступил в Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Санкт-Петербурге (1907). Затем учился в Рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств (1908-1913), специализируясь по классу офорта и гравюры в мастерской В.В. Матэ, у которого продолжал образование в 1913-1915 гг. Он занимался акварелью у А.Ф. Писемского, графикой у И.Я. Билибина, у Ф.В. Дмоховского изучал тонкости рисунка пером. У Н.П. Химона, а затем у А.А. Рылова брал уроки живописи, у Н.К. Рериха занимался композицией. Но главным учителем Б.И. Лебединского стал Василий Васильевич Матэ, мастер оригинальной и печатной графики [4, с. 9].

С 1909 года Борис Иванович участвует в выставках Рисовальной школы ОПХ. Первой серьёзной профессиональной вехой для художника стала всероссийская выставка молодых художников в 1912 году, организованная Художественно-артистической ассоциацией, членом и секретарём которой Борис Иванович являлся с 1911 года. На выставке русской графики в Лейпциге (1914) его работа «Новгородские стены» была удостоена медали. В 1914-1915 гг. он участвует в росписи храмов под руководством архитектора и профессора А.В. Прахова, для чего глубоко изучает русскую орнаментику.

После окончания учёбы в 1917 г. Борис Иванович с братьями Георгием и Сергеем переехал в Иркутск, преподавал рисование и черчение в 3-м Реальном коммерческом училище и Григорьевской женской гимназии (1917-1926). Член Иркутского общества художников, участник его выставок. Председатель Совета картинной галереи (1924-1925), хранитель (1925-1928).

Б.И. Лебединский в Иркутске нашёл большие возможности для осуществления общественной, творческой деятельности. В своих воспоминаниях художник писал: «С 1924 года я принимаю участие в ряде экспедиций, что мне помогает глубже познать величину и красоту края. Познание всегда было одним из элементов моего труда. Так, увлекшись палеогеологией, делаю ряд реставраций вымершего животного царства для Иркутского госуниверситета. По ним учились студенты, читались массовые лекции. Работая в биолого-географическом научно-исследователь-

ском институте в должности старшего научного сотрудника, принимал самое активное участие в создании профессором М.М. Кожовым байкальского музея как художник. Сотрудничал в Сибирской советской энциклопедии, иллюстрировал ряд книг местного издательства. С первых лет Советской власти я был инструктором по охране памятников искусства, старины и природы. В 1924-1925 гг. был председателем бюро рабкоров Маратовского района. Работая педагогом в средних учебных заведениях, был председателем Рабпроса Маратовского района. Принимал участие в периодической прессе рядом статей по общественным вопросам и вопросам искусства. В течение семи лет был депутатом Иркутского городского Совета (второго, третьего, четвёртого созывов)» [3, с. 43].

Организатор и участник первой сибирской выставки в Иркутске (1925). Делегат I Всесибирского съезда художников в Новосибирске и участник 1-й Всесибирской передвижной выставки (1927). Член-учредитель Иркутского филиала общества «Новая Сибирь» (1928). Член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (с 1918), работал в Комитете Севера, участвовал в работе над Сибирской Советской энциклопедией.

В 1932 г. уехал в Ленинград. В 1933 г. Б.И. Лебединскому было предъявлено обвинение в хранении и сокрытии литературы, принадлежащей контрреволюционной организации. Он осуждается к заключению в Соловецкий лагерь особого назначения.

В 1935-1943 гг. жил в Старой Руссе и в Горьковской области. В Иркутск вернулся в 1944 г., работал в художественном училище, был художником Иркутского отделения Художественного фонда СССР. Один из ярких представителей сибирского эстампа, активный поборник реалистичной школы, автор известных графических серий по истории Иркутска, мастер живописного пейзажа. За вклад в развитие советского изобразительного искусства Борису Ивановичу в 1957 г. присвоено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Он награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» [2, с. 122].

История создания альбома Б.И. Лебединского «Иркутский острог» (1929). В 1920-е гг. в творчестве Бориса Ивановича утверждаются две темы, которые останутся главными для него на всю жизнь. Первая – это пейзажи Сибири, края, которым Б.И. Лебединский был совершенно очарован. Вторая – иркутская старина, историческое прошлое Иркутска, воплощённое в древних храмах и городских постройках.

Б.И. Лебединский серьёзно изучал образцы древнерусского и византийского искусства, принимал участие в церковных росписях, писал новгородские храмы и памятники. В начале творческого пути он точно сформулировал свои принципы. Характерные для предреволюционного искусства мистические мотивы и приёмы стилизации прошлого его не

привлекали. Он избрал путь документализма, считая историческое исследование высокой миссией художника.

В Сибири Б.И. Лебединский получил хорошую возможность подтвердить свои взгляды опытом творчества. Познание истории стало фундаментом работы художника.

В 1918 г. он вступил в члены Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, активное сотрудничество в котором ещё теснее приблизило его к научному изучению природы, характера, особенностей сибирской земли.

В 1920-х гг. художник работал в комитете Севера, созданном специально для изучения культуры и быта аборигенов края. Он много ездил, вникал в жизнь, обычаи, фольклор якутов, бурят и эвенков, делал много зарисовок, исподволь вынашивал замысел серии офортов о народах Севера, который нашёл отражение в его альбоме «Аршан», изданном в Иркутске в 1931 г., и в офортах «Сказочник шорец», «Сказочник Ослам», «Старик бурят», «Бурятка в гостях», «На Крайнем Севере», «Юрты и олени».

В 1929 г. выходят альбомы художника под названием «Иркутский острог» и «Московские ворота». К работе над альбомом художника звало пророческое предвидение большого будущего Сибири. Актуальность замысла Б.И. Лебединский утверждал вопреки распространённым в 1920-е гг. вульгаризаторским тенденциям, безоглядно относить национальные памятники старины в разряд ненужных лишь потому, что возведены они, были в пору ненавистного царского самодержавия. По мысли художника, образ Иркутского острога должен был отразить крепость, свободолюбие и цельность сибирского характера, которые унаследовали хозяева новой судьбы Сибири. Он говорил, что внимание к славным страницам истории Родины имеет особо высокий смысл для граждан первого в мире «государства рабочих и крестьян, ибо помогает им глубже осознать свою роль в истории».

Борис Иванович серьёзно изучал исторические источники для создания исторического облика Иркутска. Художник подробно разбирал иркутские летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова (1911), исследовал известные графические зарисовки острога С.У. Ремезова в его чертёжной книге, гравюру в книге Н. Витзена «Nord en Oost Tartarien», гравюру сухой иглой со слабой подправкой в «Атласе к живописному путешествию по Азии» и гравюру способом офорта работы неизвестного автора конца первой половины XVIII столетия» [1].

Семён Ульянович Ремезов (1642 – после 1720) – тобольский дворянин, картограф, историк и этнограф Сибири. Центральное место в его обширном письменном наследии занимает Ремезовская летопись – единственная сибирская летопись, украшенная рисунками. Язык летописи характеризуется исследователями как народный, насыщенный терминологией приказов, ему присуща сжатость и простота. Центральным героем летописи являются казаки, олицетворяющие народные массы.

Автор с сыновьями создал три замечательных сборника чертежей и рисунков: «Чертежную книгу Сибири» (1701), «Хорографическую чертежную книгу» (1697–1711) и «Служебную чертежную книгу» (1702–1730).

Наибольший интерес представляет рукописная «Чертежная книга Сибири». Это первый русский географический атлас из 23 чертежей большого формата, охватывающий все уезды Сибири. Атлас отличается обилием и детальностью сведений и подводит итог накопившемуся к тому времени географическим материалам.

Первое издание атласа с предисловием к нему самого С.У. Ремезова было издано Археографической комиссией в 1882 в Санкт-Петербурге. В атласе С.У. Ремезова впервые представлен «Чертеж земли Иркутского города», дающий представление об Иркутском остроге и территории Прибайкалья в конце XVII века.

Опись 1684 г. рассказывает, что Иркутский острог имел «шесть башен с мосты, три башни покрыты тесом, три дранью, в 2 башнях ворота проезжие створные, у одних башенных ворот калитка проходная на железных крюках, с петли железные и замком весным да в острожной стене приказная изба с сеньми, покрыта тесом... Да на проезжей башне казенный анбар, а у дверей замок задоросчатый двсеполичный с ключом... Вспереди острога церковь. А под папертью кругом 6 лавок о 2 житьях; колокольня новая рублёная, шатровая с переходы, а под нею 4 лавки да анбар церковный, казенный, в остроге же анбар житничный об одном житье, крыт тесом. В острожной же стене государев двор, где живут иркутские воеводы, 2 горницы, одна под башней, а другая – на жилом подклети... Да в тех же горницах в 3 окошках колодных, 3 оконницы слюдяные, обиты железом белым, а меж теми горницами двои сени; изба ж о двух печах и кровлей, где живут воеводские люди, анбар о трёх житьях покрыт тёсом... поварня, мыльня на режах, да за острогом мыльня ж людская; огород частокольный с воротцы, а в огороде рассадник; двор огорожен забором, ворота створныя. В остроге ж под башня 3 избы, где живут холостые казаки. В остроге ж изба гостина двора, а против избы клеть с подклетью и сеньми, крыты дранью. В остроге ж караульна изба, а в караульне три человека аманатов...» [3, с. 47-48].

Борис Иванович решил приобщить материалы летописных источников, ввести их в свою творческую лабораторию, и крупноформатный альбом «Иркутский острог» получил подзаголовок «Краткий иллюстрированный исторический очерк». В тематическую коллекцию гравюр органично вписались тексты Описей, хроники, развёрнутые комментарии автора. Альбом обрёл свойства своеобразной монографии, имеющей большую познавательную и, вместе с тем, историко-художественную ценность. По образцам рукописей и печатной русской орнаментики XII в. художник выполняет заголовки и подзаголовки, затейливые заглавные алые буквы, заставки и концовки, подбирает шрифты.

В альбом вошли работы: двухцветная линогравюра «Иркутск древний», литография «Сергиевская башня (Иркутск XVIII века), офорт «Иркутский острог. Глухая башня», «Улица старого Иркутска». Завершает альбом изображение «Горбатый дом. 1879 г». В альбом «Иркутский острог», кроме эстампов, вошли и тексты, составленные художником на основе иркутских летописей, в которых приводится словесное описание крепости.

Но изучением исторической литературы Борис Иванович не ограничивался. В 1920-е гг. он принял участие в раскопках у крепостных стен острога. На их основе у него сложилось своё представление об его устройстве, подкреплённое настоящими фактами, которые извечно существуют между природой и архитектурой, между архитектурой и характером создающих её людей [3, с. 46-57]. Монументальная постройка вписана художником в распахнутость далей, она живёт в гармонии со стремительной рекой; с высоким, в крутом кипении облаков, небом; с величественно наплывающими от горизонта холмами. И отсылаешь память к далёкому прошлому, когда боярский сын Якунька Иванов Похабов бил челом воеводе енисейскому, сообщая: «В нынешнем 169 (1661) году июля в шестой день, против Иркута реки на Верхоленской стороне, Государев новый острог служилыми людьми ставлю...». И позже: «изволил острог поставить, и тут место самое лучшее, угрожее для пашень и скотиной выпускки сенные покосы и рыбные ловли – всё близко» [3, с. 49-50]. Родство с могучей природой было явно по душе людям, топором да сметкой и силой недюжинной поднявшим острог.

«Иркутский острог» (1929) имеет продолжение в других работах по изучению истории Иркутска, созданию летописи событий. В 1960-е гг. художник создаёт серии гравюр о старом городе: «Иркутский острог» (1963), «Иркутск в 1817 г. (Галиот 1817 г.)» (1969), «Иркутск 17-го года» (1969), «Иркутск. Старая таможня» (1971), «Иркутск 1971 г» (1971) [5, с. 5].

Таким образом, Борис Иванович Лебединский создал альбом «Иркутский острог» (1929), который представил город Иркутск XVII-XVIII вв. Он изобразил архитектуру города того периода, изучив множество научных статей, монографий, архитектурных документов, первые летописи. Художник проделал огромную работу по реконструированию исторической городской среды и созданию образа старого Иркутска.

Примечания

1. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. Р-2802. Оп. 2. Д. 41. Л. 65

2. Борис Лебединский : каталог выставки, посвящ. 125-летию со дня рождения художника / сост.: Н. Сысоева, Т. Огородникова ; ред. М. Ткачева. Иркутск : Иркут. обл. худож. музей им. В. П. Сукачева, 2016. 80 с.

3. Ларёва Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX начала XXI века. Иркутск : Принт Лайн, 2015. 615 с.
4. Лебединский Б. И. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа дер. Грановщина. Иркутск : Власть труда, 1929. 12 с.
5. Лебединский Б.И. Иркутский острог : краткий ист. ил. очерк. Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. геогр. об-ва, секция шк. и общ. краеведения, 1929. 6 с.
6. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX в.). Иркутск, 2002. 336 с.
7. Маджаров А. С. Христианское начало в культуре России XIX-XXI вв. // Седьмые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (8 окт. 2008 г.). Иркутск, 2008. 348 с.
8. Маджаров А. С. История России в теории цивилизации. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
9. Маджаров А. С. «Русская история» В. И. Сурикова и отечественная историография второй половины XIX в. (к 165-летию со дня рождения художника) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 87-105.
10. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. Л. : Художник РСФСР, 1974. 144 с.
11. Тихонова Л. В. Резцом и кистью : очерк жизни и творчества художника Б. И. Лебединского. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 112 с.

References

1. GANIIO [State Archive of the Irkutsk region recent history]. F. P-2802. Op. 2. P. 41. L. 65 [In Russ.].
2. Boris Lebedinsky: katalog vystavki, posvjasch. 125-letiju so dnja rozhdenija khudozhnika [Boris Lebedinsky: catalogue of the exhibition devoted to the 125th anniversary of the artist's birthday] / comp. by N. Sysoyeva, T. Ogorodnikov; edited by M. Tkachev; GBIK "Irkutsk Regional Art Museum named after V. P. Sukachev". Irkutsk, 2016. 80 p. [In Russ.].
3. Laryova T.G. Istorija izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ja XX veka - nachala XXI veka [The history of fine art of the Baikal region of the XXth - beginning of the XXIst century]. Irkutsk, 2015. 615 p. [In Russ.].
4. Lebedinsky B.I. Iz nabljudenij nad krestjanskim zodchestvom Irkutskogo okruga der. Granovschina [From the observations of the peasant architecture of the village Granovschina of the Irkutsk region]. Irkutsk, 1929. 12 p. [In Russ.].
5. Lebedinsky B.I. Irkutsk ostrog: kratkij ist.il. ocherk [Irkutsk ostrog: a brief historical illustrated essay]. Irkutsk, 1929. 6 p. [In Russ.].
6. Lykhin Yu.P. Khudozhestvennaja zhizn' Irkutska (pervaja chetvert' XX v. [The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XXth century). Irkutsk, 2002. 336 p. [In Russ.].
7. Madzharov A.S. Khristianskoje nachalo v kul'ture Rossii XIX-XXI vv. [Christian beginning in the culture of Russia of the XIXth-XXIst centuries]

// Sed'myje Shchapovskije chtenija [The seventh Shchapovskie readings]. Materials of All-Russian Scient. and pract. conf. (8 October 2008). Irkutsk, 2008. 348 p. [In Russ.].

8. Madzharov A.S. Istorija Rossii v teorii civilizacii [The history of Russia in the theory of civilization]. Irkutsk, 2014. 211 p. [In Russ.].

9. Madzharov A.S. "Russkaja istorija" V.I. Surikova i otechestvennaja istoriographija vtoroj poloviny XIX veka (k 165-letiju so dnja rozhdenija khudozhnika) ["Russian history" of V.I. Surikov and national historiography of the second half of the XIXth century (to the 165th anniversary of the artist's birthday) // Izvestija Irkutskogo gosudartsvennogo universiteta. Serija «Istorija» [Proceedings of the Irkutsk State University. Series "History"]. T.2. Irkutsk, 2013. Pp. 87-105. [In Russ.].

10. Muratov P.D. Khudozhestvennaja zhizn' Sibiri 1920-kh gg. [The artistic life of Siberia in the 1920s]. L., 1974. 144 p. [In Russ.].

11. Tikhonov L.V. Rezcom i kistju: ocherk zhizni i tvorchestva khudozhnika B.I. Lebedinskogo [By cutter and brush: essay about the life and creativity of the painter B. I. Lebedinsky]. Irkutsk, 1983. 112 p. [In Russ.].

Русак Н.Г.

Rusak N.G.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИРКУТСКОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

ACTIVITY OF THE PRIMARY PARTY ORGANIZATION OF THE IRKUTSK THEATER OF MUSICAL COMEDY

Статья раскрывает особенности функционирования первичной партийной организации в Иркутском музыкальном театре. Рассматривается история создания первичной партийной организации, обсуждение репертуара театра, специфика политического просвещения работников, взаимодействие с профсоюзом и комсомолом, а также шефская работа на селе и БАМе.

The article reveals the features of the primary party organization functioning in the Irkutsk musical theater. The article considers the history of its creation, the theater repertoire discussion, the specifics of the workers' political education, the interaction with the trade union and the Komsomol as well as the patronage work at the rural areas and the BAM.

Ключевые слова: первичная партийная организация, партийное собрание, секретарь первичной партийной организации, Иркутский музыкальный театр, репертуар театра, партийное просвещение, идеологическая работа, Николай Матвеевич Загурский.

Keywords: primary party organization, party meeting, secretary of the primary party organization, Irkutsk musical theater, theater repertoire, party education, ideological work, Nikolai Matveyevich Zagursky.

Первичные партийные организации, являвшиеся основой партии, создавались по производственному или территориальному принципу при наличии не менее трех членов партии и утверждались вышестоящим партийным органом.

На заседании Иркутского горкома ВКП/б 25 января 1945 г. рассматривался вопрос о создании первичной парторганизации при областном театре музкомедии, в целях укрепления коллектива и широкого развертывания в нем политико-массовой и воспитательной работы. В коллективе областного театра музкомедии имелись 4 члена партии и 7 кандидатов, что позволило бюро Кировского РК ВКП/б 24.01.1945 г. принять решение о создании первичной парторганизации при театре музкомедии. Решение бюро Кировского РК ВКП/б было утверждено горкомом партии.

Первичная партийная организация при областном театре музкомедии была создана при следующем составе: члены ВКП/б – зам. директора Римлянд А. Л., директор дома народного творчества Люрис Г. Л., артист

Блиц Ф. А., артистка Стародубцева М. Д., кандидаты в члены – худрук. Сагандачный Л. Ю., зав. постановочной частью Маленский Л. Г., артист балета Загурский Н. М., артист балета Таскин А. В., артистка балета Лейбина Т. А., хористка Котова Е. А., артист Морозов И. М. [1, л. 7об].

Высшим органом первичной партийной организации являлось общее партийное собрание. У новообразованной первичной парторганизации театра первое партсобрание состоялось 26 января 1945 г. Секретарем парторганизации единогласно был избран Блиц Флавий Александрович, замдиректора театра [3, л. 2].

Количественный состав партийной организации ежегодно менялся по различным причинам. Так, по состоянию на октябрь 1968 г. на учете в первичной партийной организации числятся 22 члена КПСС, при коллективе театра в 200 человек. По возрасту до 25 лет – 1 чел, от 25-40 – 12 чел, от 40 и выше – 9 чел, по образованию: высшее имели 3 чел, среднее – 16 чел, н/высшее – 3 чел. Шесть коммунистов имели постоянные поручения, 16 выполняли разовые поручения. У многих коммунистов были постоянные поручения. Корсаков Э. Д. отвечал за работу комсомольской организации, Абашев В. В. был секретарем партийной организации, Боровская С. В. – зам. секретаря – отвечала за идеологическую работу, Хохолков Н. И. выступал председателем группы народного контроля, Белопашенцев С. В. – председатель ДОСААФ [9, л. 17-19].

В своей деятельности первичная партийная организация руководствовалась Уставом и Программой партии. Являясь политическим ядром трудового коллектива, парторганизация проводила работу по выполнению директив партии в осуществлении социального и культурного развития государства, воспитанию коммунистов и повышению их авангардной роли в решении стоящих перед коллективами задач.

На партсобраниях обсуждались вопросы, не только рекомендованные РК ВКП/б, но и заслушивались доклады директора театра, гл. режиссера о репертуарном плане театра, о ходе работ на гастролях и планы текущей работы. Поднимались темы, связанные с ролью и задачами парторганизации в выполнении репертуарного и финансового плана. Ставились вопросы о политучебе коллектива и коммунистов, обсуждались вопросы, связанные с деятельностью комсомольской организации, также разбирались личные заявления. По итогам партсобрания принимались решения, направленные на улучшение производственных вопросов, качества выпускаемых спектаклей, политмассовой и воспитательной работы, решения по руководству профсоюзной и комсомольской организаций. Однако в силу занятости, некомпетентности и завышенных требований не всегда удавалось реализовать поставленные задачи [5, л. 6-7].

Безусловно, вопросы репертуара музыкального театра регулярно с пристрастием обсуждались партийной организацией. К примеру, на открытом партийном собрании работников театра музыкальной комедии 21 января 1950 года на повестке дня рассматривался вопрос «О ходе подготовки спектакля «У голубого Дуная»». С докладом выступал постановщик

спектакля Орловский: «На сегодня в спектакле отсутствует страстность в актерской игре. Тов. Квитко не хочет понять роли майора Ковалева, сегодня Ковалева в спектакле нет. Но ошибка эта может быть выправлена, если этого захочет тов. Квитко. Образ Курта далек от настоящего Курта, это роль не в плане т. Тульпо, хотя он относится к этой роли добросовестно. У актера Муринского (роль Витола) отсутствует линия взаимоотношений с Галей – причина этого индивидуальность. Галя – артистка Алексеева в плане. Артистка Попова (роль Луизы) в основном со своей задачей справилась. Портъе – артист Каширский – я его повел не по той линии – нужны некоторые исправления, отдельные занятия» [4, л. 67].

По вопросу в прениях выступали актеры, музыканты, костюмеры, среди присутствующих на собрании можно отметить выступление нескольких товарищей. Например, тов. Блиц рассказал, что «Бесстрастие в спектакле это наша вина коммунистов, бесстрастие проявили сами коммунисты, не зажгли массы. Сами коммунисты не жили этим спектаклем. Но в состоянии катастрофы мы не находимся, коллектив уверен в себе – спектакль будет хороший. Бесстрастность завтра уйдет на третий план». Высказал свое мнение тов. Муринский: «Мы, коммунисты недостаточно провели агитационной работы по спектаклю, результат – нет исполнителей главных ролей. Я недостаточно занимался спектаклем. В оркестре нет нюансов. Костюмерный цех не знает кого одевает». Ярко выступила секретарь парторганизации тов. Кустарева: «Все мы подписались под Стокгольским воззванием и неужели после этого нужно артистов персонально приглашать на собрание, которое посвящено пьесе, тема которой – МИР. Ведущие артисты слишком возгордились своим мастерством. У нас нет настоящей дружбы в коллективе, новых людей встречают недружелюбно. Коммунисты не все выполнили поручения по подготовке этого спектакля. Массовые цеха здоровы, но дурно заражаются от ведущих актеров. Нужно поверить в свои силы, финиш спектакля недалек» [4, л. 68-69].

На закрытом партийном собрании музтеатра 25 января 1951 г. в обсуждении информации о ходе работы по выпуску спектакля «Трембита» секретарь парторганизации Кустарева А. С. отмечает, что т. Орловский, постановщик спектакля, в своей первой работе «У голубого Дуная» «Зажал актеров, но теперь, в спектакле «Трембита», поверил в актеров и дал им свободу действий, а отсюда и продуктивность этой работы». Как секретарь парторганизации Т. Кустарева обратила внимание «что важнее в роли Василины ее идея, которую она несет через прозу или через вокал? Т. Брусиловская не несет образа, в ее произношении прозы ничего не разобрать». Тоже самое о т. Литхене: «Его дефект – заикание настолько мешает его образу. Ну а о вокале и говорить нечего, что т. Шипулин конечно лучше». Высказалась т. Кустарева относительно дисциплины: «Если хор иногда и не делает в полную ногу на повторах сцен, то им это можно простить, если учесть, что они целый день на репетициях и спектаклях заняты все. Какой пример дисциплины являет собой героиня, если

она все время вступает в пререкания с режиссером, дирижером, с партнерами на повышенном тоне, нервозно» [6, л. 1-6].

Борясь за выполнение постановления ЦК ВКП/б 1946, 1948 г. по идеологическим вопросам, первичная партийная организация добивалась значительной перестройки репертуарного плана музыкального театра. Так в 1950 г. на 70% из репертуара театра были исключены венские оперетты, основное место репертуара музыкального театра стали занимать советские спектакли [5, л. 2].

Партийная организация была ответственна за воспитание, повышение идейно-политического уровня коммунистов и беспартийных работников театра. В первые годы образования первичной парторганизации стали функционировать кружки по изучению Краткого курса истории партии, кружок по изучению биографии тов. И. В. Сталина, текущей политики, но ввиду формального подхода к распределению записи в кружки, посещаемость крайне низкая. Темами занятий кружка текущей политики были: выборы в местные советы, итоги 2-й Всесоюзной конференции сторонников мира, празднование дня Советской армии, работа народных судов, развитие Иркутской области, международное положение [5, л. 12].

Идеологическая работа протекала в формате семинарских занятий по различным темам: «Ленинизм – революционное знамя нашей эпохи», «Интуитивизм, фрейдизм – идейная мировоззренческая основа буржуазного искусства», «Массовая культура – порождение империализма, активный проводник буржуазной идеологии», «Идеологические и эстетические стереотипы коммунистической индустрии культуры», «Идеологические диверсии империализма против социалистической культуры». «Марксистско-ленинская эстетика». В целях повышения профессионального уровня проводились следующие занятия: «Действительный анализ пьесы: новый метод работы режиссера», «Мера условности и реальности в современном театре, актер современного театра, мастер действия», «Моральный облик советского артиста», «Активное и пассивное искусство на XXII съезде КПСС по выступлению Твардовского», «Задачи театра в борьбе за активное искусство» [7, л. 18].

В период гастрольной деятельности по мере возможности старались проводить ознакомительные занятия на актуальные темы. Так в гастрольный период с апреля по сентябрь 1950 г. еженедельно по четвергам проводилось чтение лекций на международные темы: «Лекция о Китае», «Демократические страны мира и пути к социализму», «Реакционная внутренняя и внешняя политика США», «Военно-политическое положение в Корее», также демонстрировались документальные фильмы, организовывались экскурсии в музеи [5, л. 11].

Для полноты понимания рассмотрим план проведения занятий в сети партийного просвещения непосредственно для представителей творческого состава Иркутского театра музкомедии. Первое полугодие 1977 г. проходило под тематикой «Социалистический реализм – исторический

метод мирового и прогрессивного искусства». На лекциях затрагивались следующие темы: «Исторические предпосылки возникновения соцреализма», «Октябрьская революция и становление нового метода в различных областях культуры. Роль и место эстетической культуры в культурной революции», «Сущность метода соцреализма. Традиции и новаторство искусства», «Решение гражданской революционной темы: показ героического труда, триумфа строительства соцреализма в произведениях В. Дунаевского, Ю. Милютина, В. Соловьева-Седова (песни, кинофильмы, оперетты)». На семинарских занятиях обсуждались вопросы: «МХАТ-Станиславский. Рождение во МХАТе спектаклей революционного направления и переход театра к методу соцреализма», «Новаторские методы и революционная тематика в творчестве А. Я. Таирова», «Эстетические и художественные принципы творчества Вахтангова. Его метод и вклад в развитие социалистического театрального искусства». Итоговое занятие посвящалось теме «Показ нового героя и тематики в произведениях советской музыкальной комедии» [11, л. 7]. Как видно из плана партийного просвещения тематика занятий составлялась в соответствии со спецификой деятельности театра для повышения профессионального уровня работников.

Регулярно на партийных собраниях поднимался вопрос о низкой посещаемости кружков работниками театра. Однако категорично оценивать работу кружков как удовлетворительную не стоит. Все занятия в сети партийного просвещения проводили в свободное время, а график работы театральных работников довольно сложный: утром репетиции, вечером спектакли, выделить время для обучения в кружках было крайне сложно. Также немаловажными были проблемы нехватки квалифицированных кадров и недостаток оборудованного помещения для занятий.

Кроме идеологического направления парторганизация осуществляла функции надзора над имуществом театра через группу госпартконтроля под руководством Н. И. Хохолкова. Группа неоднократно проверяла состояние декораций, мебели, реквизита действующих спектаклей. При проверке выяснилось, что степень изношенности многих спектаклей большая, причиной этому служило халатное отношение рабочих сцены к хранению и транспортировке декораций, отсутствие на стационаре нормальных складских помещений для хранения декораций. На выездных спектаклях выявлены случаи оставления костюмов исполнителей, декорационных частей. Группой госпартконтроля совместно с бухгалтерией театра проведена частичная ревизия костюмерного цеха, при этом было обнаружено плохое хранение обуви не идущих спектаклей. При проверке костюмов было обнаружено небрежное отношение к театральным костюмам, обуви со стороны отдельных исполнителей. Установлена недостача женской обуви, частично костюмов. На заседании группы госпартконтроля совместно с дирекцией музыкального театра вызывали на разбор зав. костюмерным цехом тов. Шимову. Обо всех недостатках дирекцию теат-

ра ставили в известность, и далее принимались решительные меры по их устранению [8, л. 51-52].

Ещё одной из задач партийной организации была незамедлительная реакция на публикации о деятельности театра в прессе. На партсобрании разбиралась статья Сухиненко «За идейность и художественность» в газете «Восточно-Сибирская правда» от августа 1951 г. После анализа статьи партсобрание пришло к выводу, что в основном критика в адрес театра, отдельных творческих работников и руководства театра вполне оправдана. Критика направлена на улучшение работы театра, устранение недостатков в спектаклях и на подъем идейной значимости готовящихся спектаклей, их художественной ценности. Парторганизацией было принято решение, что для улучшения работы театра необходимо больше погружаться в задачи, поставленные художественным руководителем в работе над постановкой новых спектаклей. Реализовать это возможно путем разбора их на производственных совещаниях, подвергая деловой критике работу творческого коллектива [6, л. 41].

Партийная организация вместе с профсоюзной организацией занимались воспитанием творческого коллектива в духе коммунистической морали, развития их производственной и общественной деятельности. С этой целью в коллективе проводились торжественные мероприятия, посвященные праздничным датам, на которых читались доклады, отмечались грамотами передовики производства творческих и технических цехов, организовывались коллективные выезды в выходные дни на базу отдыха, а в период гастролей – экскурсии по городам, в которых проходили гастроли.

Комсомольцы театра также были под пристальным вниманием парторганизации. Комсомольская работа проводилась в формате ленинских зачетов, комсомольских собраний, на которых регулярно отчитывались за свои поручения, велся постоянный контроль за выполнением комсомольских поручений. Молодежь выпускала стенгазеты и обновляла красный уголок. Комсомольцы являлись инициаторами выездов в зоны отдыха в выходные дни, принимали активное участие в шефских концертах, коммунистических субботниках, все проходили обучение в сети партийного просвещения, также являлись политинформаторами в своих цехах. Секретарь парторганизации и директор театра регулярно посещали комсомольские собрания. Комсомольская организация на 1950 г. насчитывала 15 чел. [5, л. 15].

Также партийная организация являлась инициатором распространения шефской работы на селе. Так, музыкальным театром оказывалась практическая помощь костюмами, париками, трико для танцевального коллектива самодеятельного РДК п. Усть-Орда. Выезжавшая бригада (балетмейстер, гример и хормейстер) практически помогла в подборе репертуара для вокального ансамбля, танцевального коллектива, кроме того проводились занятия по технике грима. В 1974 г. план шефской работы и культурного обслуживания населения Усть-Ордынского национального

округа включал 5 лекций в народном университете Дворца культуры и в колхозах на тему: «Развитие советской музыкальной комедии» с показом отрывков из спектаклей, участие в жюри смотра художественной самодеятельности, ежемесячные творческие встречи ведущих артистов театра – Загурского Н. М., Пясковской В. М., Жибинова В. П., Хохолкова Н. И. и других [11, л. 77].

Одна из ярких страниц в истории Приангарья связана с ударными комсомольскими стройками. На БАМ приезжали актеры, танцоры, писатели, режиссеры и драматурги. В музыкальном театре был создан консультативный совет по оказанию практической помощи самодеятельности БАМа. Театр выезжал на БАМ не реже, чем раз в квартал в п. Казачинск, Улькан, Магистральный. В 1976 г. в соответствии с планом культурного шефства над строителями БАМа, в целях оказания практической помощи самодеятельным коллективам в поселки Магистральный и Улькан были командированы: Жибинов В. П. – руководитель группы, Сонин Я. И. – режиссер театра, Гурбенко О. А. – концертмейстер, актеры: Дубровская З. В., Куманцев Б. И., Устинова Л. Ф., Астрашабов Г. Ф., Кишишьянц О. Г., Вороненко Н. В. [2, л. 82]. В плане на 1977 год были осуществлены выезды с творческим отчетом в города Усть-Илимск, Усть-Кут и поселки Звездный и Магистральный. Все члены бригады получили удостоверение участника Всесоюзной ударной комсомольской стройки – Байкало-Амурской железной дороги [11, л. 6].

В 2001 году в связи с 60-летием музыкальному театру присвоено имя Народного артиста РСФСР Н. М. Загурского. Николай Матвеевич был членом партии с мая 1945 г., также являлся одним из первых секретарей первичной партийной организации театра с 1948 по 1950 гг. В протоколе №1 закрытого отчетно-выборного партийного собрания парторганизации театра музкомедии от 5 января 1948 г. слушался вопрос о выборе секретаря парторганизации. В результате тайного голосования все девять присутствующих членов ВКП/б проголосовали «за» избрание секретарем Загурского Н. М. [4, л. 22].

За период руководства парторганизацией Николай Матвеевич осуществлял переход на бездотационную работу театра; при нем был сделан резкий поворот в сторону классического и советского репертуара взамен венским спектаклям; выстраивал шефскую работу над военными частями и самодеятельностью на селе; лично проводил занятия в сети партийного просвещения; курировал общественную работу, при этом блестяще выступал в опереттах «Любовь актрисы», «Южной ночью» и музыкальной комедии «У голубого Дуная».

Опыт руководства парторганизаций позволил Николаю Матвеевичу Загурскому в дальнейшем успешно возглавлять музыкальный театр на протяжении 15 лет с 1961-1976 г.

История деятельности первичной парторганизации музтеатра не менее красочная, чем спектакли театра. Несмотря на особенности рабочего процесса, парторганизация оперативно реагировала на возникающие

задачи и успешно их решала. Обсуждение на партийных собраниях проходили ярко и по театральному завораживающе. Парторганизация творчески подходила к решению производственных вопросов, следила за качеством выпускаемых спектаклей, стремилась повышать идейно-политический уровень коммунистов и беспартийных работников театра.

Список используемых источников:

1. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 159. Оп. 7а. Д.185. Л. 8
2. ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 19. Д. 152. Л. 240
3. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
4. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 3. Л. 79.
5. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
6. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.
7. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 7. Л. 20
8. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.
9. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.
10. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 17. Л. 78.
11. ГАНИИО. Ф. 2094. Оп.1. Д. 22. Л. 19.

References

1. GANIIO [SANHIR]. F.159. Inv. 7a. C.185.L.8 [In Russ.].
2. GANIIO [SANHIR]. F. 185. Inv. 19. C. 152. L. 240 [In Russ.].
3. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 1. L. 58 [In Russ.].
4. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 3. L. 79 [In Russ.].
5. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 4. L. 16 [In Russ.].
6. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 5. L. 65 [In Russ.].
7. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 7. L. 20 [In Russ.].
8. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 8. L. 72 [In Russ.].
9. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 11. L. 38 [In Russ.].
10. [GANIIO [SANHIR].F. 2094. Inv. 1. C. 17. L. 78 [In Russ.].
11. GANIIO [SANHIR]. F. 2094. Inv. 1. C. 22. L. 19 [In Russ.].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-3-11-57-67

УДК 791.6

Столбовский В.Г., Николаева Н.В.

Stolbovskiy V.G., Nikolaeva N.V.

О ТИПОЛОГИИ ПРАЗДНИКА И ПРАЗДНИЧНОГО ДЕЙСТВА: СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

TO THE TYPOLOGY OF HOLIDAYS AND FESTIVE ACTIONS: A SUBJECTIVE VIEW ON MODERN REALITIES

В статье авторы рассматривают современные тенденции области праздничной культуры и предлагают свои коррективы в их традиционные классификаторы.

The authors of the article consider the current trends in the field of festive culture and suggest their own adjustments to the traditional classifiers.

Ключевые слова: обряд, церемония, шествие, народные гуляния, концерт, техно-шоу, всеобщие, локальные, личностные, корпоративно-инициативные праздники.

Keywords: rite, ceremony, procession, festivities, concert, techno-show, general, local, personal, corporate and initiative holidays.

«Праздник – зеркало своей эпохи»
(К. Жигульский)

Говоря о сегодняшнем праздничном календаре России, прежде всего, необходимо отметить устойчивую тенденцию его расширения. Ежегодно к традиционному календарю с разной степенью успеха пытаются присоединиться новые праздничные события, инициированные самыми разными социальными группами, административными структурами, государством. К примеру, в 2005 году отечественный календарь пополнился новым государственным праздником – Днём единства и согласия, заменив привычный для старшего поколения праздник Великого Октября. И, надо отметить, что пока он с трудом прокладывает себе дорогу к сердцам людей. В регионах, особенно в национальных территориях, расширение календаря проявляется ещё более отчётливо. Порой появляются совсем неожиданные, и даже совсем экзотические названия праздничных проектов – День рождения резиновых калош (4 февраля), День заказов подарков и написания писем Деду Морозу (4 декабря), День рождения русской тельняшки (19 августа), День кошек (1 марта) и многие другие. Справедливости ради нужно сказать, что многие названия, не выдерживая конкуренции за общественное признание, естественным обра-

зом исчезают из российского календаря. Так, к примеру, случилось, с вначале активно принятым в современной России Хэллоуином. То же самое происходит и с Днём святого Валентина. О причинах утраты интереса говорилось уже достаточно много, главное – это культура западной, в основном англо-саксонской, цивилизации. И всё же динамика расширения календаря налицо. Это привело к тому, что в настоящее время праздничный спектр стал крайне пёстрым в своей тематике, формах, жанрах, привнося некоторый хаос в привычные классификаторы. И, следовательно, неизбежно приводит к необходимости осмысления, анализа и формированию новых взглядов на структуризацию этой сферы культуры.

Вообще же праздник настолько сложное и многоаспектное явление, что едва ли возможно определение единой и исчерпывающе классификации, поскольку её сложность заключается в том, что одни и те же праздники по некоторым признакам иногда соответствуют как одной, так и другой группе. Следовательно, разделение праздников (как и типов праздничного действия) является до определённой степени весьма условным. Но необходимость в этом разделении очевидна. Нужна система, способствующая как обобщённому пониманию праздников, его главных объединительных признаков (свободное время, отдых, оптимизм, соучастие в действе и т.д.), так и осмыслению их принципиальных различий.

На протяжении полутора веков исследователи-праздниковеды предлагали свои классификационные схемы в праздничной сфере, где формулировалась и предлагалась собственная научная, практическая и методическая аргументация, присущая развитию культуры на каждом историческом этапе. Одним из первых классификацию массовых праздников еще в XIX веке предложил Иван Михайлович Снегирев. Он «развёл» праздники по следующей схеме:

- подвижные и неподвижные (то есть имеющие или не имеющие точной даты),
- исключительные (то есть связанные с особым событием),
- сельские и городские,
- отечественные и заимствованные [7].

Эта классификация, как не имеющая методологической основы, была признана неверной. И всё же это была попытка отражения самых первых шагов в науке о праздниках – эортологии. А, главное, она заложила первооснову для последующих, более поздних классификаций.

Польский философ, Казимеж Жигульский, в своей работе «Праздник и культура» предложил свою версию классификации праздников и разделил их:

- периодически отмечаемые и не периодические, обусловленные моментом,
- старые и новые,
- постоянные и не постоянные [3].

К периодическому типу праздника, по мнению Жигульского, может относиться, к примеру, 14 июля – дата взятия Бастилии во время Ве-

ликой французской революции 1789 г. Значительно реже встречаются не периодические праздники, обусловленные моментом. Это праздники, отмечаемые по случаю необычайного события в общественной жизни. К примеру, рождение наследника престола или его бракосочетания.

Старые и новые праздники в своей методологии польский философ обуславливал происходящими процессами исторического развития, изменениями в политической, социально-культурной жизни общества, которые сопровождалась сменой летоисчисления, введением нового календаря и новых периодических праздников. Примером, по мнению Жигульского, может служить история деколонизации территорий. Отделение от метрополии, образование самостоятельного, независимого государства везде означало разрыв с этой традицией, отмену таких праздников и введение собственных государственных праздников, устанавливаемых в честь завоевания независимости [3].

Постоянные и непостоянные праздники разграничиваются датами, временем, на которое они приходятся. «Постоянные» имели в календаре точно определенное время, как, например, Рождество Христово, приходящийся на 7 января. К этой категории праздников относятся годовщины, праздники, увековечивающие определенные события и приходящиеся на одно и то же календарное время. «Непостоянные» праздники не имеют точно определенного времени, выпадают на разные дни в рамках определенного интервала, соответственно принципу их вычисления. Пример - христианская Пасха, приходящаяся в календаре на разные воскресенья.

Наиболее распространенная в 20 веке система классификации исходит из распределения праздника по временам года, сезонам, календарю. Этот принцип чрезвычайно узок, ограничен, так как носит местный характер. Широкое распространение получило также деление праздников на религиозные и нерелигиозные. В этом случае за принцип классификации принимается отношение праздника и религии, подчеркивается его первоначально религиозное, мистическое направление и последующее разделение на две линии, что совершенно неприемлемо.

Зачастую в режиссёрской профессиональной среде праздники классифицируются по признакам жанров театрализованных действий и определяются по двум основным признакам - по сценарно-режиссерским формам (представление, митинг, гуляния, шествие и т.д.) и по характеристике пространства праздничного действия (стадион, улица, концертный зал, площадь, парк). Такая градация, хоть и условная, всё же имеет серьёзный контраргумент. Праздник – это многочастное действие, неограниченное ни во времени, ни в пространстве, в основе которого синтетичность и гармоничное взаимодействие форм и жанров. Петербургский учёный и педагог О.Л. Орлов пишет: «Классификация по существенным, а не формальным признакам праздников является на самом деле научно обоснованной типологией. Она основывается на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности. Эмпирическая типологизация связана с систематизацией и обобщением культурно-исторического опыта

формирования праздников, с выявлением устойчивых признаков или групп свойств, свойственных тем или иным праздникам. Теоретическая типологизация предполагает построение концептуальной модели, понимание объекта как системы, со специфическими структурными уровнями организации и системообразующими факторами» [6, с. 104-105].

Сегодня сложилась традиционная типология праздников, в основе которой, прежде всего, принцип праздничной ситуации, т. е. поиск, создание и реализация определённого настроения. А. В. Луначарский утверждал, что для праздника нужны, «во-первых, действительный подъем масс, действительное желание их откликнуться всем сердцем на событие, которое празднуется, во-вторых, известный минимум праздничного настроения» [4], т.е. определенная праздничная ситуация. А социальная значимость и масштаб праздника прямо связан с праздничным событием и отражается в его тематике.

Известный режиссёр массовых праздников Д.М. Генкин, ещё в 70-х годах прошлого века определил три основных типа праздников, характерные для советского периода нашей страны:

- Всеобщие – это праздники, отвечающие наиболее масштабным, большим событиям. К всеобщим праздникам отнесены великие праздничные даты, имеющие всемирно-историческое значение, эпохальные события прошлого и настоящего, где масштабы празднования безграничны – это и наш народ, и все человечество. Такие праздники складываются из определённых совместных действий различных социальных групп, движимых всеобщим порывом, потребностью выразить собственное отношение к происходящему.

- Локальные – это праздники, вызываемые событием, имеющим значение для определенной празднующей общности. По словам Д.М. Генкина, этот вид является наиболее «подвижным, многообразным слоем праздников». Сюда он отнёс праздники отдельных наций, этносов, праздники различных социумов, праздники различных возрастных групп, профессиональные праздники, праздничные даты населённых пунктов от деревень до столиц, праздники производственных коллективов, учебных заведений, и многие другие.

- Личностные – это праздники, в основе которых событие, имеющее важное значение для личности, семьи или группы [2, с. 57-58].

В этой обобщённой классификации, как наиболее логичной и полной, главным отличительным признаком является социальное, общественное значение праздника, которое, в свою очередь, определяет масштаб. Другим важным признаком здесь является чёткое датирование отмечаемых событий, даже в тех случаях, когда праздничные дни фиксируются по особым расчётам (Пасха, Дни города, Масленица). Но всё же, если первый и третий типы вполне ясно определяют праздничный набор, то второй изобилует эклектичностью и чрезвычайно разный по значению, формам и совсем неопределённый по датированию. Этот тип не учитывает и фактор появления новых праздничных событий, тех, что появились в

последние три десятилетия. В «Локальные праздники» вошло всё, что не относится к всеобщим и личностным праздникам, что, как нам представляется, не совсем точно отражает методологические принципы. В целом же такой способ условного разделения праздников, безусловно, был актуален для своего времени – 70-х и 80-х годов прошлого века. Пожалуй, настал момент попытки предложить более чёткое и современное видение в отношении праздничных типов и предложить разделение типа «Локальные праздники» на более узкие и конкретные составные части. В предлагаемой классификации обозначены три раздела под названиями «Типы праздников», «Группы праздников» и «Виды праздников». Для более чёткого понимания такой классификации праздничных событий в каждом разделе предлагаются расшифровки основных типовых понятий, подробные пояснения, а также известные примеры таких событий, способствующие их окончательной структуризации.

Кроме того, необходимо понять, что в данном случае праздник рассматривается сугубо как социально-культурное явление, а не как материал для его художественного воплощения. «Всякое празднество – очень важная первичная форма культуры, а культура праздника складывается из культуры игры, слова, движения, музыки, звука, моды, костюма, этикета, обычая, ритуала – словом, из совокупности разных культур», - утверждал известный философ и культуролог М.М. Бахтин [1, с. 543].

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАЗДНИКОВ

Типы праздников	Группы праздников	Виды праздников
<p>Всеобщие Праздники, отвечающие наиболее масштабным, большим событиям.</p>	<p><u>Государственные праздники:</u> Праздники, официально установленные Указом Президента РФ, отвечающие наиболее масштабным, большим событиям. К ним относятся великие праздничные даты нашей страны, имеющие всемирно-историческое значение.</p> <p><u>Всемирные праздники:</u> Праздники, утверждённые Генеральной ассамблеей ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ</p>	<p>1-6 января – Новый год; 7 января – православное Рождество; 23 февраля – День защитника Отечества; 8 марта – Международный женский день; 1 мая – Праздник Весны и Труда; 9 мая – День Победы; 12 июня – День России; 4 ноября – День народного единства; 29 апреля – Всемирный день танца; 1 октября – Всемирный день музыки; 28 декабря – международный день кино и др.</p>
<p>Локальные Праздники, вызываемые событием, имеющим значение для определенной празднующей общности, а также территории, корпорации, производственного коллектива.</p>	<p><u>Общенациональные праздники и памятные даты:</u> Официально (законодательно) установленный праздник страны, чаще всего, связанный со становлением её государственности и суверенитета. Дата проведения национального праздника назначается на день, имеющий наиболее важное значение в истории становления страны или нации.</p> <p><u>Народные (традиционные) праздники:</u></p>	<p>25 января – Татьянин день (день студентов); 12 апреля – День космонавтики; 24 мая – День славянской письменности и культуры; 1 июня – Международный день защиты детей; 22 июня – День памяти и скорби; 8 июля – День семьи, любви и верности; 22 августа – День Государственного флага РФ; 1 сентября – День знаний; 5 октября – День учителя;</p>

	<p>Этнокультурные обрядовые действия, основанные на поверьях и обычаях, определяющиеся солнечно-лунным циклом – календарём.</p> <p><u>Религиозные праздники:</u> (знаменательные, с точки зрения религии, дни, отмечаемые верующими в память о тех или иных событиях «святых, или персонажах церковной истории и сопровождаемые особыми богослужениями и обрядами).</p> <p><u>Профессиональные праздники:</u> (Перечень календарных событий, характеризующих принадлежность к той или иной профессии).</p> <p><u>Территориальные (региональные) праздники:</u></p>	<p>12 декабря – День конституции России.</p> <p>21 июня – "Ысыях" (праздник лета) Святки, Масленица, Наадым, Сурхарбан и др.</p> <p>7 января – Рождество Христово, Первое воскресенье после полнолуния – Пасха (Воскресение Христово), 50-й день после Пасхи – День Святой Троицы, Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), Ураза-байрам (праздник разговения), Весак – День рождения, Просветления и смерти Будды Новый год по лунному календарю: Цаган Сар (калмыки), Шагаа (тувинцы), Сагаалган (буряты), День рыбака, День шахтёра, День работников сельского хозяйства и т.д. День области (края, республики), День города, День села, День Байкала.</p>
<p>Корпоративно-инициативные Праздники, отмечаемые по частной инициативе, или по инициативе каких-либо профессиональных групп, но имеющие (в какой либо мере) общественное звучание</p>	<p><u>Корпоративные праздники:</u> (Даты, которые отмечаются представителями разных профессий, в определенный день).</p> <p><u>Инициативные праздники (неофициальные):</u> (Праздники, которые не отмечаются на государственном или территориальном уровне, но празднуются в народе)</p>	<p>«Домашние производственные праздники», презентации, банкеты, выезды на природу, тематические праздники и т.д.</p> <p>Старый новый год, день смеха, праздник последнего звонка, праздник цветов, день велосипедиста и др.</p>
<p>Личностные Праздники, вызываемые событием, имеющим значение для отдельной личности, семьи, группы людей, как правило, носящие неофициальный характер</p>	<p><u>Семейные праздники</u></p> <p><u>Личностно-общественные праздники</u></p> <p><u>Общественно-личностные праздники</u></p>	<p>Дни рождения, юбилеи, свадьба, рождение ребёнка и др.</p> <p>Вручение паспорта, проводы в армию и т.д.</p> <p>Трудовые юбилеи, памятные даты выдающихся личностей</p>

Как видно из представленной классификационной таблицы, к списку праздничных типов включено ещё одно название – «Корпоративно-инициативные праздники». Сюда вошли, в большей степени, современные виды различных событий, имеющие отношения к «производственным» и неофициальным праздничным формам. Такое разграничение, на наш взгляд, более рельефно и логично структурирует классификацию праздников, но не претендует на их окончательное определение, а тем более название.

Теперь о типах праздничного действия. Какие коррективы назрели и требуют обратить на себя внимание?

Говоря о типологии праздников, мы подразумевали, прежде всего, их философские, культурологические или искусствоведческие аспекты.

Рассуждая о типах праздничного действия (действия), мы говорим исключительно о сценарно-режиссёрских категориях. Действие, и в сценарной драматургии и режиссуре – это активный, последовательный и оправданный процесс, направленный на достижение определённой цели. Реализуется же этот процесс средствами сценарного замысла, пространственно-постановочного решения и организационно-режиссёрскими методиками. Каждое такое действие уникально. Оно своими неповторимыми красками органично вписывается в чрезвычайно пёструю ткань праздничной культуры. «Массовый праздник как особый вид социально-культурной жизни людей предполагает множество типов действия, в числе которых наиболее значительными представляются торжество, зрелище, обряд, ритуал и карнавал», – утверждал Д.М. Генкин [2, с. 51].

Позже эта схема трансформировалась в более обоснованную и последовательную, с точки зрения современной теории и практики праздничных действий, типовую систему. Зрелище – это всё же эмоционально-эстетическая категория, присущая всем типам праздничного действия. Карнавал – один из видов шествий, наряду с парадами, демонстрациями, кавалькадами, процессиями и т.д. И до сегодняшнего дня существовала следующая типологическая цепочка – обряд, ритуал (церемония), шествие, торжество, концерт, народные гуляния.

Вообще же анализируя исторические и культурологические тенденции развития праздничных действий, можно в режиме максимально сжатого экскурса проследить их поступательную эволюцию. И здесь очевидно, что новое далеко не всегда поглощает старое. Здесь новое – это продукт устойчивых традиций, их развитие. Праздник родился в обрядах, положивших начало формирования элементов церемоний, и к которым естественным образом влились компоненты ритуальных шествий. А с развитием общественно-производственных отношений постепенно зрели такие типы действий, как народные гуляния и концерты-представления. При всём этом сохранился каждый элемент этой эволюционной цепочки с присущими только им специфическими особенностями в формах, содержаниях и предназначениях. Такая поступательность не искусственна, а естественна и касается всех сфер – экономики, промышленности, науки, культуры и др. Общественная, культурная эволюция, развитие научных знаний породили стремительный технологический рывок XIX и XX вв., коренным образом изменивший мир и его устройство. Научно-технический прогресс предложил новые виды искусства и сделал художественные произведения доступнее для людей.

Яркий тому пример – кинематограф, который вобрал в себя практически все виды искусства, переработал их, трансформировал и родил новый. Кино – это синтез, прежде всего, театра со всеми его компонентами (литературы, актёрской игры, сценографии, режиссуры), а также музыки, живописи, танца, архитектуры, цирка, графики и др. А ещё это синтез искусств и техники, поскольку с развитием техники развивается и кино.

То же самое происходит и в области праздничных представлений. Научно-технический прогресс постепенно, шаг за шагом создавал новый тип праздничного действия. До своего окончательного самоопределения в качестве самостоятельного типа такие изобретения как фейерверки, специальные сценические электроприборы, звукоусиление, кинопроекции, различные генераторы спецэффектов, лазеры, голография до определённого этапа по отдельности или группами, являясь выразительными средствами зрелища, лишь обслуживали его. Но объединившись в собственном сценарии, они создали свой уникальный вид зрелища, которому пока ещё и нет общепринятого названия. Уникальный тем, что впервые действие ведёт не актёр-исполнитель, а образ, созданный при помощи технических (визуальных и звуковых) средств.

Сегодня мультимедийные шоу, шоу танцующих фонтанов, пиротехнические и лазерные представления стремительно и надолго вошли в нашу жизнь. При помощи этих и других эмоционально ярких технических чудес, создаются целые спектакли со своими сюжетами, героями, драматургическими перипетиями и кульминациями. Такие шоу сегодня обладают самой яркой и всеобъемлющей палитрой, в которую входят свет и звук, природные и архитектурные объекты, вода и огонь, фейерверки и различные проекции. Здесь все элементы находятся в единстве и активном взаимодействии. Соединённые единой концепцией сценария, подчиненные музыкальному ряду, эти краски превращаются в принципиально новые формы зрелища, позволяют создавать поистине масштабные полотна и неповторимые действия.

В последние годы индустрия технического и шоу-продакшн развивается с немыслимой скоростью. Никто не может отрицать, что сегодня фантазия и техника – вещи неразрывно связанные. Воображение дает толчок развитию технологиям, а технологии, в свою очередь, дают основу для новых фантазий. И это процесс не остановить. То, что еще несколько лет назад казалось невозможным, сегодня смело и активно реализуется. А то, что вчера казалось уникальным, сегодня становится привычным трендом. И с этим нельзя не считаться. Этот тип зрелища сам постучался в двери и требует своей монополии на собственную классификационную нишу под пока ещё условным названием «Техно-шоу». Опять же не претендуя на его окончательное именованное определение, всё же хочется отметить в предлагаемом названии органичное соединение понятий «зрелище», «представление» и «технологии». Но время расставит всё по местам. Итак, учитывая все приведённые аргументы, обновлённая классификация типов праздничного действия (с индивидуальными пояснениями) выглядит так.

ТИПЫ ПРАЗДНИЧНОГО ДЕЙСТВА

Обряд	Церемония, ритуал	Торжество	Шествие	Концерт-спектакль	Народные гуляния	Техно-шоу
<p><u>Особенности:</u> -внутренняя символическая сакральность, тайное знаковое содержание, историческая сохранённость. - может не иметь ограничений во времени и пространстве. -нет задачи практического результата.</p>	<p><u>Особенности:</u> -акцент на внешней стороне праздничного действия, - регламентация действий, - ограниченность во времени и пространстве, -возможность внешних изменений</p>	<p><u>Особенности:</u> -публичный момент единения, -внешняя активность, -регламентация выступлений, -основные действующие лица – реальные герои, театрализованные герои – антураж.</p>	<p><u>Особенности:</u> -коллективное передвижение людей по заданному маршруту. - действие во время движения.</p>	<p><u>Особенности:</u> -единое сценическое действие, развивающееся по законам драматургии, в основе которого самостоятельные структурные сценические единицы - номер, блок, эпизод.</p>	<p><u>Особенности:</u> -массовость, -синтез различных типов развлечений (игры, конкурсы, забавы, представления) и ярмарочной торговли -главные участники и действующие лица – люди, вовлечённые в действие</p>	<p><u>Особенности:</u> - действие без человеческого участия (или ограниченного участия). - образы, создаваемые при помощи современных технических средств и пиротехники</p>
<p><u>Виды:</u> - аутентичные, - архаические (воспроизведение обрядов), - утилитарные или прикладные (синтез вымысла и аутентичности)</p>	<p><u>Виды:</u> - общественно-политические, - профессиональные (трудо-вые) - воинские, - спортивные, - семейные, - календарные (земледельческие), - религиозные.</p>	<p><u>Виды:</u> - митинги, - манифестации, - вручение наград, - праздничный фуршет, - торжественный приём (президентский приём)</p>	<p><u>Виды:</u> - парады, - демонстрации, - карнавалы, - кавалькады, - кортежи, - дефиле, - процессии, - шествия карнавального типа.</p>	<p><u>Виды:</u> - концерты, - театрализованные концерты, - тематические вечера, - театрализованные представления, - театрализованные шоу-программы, - перформансы, - хеппенинги, - флешмобы.</p>	<p><u>Виды:</u> - традиционные народные, - светские (рауты)</p>	<p><u>Виды:</u> - мультимедиа-шоу, - шоу «танцующие фонтаны», - лазерные шоу, - светомузыкальные представления, - пиротехнические шоу, - светозвукоспектакли.</p>

Как видно из представленной схемы здесь есть ещё одна корректирующая деталь. Вместо предлагаемого Д.М. Генкиным формулировки такого типа праздничного действия как «концерт», обозначено как «концерт-спектакль». Это вполне естественно и обосновывается значительным расширением жанрового спектра. Сюда могут быть включены такие зрелищные формы как театрализованный концерт и театрализованное представление самых разных видов. Здесь все жанры накрепко объединяет одно – взаимодействие номера, концертного блока или эпизода действия в различной степени их театрализации с действенными «связками» всех компонентов зрелища.

И всё же, необходимо ещё раз отметить, что в предложенных классификаторах границы типов, видов, групп весьма условны. Современные формы зрелищ зачастую имеют синтетический характер и могут быть отнесены или к нескольким разделам, или к каким-либо промежуточным вариантам. И то и другое вполне имеет право на существование.

В заключение нужно сказать, что праздник как предмет изучения эртологии, как система действия, как вид коммуникации, как способ сохранения культуры и, наконец, как сценарный материал для его режиссёрской реализации всегда будет интересен в самых разных сферах науки и практики. Его многогранные аспекты были и будут являться предметом научных дискуссий и, безусловно, продолжат провоцировать споры в режиссёрско-педагогической профессиональной среде. Это естественный и необходимый процесс. И главным победителем здесь будет являться его зритель-соучастник. Он в конце концов является его и лучшим хранителем и цензором. «Праздник категорически нельзя запретить или подделывать, с ним возможно только договариваться!» [4, с. 212].

Примечания

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.
2. Генкин Д. М. Массовые праздники : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1975.
3. Жигульский К. Праздник и культура : Праздники старые и новые. Размышления социолога / пер. с пол. М. : Прогресс, 1985.
4. Лаврикова И. Н. Система праздничного действия: феномен приобщения // Вестник КГУ им. Некрасова. 2012. №1.
5. Луначарский А. В. О народных празднествах // Вестник театра. 1920. № 62.
6. Орлов О. Л. Праздничная культура России. СПб. : КультИнформПресс, 2001.
7. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Кучково поле, 2011.

References

1. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa [Fransua Rable's creativity and folk culture of the Middle ages and the Renaissance]. 2nd ed. M., 1990 [In Russ.].
2. Genkin D.M. Massovyje prazdniki: uchebnoje posobije [Mass holidays: manual]. M., 1975 [In Russ.].
3. Zhigulsky K. Prazdnik i kultura: Prazdniki staryje i novyje. Razmyshlenija sociologa [Holiday and culture: old and new holidays. The sociologist's thoughts]. [Transl. from Polish]. M., 1985 [In Russ.].
4. Lavrikova I. N. Sistema prazdnichnogo dejstva: fenomen priobshchenija [Holiday action system: phenomenon of inclusion] / Vestnik KGU im. Nekrasova [Bulletin of KSU named after Nekrasov]. 2012. №1. [In Russ.].
5. Lunacharsky A.V. O narodnykh prazdnestvakh [About people's celebrations] // Vestnik teatra [Theatre bulletin]. 1920. № 62 [In Russ.].
6. Orlov O. L. Prazdnichnaja kul'tura Rossii [Holiday culture of Russia]. St.-P., 2001 [In Russ.].
7. Snegirev I. M. Russkije prostonarodnije prazdniki i suevernyje obrjady [Russian folk holidays and superstitious rites]. M., 2011 [In Russ.].

*Матвеева Е.В.**Matveyeva Ye. V.*

ЭССЕ НА ТЕМУ ЭКЗИСТЕНЦИИ СВОБОДЫ В ДОСУГЕ ESSAY ON THE TOPIC OF FREEDOM EXISTENCE IN LEISURE

В данной статье проводится параллель между философскими учениями о свободе и современными представлениями о ней; формируется базовое понимание «экзистенция» применительно к досугу как осознаваемому выбору; создается связь между ключевыми позициями «трансцендентной этики» И. Канта и «царства свободы» Ф.Энгельса и современными общественными тенденциями.

This article draws a parallel between the philosophical outlooks on freedom and modern ideas about it; the basic understanding of “existence” is formed as applied to leisure as a conscious choice; the connection between the key positions of I. Kant's “transcendental ethics” and F. Engels's “kingdom of freedom” and modern social trends is created.

Ключевые слова: экзистенция, досуг, свобода, необходимость, этика.

Keywords: existence, leisure, freedom, necessity, ethics.

О царстве «вечной свободы» в концепции свободы выбора. Вопрос о конфликте необходимого и свободного в предназначении человека занимает умы людей давно. И. Кант определяет свободу как нечто, что противостоит реальности, и он формулирует антитезу о противоречии духа и тела и воплощенном в человеке стремлении избежать этого конфликта в его высшем стремлении к вечной свободе. Понятие о трансцендентном, как непознаваемо вечном и беспредельно свободном, служит исходным пониманием в том, что выход за пределы телесного, эмпирического к неким загадочным, но весьма притягательным для человека состояниям обязательно приведет к реализации его предназначения. И. Кант близок к обещанию «вечной свободы» в этом объективном мире. Но при том выводит категорию «свободы» как функцию категории «необходимое». Этим он показывает, что только «осознанное свободное» может быть признано обществом, т.к. есть еще важнейший для человека императив этического. В результате возникает неразрешимый вопрос о недостижимости «свободного» в условиях «общественно необходимого».

Энгельс Ф. в своем труде «Анти-Дюринг» задает другой, не менее сложный путь к пониманию сути вещей (объектов) и человека (субъекта). Цель человека – освободить сознание от мешающих ему и опутывающих его разум внешних обстоятельств, которые заключены в самом историческом и культурном типе общественных отношений. Человек не свободен,

его разум и действия подчинены общей и типичной для данного исторического периода логике поиска выхода из зависимости вещного к более высоким материям, которым он, по сути, и предназначен всей своей сущью, как разумное существо.

В момент, когда человек выделился из животного мира, он начинает осознавать свое господство сначала над природой, затем над историей и обществом и в результате: «то объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей» [2, с. 295].

Но путь в «царство вечной свободы» невероятно тяжел и связан с отказом человека от всей на данный исторический момент совокупности отношений, и задача человека состоит в том, чтобы осуществить «скачок» в другое пространство, где человечеству будет дано гораздо больше свободы, для пользования которой ему следует сначала осознать ее необходимость.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей {...} Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе.» [2; 116]

Вместе с тем, Ф. Энгельс предупреждает о том, что нельзя «рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой» [2, с. 115].

Осознание свободы как необходимости и свобода как осознанная необходимость – вот абстракция, которую Ф. Энгельс пытается разрешить. Он заключает, что только посредством развития культуры, сознательного отношения к реальности человек добивается единства свободы и необходимости и входит в «царство свободы» уже без внешних ограничений природы, истории или общества. Следовательно, единственный путь, которым должен идти человек – это изменение своего сознания в т.ч. через постижение законов природы и выяснение истинного предназначения человека уже не как части животного мира, а как мыслящего существа, способного к изменению внешних условий и дальнейшему развитию человеческой культуры.

Экзистенция свободы как общественной необходимости. История человеческой «не-свободы» исследуется как на уровне конфликта между «телесным» и «духовным», так и на уровне «лично-свободного» и «общественно-необходимого».

Исходя из утилитарного понимания природных и общественных законов, мы заключаем, что человек должен или подчиниться внешним

обстоятельствам, или попробовать выйти из-под их тоталитарной опеки и создать новый мир, где будет царствовать свобода и где, наконец-то, можно не тратить свои силы, энергию и разум на борьбу с внешними антагонистическими условиями, а предаваться вечной блаженной неге.

В теологическом смысле вечный рай человеку проповедуется религиозными учениями. Однако и здесь на пути к вечному блаженству имеются препятствия в виде моральных и духовных скреп, посредством которых религиозные институты умирляли человеческие желания и алчность.

Современное общество критикует теологические учения и традиционные религии, но идея праздного общества, освобожденного от необходимости борьбы за свое существование, остается актуальной. Вместе с тем, в век технического прогресса изменились пути достижения «царства свободы». Переживаемая человечеством техногенная эпоха наметила очевидные тенденции в скором создании искусственного интеллекта, носители которого смогут взять на себя обязанность по производству продукции, необходимой для жизнеобеспечения и процветания человеческой расы. Тем самым можно заключить, что приход эпохи свободного общества уже близок. Мы его ощущаем через, например, такие технологические наработки, как поражающая воображение «печать» человеческих органов в 3d – принтере или клонирование живых организмов, или технологии создания искусственного интеллекта, при помощи которых человечество все более явно устремляется в «царство праздности», о котором оно так давно мечтает. При этом, достижение необходимого уровня жизни будет обеспечено бесконфликтно, ведь искусственный интеллект даст человечеству все, что нужно. Это будет общество, где не надо будет бороться за ресурсы, чтобы обеспечить себя всем жизненно необходимым.

Досуг и экзистенция свободы. Праздность противоположна труду. И в этом смысле мы снова подходим к конфликту, который в свое время исследовал И. Кант. В его учении мы обнаруживаем его беспокойство о том, как может сочетать человек в самом себе эту двойственность: желание освободиться и, одновременно, опасение этой свободы. Нам это представляется этическим путем достижения свободы. По И. Канту этика – это учение о "трансцендентальном идеализме". Достичь идеала практически невозможно, но стремиться к нему – необходимо.

Ф. Энгельс инструментально разрабатывает несколько иной путь к свободе. Ему, как представителю материалистического учения, достаточно смены общественной формации. Это должно подтолкнуть человека к осознанию новых «свободных» от эксплуатации форм жизнедеятельности, где труд свободен и где все члены общества понимают, что трудятся не только на благо себя, но всего общества, которое состоит из разумных, мыслящих и сознательных его членов. Инструментальная достижимость «общества свободы» по мнению Ф. Энгельса обязательно возобладает над неразумными потребностями человека и придаст процессу осознания «свободы как необходимости» невероятный импульс.

Остается неразрешимым вопрос о том, как много свободы потребуется человечеству и не приведет ли это к возникновению еще одного конфликта – конфликта морали.

Экзистенциальное понимание свободы – это осознаваемый в онтогенезе выбор. В рамках постановки проблемы для этой статьи досуг можно представить в качестве индивидуального выбора свободы.

Досуг, как понимают его социологи, есть свободное от непреложных затрат время [1]. Распоряжение своим временем и выбор видов деятельности в сфере свободного времени остается за человеком. И в этом смысле человек не должен испытывать со стороны общества никакого давления. Но на самом деле человек достаточно зависим от внешних правил и условий осуществления своего досугового выбора. Помимо этических ограничений, есть и другие, лежащие в лоне социально-экономических проблем. В частности, неразвитость социальной сферы и рынка досуговых услуг определяет спектр выбора занятий в свободное время. Неравноценность в реализации базовых потребностей людей в отдыхе и выборе досуговых видов деятельности приводит к социальному дискомфорту. В обществе, которое все чаще стратифицируется по признаку имущественного неравенства, досуг предстает одним из инструментов, углубляющих социальное недовольство огромного числа граждан. Анализ социальных сетей по признаку «отдых» и «досуг» позволяет понять, что качество досуга и условия для реализации досуговых возможностей определяют социальный статус человека, маркируют его в категории «успешный – неуспешный». Особенно явственно этот маркер работает в молодежной среде.

Выводы. Экзистенция свободы в досуге определяется самим характером досуговой деятельности, которую классики представляют как свободный выбор и волеизъявление. Однако в условиях социума на свободу выбора человека накладывают свое ограничение многие факторы. Среди них фактор этический, предопределяющий такое поведение индивида, которое не вредит окружающим. Другой фактор – социально-экономический, и он имеет свое мощное ограничительное свойство, так как определяет статус и, соответственно, уровень доходов людей, вступающих в экономические отношения с индустрией досуга. Кроме указанных факторов большое значение имеет фактор общей культуры и качества досуговых потребностей индивида. В целом, экзистенция свободы, как верно ее интерпретировали классики, есть не что иное, как осознанный моральный выбор. Абсолютного трансцендентного состояния свободы пока человечеству достичь не удалось.

Примечания

1. Пруденский Г. А. Проблемы рабочего и нерабочего времени : избранные произведения. М. : Наука, 1972.

2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат, 1961.

References

1. Prudenskij G.A. 1972 Problemy rabocheho i nerabocheho vremeni [Problems of working and non-working hours] : Izbr. Proizvedenija [Selected works]. M., 1972 [In Russ.].

2. Engels F. Anti-Djuring [Anti-During] // Engels F. Sochinenija [Engels. Works]. M., 1961 [In Russ.].

Хилханов Д.Л., Заболотская Л. В.
Khilkhanov D. L. Zabolotskaya L. V.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА В УСЛОВИЯХ СЕЛА

SPECIFIC FEATURES OF LEISURE ORGANIZATION IN RURAL FAMILIES

В статье анализируются формы, средства, методы организации семейного досуга в условиях села.

The article analyzes forms, means, methods of leisure organization in rural families.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, семья, досуг, село.

Keywords: socio-cultural activity, family, leisure, village.

На современном этапе социально-культурная деятельность (СКД) играет определяющую роль в организации досуга населения. Культурно-творческий характер СКД способствует гармоничному развитию личности, обеспечивает процесс сохранения, развития и трансляции культурных ценностей от одного поколения к другому.

Преимущество культурных традиций, в первую очередь, осуществляется в условиях семьи, поэтому организация семейного досуга является важнейшим направлением работы культурных учреждений, особенно в условиях села, инфраструктура которого не позволяет реализовать в полной мере все технологии СКД.

Организация эффективной социально-культурной деятельности возможна лишь при использовании разнообразных форм. Формы социально-культурной деятельности определяются особенностями организации и подачи материала, зависят от предполагаемого типа аудитории.

Культурно-досуговые формы могут быть индивидуальными, групповыми и массовыми. К индивидуальным формам относятся: беседы, адресное обслуживание (форма для определённой категории людей, например инвалидов), консультации (может использоваться как составная часть мастер-класса, адресного обслуживания, вечера-встречи и т.д.). Групповые формы: Вечера: вечер-встреча (встречи с интересными людьми, с артистами, ветеранами и т.д.), вечер-воспоминание (может использоваться как часть вечера-встречи, гостиной и др.), вечер отдыха (как вариант – вечер-кафе), дискотеки, камерные формы организации досуга (салон и гостиная). Игровые программы: конкурсно-игровые, театрализованно-игровые, сюжетно-игровые. Информационно-просветительские мероприятия: выставка (экскурсия), круглый стол, тематическая программа (патриоти-

ческая, музыкальная, игровая, экологическая, литературная и др.), агит-бригады, лекции, тренинги, мастер-классы. Массовые формы: концерт, спектакль, ярмарка, праздник, бал, конкурс, фестиваль, митинг, парад.

Это традиционные формы социально-культурной деятельности. В современном мире стремительно развиваются различные инновационные формы:

- Акция – воздействие на группу населения с целью популяризации и пропаганды с ограничением во времени.
- Корпоратив – праздник в коллективе, компании.
- Шоу – мероприятие развлекательного характера, рассчитанное на шумный внешний эффект.
- Флэшмоб – модная в последнее время массовая акция, в которой большая группа людей в общественном месте выполняет заранее оговоренные действия.
- Тимбилдинг – ролевая игра на сплочение коллектива.
- Батл – вид конкурса, поединок между отдельными группами или участниками с элементами экспромтной борьбы.

Основным компонентом технологического процесса социально-культурной деятельности являются методы. В культурно-досуговой деятельности существует три родовых метода: метод иллюстрации, метод театрализации и метод игры. Другие методы, которые используются в культурных и развлекательных мероприятиях, не являются родовыми, а взяты из других наук. Так, например, при планировании работы с определенной категорией населения, учреждения культуры активно применяют методы социологического исследования.

В основном используются два метода иллюстрирования: художественное и наглядное. Эти методы используются при подготовке книжных выставок, фото стендов, при показе фрагментов из документальных фильмов и др.

Метод театрализации в современных досуговых программах заключается в соединении звуков, цвета, мелодии в пространстве и времени, в реализации материала по законам театрального сценария: завязка действия, его развитие, кульминация и развязка.

Игровой метод является самым распространенным в культурно-досуговых мероприятиях. Во время совместной игры дети и родители чувствуют себя одной командой. Особо популярны такие виды конкурсных программ, как «Мама, папа, я – спортивная (вокальная, дружная, активная и др.) семья», «А ну-ка, бабушки (дедушки)», «Мини-Мисс и мини-Мистер», др.

Профессиональное мастерство специалиста учреждения культуры состоит в том, чтобы из всех форм, средств, и методов выбрать те, которые позволят наилучшим образом выполнить поставленные задачи. Для совершенствования технологического процесса социально-культурной деятельности необходимы поиски новых, более эффективных сочетаний

содержания, форм, методов и средств социально-культурной деятельности.

Функционирование клубных объединений, которые способствуют укреплению функций внутрисемейных отношений, проводится как с использованием традиционных, так и новых форм социально-культурной деятельности.

Свою деятельность клубные учреждения распределяют по нескольким направлениям:

1. Проведение семейных выходных дней и различных праздничных программ: «Папа, мама, я – спортивная (музыкальная, мастеровая, танцевальная, вокальная, активная и т.д.) семья»; «Конкурс на лучшую семью»; «Бабушки (дедушки) и внуки»; «Праздник делаем сами»; «День рождения семьи», «Семь-Я» и т.п. Сегодня активно развиваются семейные клубы и объединения: игровые, спортивные и другой направленности, экскурсии, смотры семейных художественных коллективов, выставки семейного творчества, походы всей семьёй, привлечение всех членов семьи к участию в мероприятиях, проводимых работниками культуры.

2. Праздничные мероприятия: Международный день семьи (15 мая), День защиты детей (1 июня), День семьи, любви и верности (8 июля), День матери (последнее воскресенье ноября), Международный женский день (8 марта). При проведении этих праздников особое внимание уделяется таким категориям семьи, как: многодетная семья, молодая семья, семья с детьми с ОВЗ, неполные семьи, патронажные семьи. Работники культуры применяют разнообразные формы СКД: фестивали и выставки семейного творчества, круглые столы по проблемам семьи, вечера отдыха, тематические программы, конкурсные и концертные программы.

В селе Мугун Тулунского района Иркутской области среди популярных праздников можно выделить День Семьи, Любви и Верности. Он проводится ежегодно 8 июля, начиная с 2008 года. На разных площадках организуются различные конкурсы: конкурс сладкоежек; «Попади в цель»; конкурс рисунков. Для мам организуются конкурсы «Лучшая стряпуха», «Собери ребёнка в школу», «Лучшая колыбельная». Для пап проводятся следующие конкурсы: «Сильный, Смелый и Лучший!», «Лучший заплетатель косичек» и т.п. Также в селе проводятся конкурсы: «Лучший дворик», «Творческая семья».

Новый современный праздник «День семьи» пропагандирует лучшие семейные традиции, поддерживает историю семьи, раскрывает таланты и способности разных поколений, которые в повседневной жизни не проявляются в полной мере. Праздник начинается в 10 часов утра и продолжается до самого вечера. В программу этого дня включаются смотры семейных коллективов художественной самодеятельности, чествование семей по различным номинациям, спортивные состязания, выставки детского рисунка, выставки семейного творчества. В этот день семьи сажают именное семейное дерево; в вечернее время для молодежи организуется дискотека. В этом празднике используются все формы клуб-

ной работы, главное, чтобы это было интересно всем присутствующим: и взрослым, и детям [1, 2].

В 2019 г. в с. Мугун Тулунского района Иркутской области студенткой Восточно-Сибирского государственного института культуры Заболотской Л.В. был проведен анкетный опрос жителей на тему «Досуговые предпочтения сельской семьи», где объектом исследования был определен досуг сельской семьи. Было опрошено 100 респондентов.

В результате анализа итогов исследования было выяснено, что у 69% опрошенных не хватает времени для семейного общения. Причиной этого является загруженность родителей: это и трудовая деятельность, и ведение домашнего хозяйства, а также загруженность детей учебной и внеучебной деятельностью. Около 11 % опрошенных полноценно общаются с семьей только в выходные дни.

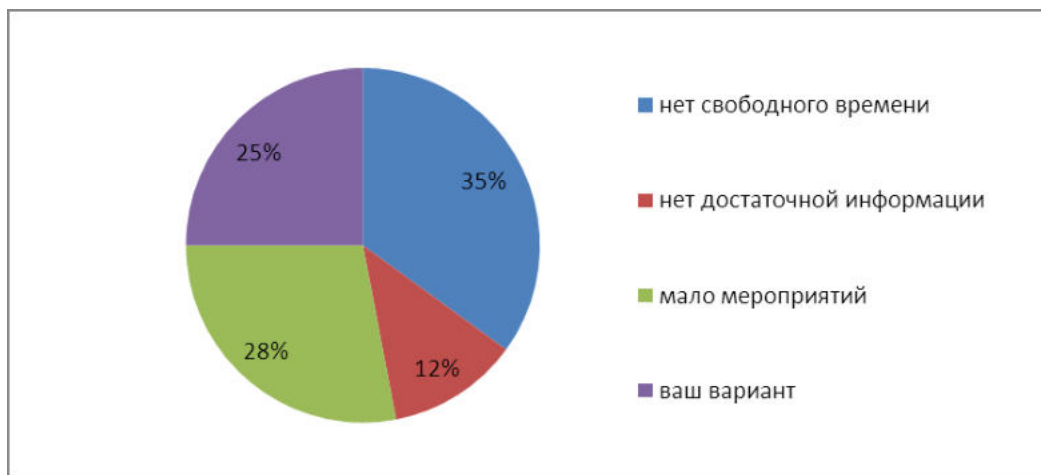
Диаграмма 1. Как Вы проводите семейный досуг?

Семейный досуг на селе, как правило, преимущественно состоит из просмотра телепередач (21%), посещения друзей (20%), посещения культурно-досуговых мероприятий (17%), занятия творчеством (16%), прогулок на свежем воздухе (15%), малая часть семей занимаются спортом (8%). При этом 57% опрошенных не удовлетворены качеством семейного досуга.

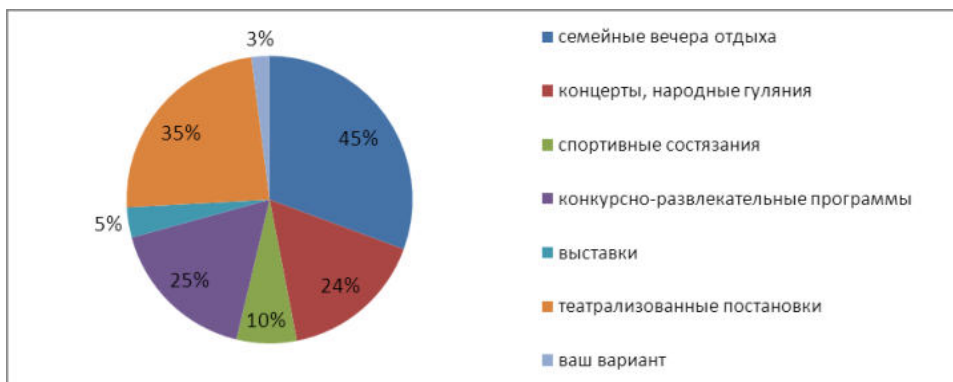
Тем не менее, семьи редко посещают мероприятия культурно-досугового центра, только 9% респондентов бывают там регулярно.

Диаграмма 2. Если Вы не посещаете КДЦ , то по какой причине?

Основной причиной низкой посещаемости является недостаток свободного времени. Для 12 % не хватает информации о работе учреждения, 28 % опрошенных считают, что мало мероприятий, где они могли бы участвовать и реализовывать свои способности. 25 % респондентов выбрали открытый вариант ответа, где указали на холод в помещении, недостаточное количество кружков для людей зрелого возраста, отдаленность и неудобное расположение учреждения культуры.

Диаграмма 3. Какие формы досуга Вы предпочитаете?

Исследование выявило, что культурные потребности селян достаточно разнообразны. Большинство респондентов голосуют за организацию вечеров отдыха (45%), театральных постановок (35%), конкурсно-развлекательных программ (25%), концертов и народных гуляний (24%). Для 10% респондентов необходимы спортивные мероприятия.

Респонденты хотели бы посещать разные кружки. Предпочтение было отдано таким направлениям, как игровые, вокальные и декоративно-прикладные. При этом на момент исследования только 5% респондентов регулярно посещают клубные объединения. Это театральные и вокальные кружки. 15 % опрошенных эти кружки посещают нерегулярно,

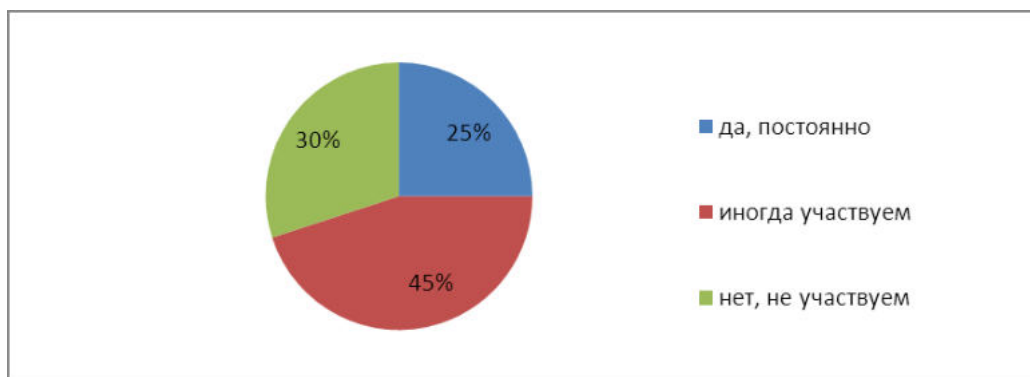
только при подготовке к какому-либо мероприятию, 80% анкетированных кружки всей семьёй не посещают.

В целом респонденты удовлетворены работой культурно-досугового учреждения при взаимодействии с семьёй, но с предложениями отдельных улучшений.

25% опрошенных считают, что основная работа культурного учреждения должна вестись с семьями и детьми, 5% указали, что нужно обратить внимание на пожилых людей, но большинство респондентов (50%) считает, что для полной результативности необходима работа со всеми категориями населения.

При опросе выяснилось, что в основном респонденты не нуждаются в помощи по организации досуга со стороны специалистов учреждения, но при этом 40% опрошенных ответили, что не откажутся от помощи, если специалисты могут предложить что-нибудь, заслуживающее внимания.

Диаграмма 4. Ваша семья участвует в культурной жизни села?

Достаточно большое количество жителей (30%) не участвует в культурной жизни села. Причинами этого являются: во-первых, нехватка свободного времени (многие жители работают вахтовым методом, и в селе появляются лишь изредка); во-вторых, есть категория жителей, которым это просто не интересно (они так и говорят: «не нужна нам эта развлекаловка, есть дела поважнее»). Но остальная часть жителей (70%) старается принять участие в культурных мероприятиях.

Диаграмма 5. Какие изменения необходимы для улучшения работы учреждения культуры в области организации семейного досуга?

Для качественного улучшения работы учреждения 56% респондентов пожелали улучшения материальной базы: приобретение качественной аппаратуры, новых костюмов, сделать ремонт здания. 21% респондентов посоветовали разнообразить формы и методы работы, а 10% пожелали изменить график работы культурно-досугового центра на более удобное для них время.

В сложившейся социально-экономической ситуации сельские жители располагают достаточно малым количеством свободного времени, которое можно использовать для проведения семейного досуга. Так, на вопросы, касающиеся причин слабого посещения мероприятий, проводимых учреждением культуры, респонденты отметили «недостаток свободного времени». Жители села, как правило, выбирают наиболее пассивные формы проведения досуга.

Несмотря на отдельные замечания респондентов, в целом они высоко оценивают деятельность культурно-досугового центра и считают его определяющим фактором в культурной жизни села.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно отметить следующее:

1. При выборе мероприятий жители села хотели бы посещать всей семьёй такие групповые и массовые формы социально-культурной деятельности, как: развлекательные мероприятия, семейные вечера отдыха, концерты, театральные постановки.
2. Опрос выявил выраженные предпочтения респондентов к игровым методам организации досуга.
3. При планировании работы любительских объединений, клубов (кружков) по интересам следует более внимательно учитывать интересы различных категорий населения, привлекать по возможности к совместным мероприятиям учреждения социальной защиты, школы, библиотеки.

4. Культурно-досуговые учреждения должны организовывать любительские объединения, в которых могли бы участвовать как родители, так и их дети.

Примечания

1. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности : учебник. М. : МГУКИ, 2007. 280 с.
2. Новикова Г. Н. Технологические основы социально-культурной деятельности : учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2010. 158 с.

References

1. Zharkov A.D. Teorija i tehnologija kulturno-dosugovoj dejatel'nosti : ucheb'nik [Theory and technology of cultural and leisure activities: textbook]. M., 2007. 280 p. [In Russ.].
2. Novikova G.N. Tekhnologicheskiye osnovy social'no-kulturnoj dejatel'nosti: ucheb. posobiye [Technological foundations of socio-cultural activities: manual] M., 2010.158 p. [In Russ.].

*Монгуш Ч.А.-С.**Mongush Ch.A.-S.*

**ВОСКОВАЯ ФИГУРА СУБЕДЕЯ В ЭКСПОЗИЦИИ ТУВИНСКОГО
МУЗЕЯ КАК НОВАЯ ФОРМА В МУЗЕЙНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**
**WAX FIGURE OF SUBEDEY IN THE EXPOSITION OF THE TUVAN
MUSEUM AS A NEW FORM IM MUSEUM INTERPRETATION**

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва активно применяет новые современные музейные технологии в своей деятельности, которые помогают создавать необычные экспозиции, тем самым успешно выполняет свою социокультурную функцию. Примером является созданная в конце 2018 г. экспозиция «Субедей-маадыр – великий урянхайский полководец», посвященная жизни и деятельности одного из выдающихся полководцев в истории.

Субедей (1175-1248) – историческая личность, как великий полководец, сыграл ключевую роль в военной политике Монгольской империи первой половины XIII века, а именно в развитии военного искусства и создании армии Чингисхана. Он соратник Чингисхана, был наставником его сыновей, хранителем Ясы – главного закона Монгольской империи.

Реконструкция собирательного образа Субедея в форме восковой фигуры в полном одеянии с военными доспехами, выполненная монгольскими мастерами в 2018 г. по заказу Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, занимает ключевое место в экспозиции. Восковая фигура исторической личности выполнена и применена впервые в экспозиционной деятельности тувинского музея. Кроме фигуры Субедея, выставка представляет его боевого коня со всеми принадлежностями, а также этнографические материалы и дополнительные фотоиллюстрации.

Презентация экспозиции «Субедей-маадыр – великий урянхайский полководец» получила положительные отзывы среди посетителей и общественности. Экспозиция получилась необычной и интересной. Были достигнуты поставленные цели и задачи, одной из которых является патриотическое воспитание подрастающего поколения. Научным консультантом подготовки экспозиции является К.А. Бичелдей, директор Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, д.ф.н., автор монографии «Субедей – великий урянхайский полководец» (2019).

The National Museum of Tuva Republic named after Aldan-Madyr actively uses new modern museum technologies in its activities that help create unusual expositions, thus successfully fulfilling its socio-cultural function. The exposition "Subedey-maadyr – a great uryankhai warlord"

created at the end of 2018 was dedicated to the life and activity of one of the outstanding warlords in the history.

Subedey (1175-1248) is a historical figure, a great warlord who played a key role in the military policy of the Mongolian Empire in the first half of the XIIIrd century, namely in the development of military art and the creation of Genghis Khan's army. He was an ally of Genghis Khan, his sons' mentor, the keeper of the Yassa – the main law of the Mongolian Empire.

The reconstruction of the collective image of Subedey in the form of a wax figure dressed in the military armor made by the Mongolian masters in 2018 in accordance with the order of the national museum named after Aldan-Maadyr, occupies a key place in the exposition. The wax figure of this historical personality is made and has been used for the first time in the exhibition activity of the Tuvan museum. Besides Subedei's figure, the exhibition presents his war horse with all accessories as well as ethnographic materials and additional photo illustrations.

The presentation of the exposition "Subedey-maadyr – a great uryankhai warlord" got positive feedback from visitors and the public. The exhibition was unusual and interesting. The set goals and objectives were achieved, one of which is the patriotic education of the younger generation. The scientific consultant of the exposition preparation is K.A. Bicheldey, a director of the museum, Sc.D. in Philology, the author of the monograph "Subedey – a great uryankhai warlord" (2019).

Ключевые слова: Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, экспозиция, восковая фигура Субедея, полководец.

Keywords: the National Museum of the Tuva Republic named after Aldan-Maadyr, exposition, Subedey's wax figure, warlord.

21 декабря 2018 г., в одном из выставочных залов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, торжественно открылась выставка «Субедей-маадыр – великий урянхайский полководец», посвященная жизни и деятельности урянхайского полководца Субедея (1175-1248), сыгравшего ключевую роль в военной политике Монголии первой половины XIII века. На открытие выставки были приглашены члены правительства республики, сотрудники посольства Монголии в Туве, жители города Кызыл и другие гости. Экспозиция состоит из этнографических, археологических материалов и фотоиллюстраций. Основное место в ней занимает реконструкция восковой фигуры Субедея.

Основываясь на работах исследователей, приводим краткую биографию Субедея. Субедей родился в 1175 г., он был родом из урянхайского племени. Как отмечает исследователь В.А. Злыгостев, урянхаи жили как на сибирском, так и на монгольском склонах Алтая [3, с. 484]. По мнению К.А. Бичелдея, автора книги «Субедей – великий урянхайский полководец», Субедей был уроженцем Танды-урянхая Тувы. Он был сыном кузнеца Чжарчиудая из племени урянхаев, его мать умерла, когда он был маленьким. Его вырастила старшая сестра Даржигун. У Субедея бы-

ло два брата Джэлмэ и Чаурхан, которые также оставили яркий след в истории монгольского государства, созданного Чингисханом. Старший брат Джэлмэ был одним из самых первых сподвижников Чингисхана [3, с. 484]. Субедею было 14 лет, когда отец привел его Чингисхану. Он стал воспитателем четырех сыновей Чингисхана – Джучи, Угедея, Чагатая и Тулуя [4, с. 37], благодаря чему чингизиды относились к нему как ко второму отцу.

Субедей показал себя отличным наездником и стрелком, проявил организаторские способности, был одним из лучших командиров отряда. Чингисхан по достоинству оценил заслуги Субедея и на курултае 1206 г. сделал его нойоном-тысячником, главнокомандующим многотысячной армии своей империи [3, с. 486].

Из источников известно, что Субедей принимал активное участие во всех военных делах Монголии в 1190-х – начале 1200-х гг. Имел колоссальный опыт по организации степного войска. Он всегда находился рядом с Чингисханом, разделяя и радости побед, и горечь поражений [3, с. 485-487].

Более 60 тысяч километров прошел Субедей от берегов Янцзы до берегов Адриатического моря на своем боевом коне во главе своих войск. Участвовал и одержал победу в более 50 крупных сражениях, а после смерти Чингисхана стал хранителем Ясы – основного закона Монгольской империи. Субедей стоял у истоков двух великих степных держав Монголии – империи Чингисхана и Золотой Орды [4, с. 37-38].

Субедей за десятилетия службы «золотому роду» справился со всеми задачами, возлагаемыми на него Чингисханом, а потом и чингизидами. На одном из курултаев внук Чингисхана Батый сказал: «...Все, что захватили в то время – это заслуга Субедея». В последний раз Субедей как действующий военачальник руководит вторжением монгольских войск на территорию империи Сун в нижнем течении рек Хуанхэ и Янцзы. Зимой 1248/49 года Субедей, являвшийся одним из создателей Монгольской империи, скончался в 73 года в своем родовом улусе в верховьях реки Толы [3, с. 495].

Субедей – великий урянхайский полководец, который сыграл ключевую роль в развитии военного искусства и создании армии Чингисхана. Основываясь на этом, для популяризации образа этой исторической личности, Национальный музей Республики Тыва организовал выставку «Субедей-маадыр – великий урянхайский полководец».

Восковая фигура Субедея выполнена в рамках соглашения о взаимном сотрудничестве в области музейного дела между Национальным музеем им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и музеем Чингисхана Монголии в целях изучения и развития тувинской и монгольской культуры, создания благоприятных условий для развития и расширения культурных связей, обмена и сотрудничества в области музейного дела.

Реконструкция восковой фигуры исторической личности выполнена и применена впервые в экспозиционной деятельности тувинского музея.

Фигуру собирательного образа Субедея выполнили монгольские мастера. Высота ее составляет 180 см. Внешний облик героя выполнен по фотографиям некоторых тувинских мужчин, в том числе героя России, министра обороны РФ Сергея Шойгу. В 2017 г. в музее была организована выставка картин фотохудожника А.Оюна, где в композициях С.К.Шойгу в разных доспехах, в том числе и в образе воина древнемонгольского периода [1, с. 40].

Костюм фигуры Субедея представляет собой национальный халат бордового цвета, защищенный сверху кожаной кольчугой. На голове шлем, выполненный из металла и кожи. Прическу составляют две заплетенные косички. На ногах национальные кожаные сапоги. Из вооружения героя были воссозданы меч, лук со стрелами и копье. Как известно из источников, Субедей единственный полководец, который искусно владел этими видами оружия, поэтому он их носил всегда [2, с. 89-94].

На выставке, за фигурой Субедея, установлена панорама с изображениями девяти всадников-воинов, самых верных соратников Чингисхана. На левой стороне Субедея представлен боевой конь героя - чучело лошади с реконструированными доспехами. Экспозицию тематически и по хронологии дополняют археологические предметы XIII в. – шлемы, наконечники стрел, орудия земледелия, каменная плита с изображением монгольского воина; этнографические коллекции – реконструкция деревянной телеги, загруженная деталями разобранной юрты, деревянные бочки, казаны в треножниках; фотокопии восковых фигур четырех сыновей Чингисхана, карта военных походов Субедея с 1202-1245 гг., манекены воинов в реконструированных костюмах, сувенирная продукция с изображением Субедея и издания о нем.

Цель и задачи данной выставки состоят в том, что на основе архивных и фондовых документов раскрыть образ исторической личности Субедея, урянхайского полководца, внесшего огромный вклад в военную политику Монгольской империи первой половины XIII в., популяризация истории, а также патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Презентация экспозиции, посвященной Субедею, получила положительные отзывы среди посетителей и общественности. В книге отзывов оставлены записи жителей города Кызыла: «Сегодня посетили выставку, посвященную великому урянхайскому полководцу Субедею. Узнали очень много фактов из истории жизни Субедея. Большое спасибо экскурсоводу Пильжуму Раджу за интересное повествование исторических событий монгольского народа. Канзай А.В., Бады-Сагаан Ш.Б. 05.01.2018 г.».

«Посетили выставку, посвященную великому полководцу Субедей-маадыру. Очень приятно и интересно было. Особенно очень понравилась экскурсовод Чейнеш Орлановна, как она волшебным и завораживающим

ще рассказывала исторические события того времени, про Субедея и сыновей Чингисхана. Желаем ей дальнейших творческих успехов, здоровья, счастья. 06.01. 2018 г. Семья Ондар». С момента открытия выставки и по настоящее время экспозицию посетили 2344 человек, из них 1126 детей.

С 1 по 18 апреля 2019 г. Национальным музеем Республики Тыва организованы передвижные выставки «Субедей-маадыр – великий урянхайский полководец» в западных кожуунах (районах) республики – Дзун-Хемчикском, Сут-Хольском, Бай-Тайгинском и в г. Ак-Довурак. Жители с большим интересом посетили выставку. Всего посетило 2163 человек, из них 1723 детей.

Выставка оформлена сотрудниками отдела археологии и группой оформителей выставочного отдела музея. Научный консультант – директор музея, д.ф.н., исследователь, который на протяжении более 40 лет собирал материалы по Субедею, К.А. Бичелдей.

Директором музея К.А. Бичелдеем, автором книги «Субедей – великий урянхайский полководец», в октябре 2018 г. установлен памятник полководца Субедея, восседавшего на лошади, в м. Белдир-Кежи Улуг-Хемского кожууна, на территории музея-заповедника – нового филиала Национального музея, открытого в мае 2019 г. Общий вес памятника 27 тонн, высота статуи – 4 м 30 см, авторы – заслуженный деятель искусств РФ, скульптор-монументалист Л.Х. Уржук и мастер-краснодеревщик А.А. Артаа.

Таким образом, история, связанная с именем полководца Субедея, имеет большую научную и культурную ценность, его личность является объектом историко-культурологического изучения и популяризации в современном обществе. Благодаря трудам выдающихся ученых и исследователей, мы можем обогатиться новыми знаниями по истории Тувы, для последующей их передачи молодому поколению и формированию у них этнического самосознания.

Примечания

1. Бичелдей К. А. Шойгу во все времена // Эне-Сай : журн. Ассамблеи народов Тувы. Новосибирск, 2017. № 3. С. 40-43.
2. Злыгостев В. А. Субедей. Делегейни чагырып ап чораан аъттыг кижы (Субедей. Всадник, покоривший вселенную) / пер. на тув. яз.: Н. Ш. Куулар, А. О. Хертек ; отв. ред. К. А. Бичелдей. Красноярск : Офсет, 2018. 400 с.
3. Злыгостев В. А. Герои «Сокровенного сказания». Уфа : Альфа-реклама, 2018. 808 с.
4. Качан И. Наследники славы Субедея // Эне-Сай : журн. Ассамблеи народов Тувы. Новосибирск, 2017. № 3. С. 36-38.

References

1. Bicheldey K.A. Shoigu vo vse vremena [Shoigu at all times] // Ene-Saj : zhurn. Assambleji narodov Tuvy [Ene-Si : journal of the Assembly of the peoples of Tuva]. Novosibirsk, 2017. № 3. Pp. 40-43 [In Russ.].

2. Zlygostev V.A. Сүбедей. Делегейни чагырып ап чораан аъттыг кижиги (Subedej. Vsadnik, pokorivshy vselennuju) [Subedej. The rider who conquered the Universe] / transl. by N.Sh. Kuular, A.O. Khertek into Tuvan ; chief ed. K.A. Bicheldey. Krasnoyarsk, 2018. 400 p. [In Tuvan].

3. Zlygostev V.A. Geroji «Sokrovennogo skazanija» [Characters of «Sacred legend»]. Ufa, 2018. 808 p. [In Russ.].

4. Kachan I. Nasledniki slavy Subedeja [The heirs to Subedej's glory] // Ene-Saj : zhurn. Assambleji narodov Tuvy [Ene-Si : journal of the Assembly of the peoples of Tuva]. Novosibirsk, 2017. № 3. Pp. 36-38 [In Russ.].

Сартакова А.В.

Sartakova A.V.

**МУЗЕЙНЫЕ ИНСТИТУЦИИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ
ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ОБЪЕКТЫ ТУРИСТСКОГО
ПОКАЗА НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

**MUSEUM INSTITUTIONS OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL
TERRITORIES AS TOURIST OBJECTS
ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

В данной статье рассматриваются особенности развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях Республики Бурятия. Автор отмечает значение музейных институций как объектов туристского показа в экотурах. Кроме того, в статье уделяется внимание программам эколого-просветительской деятельности заповедных территорий, реализуемых в рамках экотуризма на базе музейных институций.

The article considers the features of developing ecological tourism on the specially protected natural territories of the Republic of Buryatia. The author notes the importance of museum institutions as tourist objects while ecotouring. Besides, the article pays attention to the programs of environmental education of the protected areas implemented on the basis of museum institutions as part of ecotourism.

Ключевые слова: музей, визит-центр, особо охраняемые природные территории, экологический туризм, Республика Бурятия.

Keywords: museum, visitor center, specially protected natural territories, ecological tourism, the Republic of Buryatia.

Экотуризм является одним из видов современного туризма, развитие которого представляется наиболее предпочтительным на территории Бурятии, так как республика располагает уникальными природными объектами, представляющими мировой интерес.

Появление и развитие экологического туризма в целом обусловлено стремлением человечества свести к минимуму изменения окружающей среды. Поэтому приоритетными задачами экологических туров являются сохранение первозданной природной красоты территории, посещение экосистемы без причинения вреда, повышение уровня экологической культуры у населения [4, с. 116].

В настоящее время основными центрами развития экотуризма в Бурятии, как и в Российской Федерации, являются особо охраняемые природные территории (далее ООПТ). Именно они привлекают множество туристов своими уникальными и экзотическими природными объектами и явлениями.

Выделяемых государством средств на развитие заповедных территорий недостаточно для реализации всех функций, поэтому одним из способов заработка становится организация эколого-просветительской и туристической деятельности сверх государственного задания. Поэтому каждая заповедная территория разрабатывает свою стратегию ведения эколого-просветительской и туристической работы, опираясь как на собственный эколого-образовательный, научный, интеллектуальный, эстетический и природоохранный потенциал, так и на реальные возможности с учетом особенностей природоохранной зоны и региона, в котором она расположена [3, с. 17-23].

В своей коллективной монографии «Особо охраняемые природные территории: итоги последнего десятилетия» В.Б. Степаницкий, Н.И. Троицкая, М.П. Федотов, М.Л. Крейншлин, М.С. Стишов отмечают, что «постепенно эколого-просветительская и туристическая деятельность заповедников и национальных парков растет и крепнет, а также приобрело плановую основу и кадровое обеспечение» [5, с. 40].

Следует также отметить ряд особенностей развития экологического туризма на базе ООПТ Республики Бурятия, которые непосредственно зависят от их режима охраны: для заповедников приоритетом является сохранение популяций диких животных и растений, а также мест их обитания, поэтому посещение туристами территории ограничено; национальные парки, напротив, в первую очередь, призваны создавать на своей территории условия для развития рекреационной деятельности, сохраняя в то же время природные комплексы и объекты, имеющие экологическую, историческую и культурную ценность.

На начало 2019 г. на ООПТ Бурятии сложилась достаточно устойчивая сеть музейных институций ООПТ как объектов туристского показа. Так, нами было выявлено 3 музея и 27 визит-центров при государственных заповедниках, национальных парках и заказниках. Все они в основном задействованы в 22 туристических маршрутах или экскурсиях, из них в 20 экотурах [2]. Туристические фирмы и сами ООПТ республики, в силу ряда причин предлагают разные экологические туры, нацеленные, прежде всего, на экологическое просвещение путешественников, которые также предполагают знакомство с историческим прошлым населяющих данную территорию народов, с их природоохранными традициями, образом жизни, ремеслами, фольклором. Кроме того, туристический рынок Бурятии предлагает экотуры, которые включают в себя, как элементы активного туризма (скалолазание, сплавы по рекам, велопутешествия, лыжные походы) с проживанием в палатках, так и «цивилизованное» размещение в домах отдыха и на турбазах и многочисленные экскурсии.

Руководство природоохранных зон рассматривает все категории населения как потенциальных клиентов и проводит образовательную и воспитательную работу с учетом их возрастных и психологических особенностей, образовательного уровня, социального статуса. Можно выделить следующие группы, на которые направлена эколого-просветитель-

ская деятельность ООПТ: дошкольные учреждения; средние и средние специальные учебные заведения; вузы; научные организации, образовательные центры; экологические общественные организации; средства масс-медиа; выставки, туроператоры и турагенты [1, с. 4].

Различные виды работы с посетителями ООПТ позволяют ежегодно охватить более 7 млн. человек. Однако чрезмерный поток туристов нередко является причиной деградации природной среды, снижения биологического и культурного разнообразия. Большинство ООПТ Республики Бурятия, так и Российской Федерации, в последнее время расширяют спектр и качество познавательных услуг, не связанных с непосредственным посещением территории: оформляют интерактивные экспозиции в музеях и визит-центрах; демонстрируют посетителям видеофильмы и презентации о растениях и животных, обитающих в природоохранной зоне; создают демонстрационные вольеры с животными, дендрарии; выделяют и оборудуют специальные экскурсионные маршруты, позволяющие более эффективно направлять туристические потоки и снизить рекреационную нагрузку на территорию в целом [3, с. 21].

Отметим, что большинство музеев и визит-центров ООПТ естественно-научной направленности, однако заповедные территории Бурятии также располагают историко-культурными и этнографическими экспозициями, а также экспозициями, посвященными жизни и исследованиям научных сотрудников природоохранных зон. Основной миссией данных музейных институций является экологическое просвещение, поэтому именно они и включены в экологические туры с целью не только продемонстрировать достопримечательности и «чудеса природы», но и привлечь внимание туристов на экологические проблемы и способствовать участию в их решении. Кроме того, с точки зрения экономики развитие такого экотуризма в заповедных территориях способствует появлению новых рабочих мест и притоку дополнительных средств и инвестиций в регион [9, с. 215].

Выделим для примера две ООПТ Бурятии, успешно реализующих экологический туризм с привлечением музейных институций: ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник «Байкальский», ФГБУ «Объединенная дирекция Государственного природного биосферного заповедника «Баргузинский» и Национального парка «Забайкальский» «Заповедное подлесье» и ФГБУ «Национальный парк «Тункинский». Именно на данных территориях действуют три музея природы и 26 визит-центров, на базе которых успешно реализуют различные проекты; проводят экскурсии и экологические акции, организуют выставки; предпринимают попытки внедрить новые информационные технологии в свои экспозиции и т.п.

Отметим, что целенаправленное развитие экотуризма на вышперечисленных ООПТ началось в 1996 г., когда бассейн озера Байкал был включен в Список Участков Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. В последующие несколько лет администрации заповедных территорий

искали разные пути развития экотуризма на сопредельных территориях – за пределами «заповедного ядра», где может и должен развиваться туризм под управлением и (или) контролем со стороны самой ООПТ, чтобы упорядочить антропогенную нагрузку и как можно меньше проводить экскурсий на территории природоохранной зоны. Это стало единственным возможным вариантом обеспечения экономических выгод местному населению и привлечения внимания к проблемам.

Например, ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник «Байкальский» (далее по тексту Байкальский заповедник) для развития экотуризма в своей буферной зоне установил кормушки для птиц, прикормочные площадки для копытных; создал вольер для соболей; построил зимовье; открыл один музей природы при главной усадьбе и десять визит-центров, которые были построены по передовым инновационным технологиям в сфере природосбережения, создал историко-мемориальный и выставочный комплексы; воссоздал этногородок, в котором представлены жилища народов, проживавших на берегу озера Байкал. В планах дирекции заповедника установить систему видеонаблюдения для дистанционного показа животных; построить смотровые площадки, наблюдательные вышки; строительство на кордонах двух визитно-информационных центров, проектирование и обустройство 9 экскурсионных экологических троп и маршрутов, в том числе с обеспечением демонстрации диких животных в естественных условиях; информационное наполнение маршрутов; обновление транспортного парка заповедника и реконструкция музея. Также Байкальский заповедник предлагает 17 туристических программ в рамках экотуризма с различной наполняемостью [6].

На протяжении года посетителям Байкальского заповедника предлагаются тематические выставки и экспозиции в разных музейных институциях природоохранной зоны, а именно в визит-центрах, музее природы, историко-культурном комплексе «Байкальская переправа», выставочном комплексе «Геокупол» и этногородке. В большинстве все экспозиции можно разделить на две группы: к первой относятся выставки и экспозиции, посвящённые системе особо охраняемых природных территорий, которые демонстрируют красоту и богатство первозданной природы России; благодаря искусству фотографов-анималистов возможно увидеть богатое и удивительное разнообразие заповедного мира Байкальского региона; во второй группе экспозиций, посвящённых историко-культурному наследию края, рассказывается о том, как жили люди в старину: об охотничьих промыслах, жизни байкальских рыбаков, а также об истории легендарного Транссиба и Байкальской паромной железнодорожной переправы [8].

Байкальский заповедник обладает достаточной базой для реализации экотуризма на своей территории, а также является более доступным, так как туристические объекты заповедника расположены вдоль федеральной автодороги М-258 на равном удалении от Иркутска и Улан-Удэ.

Кроме того, в посёлках Танхой, Речка, Выдрино и Мишиха создана туристическая инфраструктура [8].

Не менее значимой материальной базой для проведения экологического туризма обладает ФГБУ «Объединенная дирекция Государственного природного биосферного заповедника «Баргузинский» и Национального парка «Забайкальский» «Заповедное подлесье» (далее по тексту Заповедное подлесье). В настоящее время на заповедной территории расположено 11 экологических троп разной сложности и протяжённости; 9 визит-центров, один музей природы в посёлке Давша (Республика Бурятия), смотровые площадки, автопарк, биосферный полигон, историко-культурные объекты. Отметим, что на сайте Заповедного подлесья имеются два виртуальных тура по достопримечательностям заповедника и национального парка.

Дирекция Заповедного подлесья в рамках экологического туризма предлагает посетителям экскурсии и туры по экологическим тропам, посещение музея-природы Баргузинского заповедника, лыжные прогулки в дремучие дебри Баргузинской тайги по следам знаменитого баргузинского соболя. Кроме того, природоохранная зона имеет партнёрское соглашение с туристической компанией «Экотур» [7].

В рамках большинства экскурсий и туров по заповедной территории запланировано посещение музеев природы, визит-центров и разных выставочных залов, которые имеют важное значение в формировании экологической культуры населения. Именно данные музейные институции позволяют получить наиболее полную информацию о посещаемой территории, узнать особенности, интересные факты о животном и растительном мире, пробуждают у людей интерес к природе и делают их более сопереживающими к ее проблемам.

Особый интерес вызывают два визит-центра Заповедного подлесья. Первый визитно-информационный центр «Парк дикой природы» был открыт в ноябре 2018 года в Забайкальском национальном парке, где посетители могут запланировать экскурсию по экологическим тропам и пешим маршрутам. Он представляет собой комплексный объект службы охраны, экологического просвещения, туризма и первый подобного рода объект в системе особо охраняемых природных территорий России, совмещающий функции контрольно-пропускного пункта и визитно-информационного центра. Экспозиция данного визит-центра представляет собой интерактивную рельефную карту, на которой отмечены рекреационные объекты с краткой характеристикой. Второй по популярности визит-центр – информационный центр «Нерпа-центр» на острове Тонкий архипелага Ушканьи острова (Нижнеангарское подразделение Заповедного Подлесья). Его устройство предполагает возможность вживую увидеть байкальского тюленя-нерпу, поскольку там находится крупное его лежбище, а также ознакомиться с интересными фактами о его биологии и экологии» [7].

Экологические мероприятия Заповедного Подлеморья частично включены в сезонные экскурсии и туры, так как они направлены на воспитание экологического сознания у детей, молодежи и взрослых, а также средством привлечения внимания населения к современным проблемам заповедного дела [7].

В заключение отметим, что на данный момент идет процесс формирования материальной базы для развития экологического туризма на ООПТ, в том числе постепенно совершенствуются основные объекты показа: музеи, визит-центры, экспозиции под открытым небом и историко-культурные комплексы природоохранных зон. Именно музеефикация природных территорий позволяет контролировать поток туристов, организовать безопасный отдых, повышать уровень экологической культуры населения и знакомить людей с заповедной территорией, что является главным для ООПТ.

Примечания

1. Байбакова Е. В. Экологическое образование и просвещение, как инструмент управления туризмом на ООПТ // Экологический консалтинг. Казань : Поволж. центр эколог. оценок, 2006. № 4. С. 2-5.

2. Маршруты и туры // Информационное агентство «Визит Бурятия». URL : <http://www.visitburiatia.ru/tours/section-292/> (дата обращения: 20.05.2019).

3. Мех Н. В. Эколоγο-просветительская деятельность особо охраняемых природных территорий в системе формирования экологической культуры общества // Перспективы науки. Тамбов, 2010. №7. С.17-23.

4. Миронова Н. И. Развитие экологического туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 115-129.

5. Особо охраняемые природные территории: «итоги последнего десятилетия / В. Б. Степаницкий [и др.] ; под ред. М. В. Куликовой, А. К. Благовидова. М. : МСОП : МПР России, 2003. 64 с.

6. Байкальский государственный природный биосферный заповедник. URL: <http://baikal-zapovednik.ru/>. (дата обращения: 17.05.2019).

7. Заповедное подлеморье. URL: <http://zapovednoe-podlemorye.ru>. (дата обращения: 17.05.2019).

8. Экологический туризм на Байкале. URL: <http://baikalecotourism.ru>. (дата обращения: 17.05.2019).

9. Экологический туризм на пути в Россию: принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. Тула : Гриф и К, 2002. 284 с.

References

1. Baibakova Ye. V. Ekologicheskoye obrazovaniye i prosveshcheniye, kak instrument upravleniya turizmom na OOPT [Ecological education as an instrument of tourism management at SPNT] // Ekologicheskij konsalting [Ecological consulting]. Kazan, 2006. № 4. Pp. 2-5 [In Russ.].

2. Marshruty i tury [Routes and tours] // Informacionnoje agenstvo «Visit Burjatija» [Information agency «Visit Buryatia»] URL : <http://www.visitburiatia.ru/tours/section-292/> (20.05.2019) [In Russ.].

3. Mekh N.V. Ekologo-prosvetitel'skaja dejatel'nost' osobo okhranjaemykh prirodnykh territorij v sisteme formirovanija ekologičeskoj kul'tury obščestva [Ecological educational activity of specially protected natural territories in the system of forming ecological culture of society] // Perspektivy nauki [Science perspectives]. Tambov, 2010. №7. Pp. 17-23 [In Russ.].

4. Mironova N. I. Razvitije ekologičeskogo turizma v Rossii [The development of ecological tourism in Russia] // Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and abroad]. 2009. № 4. Pp. 115-129 [In Russ.].

5. Osobo okhranjaemye prirodnye territorii: «itogi poslednego desjatiletija» [Specially protected natural territories: «results of the last decade»] / V.B. Stenaničskij [and others]; ed. by M.V. Kulikova, A.K. Blagovidova. M., 2003. 64 p. [In Russ.].

6. Baikal'skij gosudarstvennyj prirodnyj biosfernyj zapovednik [Baikal state natural biosphere reserve]. URL: <http://baikal-zapovednik.ru/> (17.05.2019) [In Russ.].

7. Zapovednoje podlemor'je [Zapovednoye podlemorye]. URL: <http://zapovednoe-podlemorye.ru> (17.05.2019) [In Russ.].

8. Ekologičeskij turizm na Baikale [Ecological tourism at the Baikal]. URL: <http://baikalecotourism.ru> (17.05.2019) [In Russ.].

9. Ekologičeskij turizm na puti v Rossiju: principy, rekomendacii, rossijskij i zarubezhnyj opyt [Ecological tourism on the way to Russia: principles, recommendations, Russian and foreign experience]. Tula, 2002. 284 p. [In Russ.].

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

DOI 10.31443/2541-8874-2019-3-11-94-97

УДК 378.147+745(571.54)

Жамбаева Т.И.

Zhambaeva T.I.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ «ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ» В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ

THE EDUCATIONAL PROCESS IN TRAINING BACHELORS MAJORING IN «DECORATIVE AND APPLIED ART AND FOLK CRAFTS» AT EAST SIBERIAN STATE INSTITUTE OF CULTURE

В статье рассматривается роль декоративно-прикладного искусства в процессе сохранения и развития традиционных видов искусства в Республике Бурятия. В данном контексте раскрывается значение образовательного процесса в подготовке бакалавров направления «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» в Восточно-Сибирском государственном институте культуры.

The article considers the role of decorative and applied arts in the process of preservation and development of traditional art forms in the Republic of Buryatia. The importance of the educational process in training bachelors majoring in "Decorative and applied arts and folk crafts" at East Siberian State Institute of Culture is revealed in this context.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, материал, образование, технология, традиции.

Keywords: arts and crafts, material, education, technology, traditions.

С каждым годом и десятилетием в нашей стране возрастает притягательная сила народного искусства. В регионах России повсеместно возрождаются традиции народного искусства, забытые старинные техники; сегодня мастера ищут различные варианты синтеза традиций и новаторства в таких направлениях как этническая мода, дизайн и старомонгольская письменность, открываются новые возможности традиционного гобелена с элементами аппликации и цветной пряжи и т.д. Такие дисциплины как «Народное искусство», «Народное декоративно-прикладное творчество», «Народный костюм», «Традиционные промыслы, заняли достойное место в образовательных процессах различного уровня от учреждений дошкольного образования, школ искусств, до учреждений среднего специального и высшего образования.

Начиная с сер. XIX в., когда декоративно-прикладное искусство вошло в систему академического художественного образования, прошло более века. Образовательная среда благотворно повлияла на область декоративно-прикладного искусства: сформировались методическая и научно-исследовательская базы, утвердилась роль и значение декоративно-прикладного искусства наряду с академической живописью, скульптурой, архитектурой.

Невозможно переоценить роль декоративно-прикладного искусства в регионах, представляющих этнические культуры. Произведения декоративного искусства Республики Бурятия всегда наиболее ярко отражали этническое своеобразие региона. Именно в традиционных видах ДПИ отражается мировоззрение и повседневный быт народов, понимание природного мира и знание материалов. Бурятские мастера издавна прославились в области художественной обработки металла, дерева, войлока, готовились краски и клеи для росписи мебели, сложился традиционный бурятский костюм, мужские и женские украшения.

С приходом советской власти, в период БМАССР мастера начинают получать профессиональное образование в таких городах Советского Союза как: Москва, Ленинград, Красноярск, Иркутск и др. Но необходимо отметить, что получая профессиональное образование, молодые мастера всегда стремились получить опыт прикладного искусства у себя на Родине, у народных мастеров. Исследователь народного искусства М.А. Некрасова выделяет следующие черты народной школы: «Полнота содержания традиционного образа... остаются высочайшим достижением предков, опыта поколений. Традиция в таком случае духовно энергетична. Ее нельзя свести к отдельным приемам, навыкам мастерства или мотивам орнамента» [1, с. 18]. Таким образом, одним из актуальных вопросов является сохранение художественных традиций в их наиболее приближенной к естественной среде форме; сохранение опыта и секретов мастерства в условиях развития современного общества, в понимании традиционности как нечто духовного и энергетического.

Сохранение и развитие видов традиционного искусства в Республике Бурятия одна из задач современного общества. Образовательная среда играет решающую роль в формировании профессиональных кадров в области декоративно-прикладного искусства. В системе высшего образования в Восточно-Сибирском государственном институте культуры ведется подготовка бакалавров направления «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», профиль: «Художник декоративно-прикладного искусства, преподаватель». Концепция кафедры заключается в том, чтобы студенты понимали художественное своеобразие ДПИ, практически осваивали технологию материалов, учились художественному проектированию и процессу его реализации.

Обучение по данному профилю направлено на освоение следующих видов деятельности: художественная и педагогическая. Дисциплины, формирующие художественный компонент: академическая живопись,

рисунок, скульптура, художественное проектирование, художественная обработка материалов, декоративная композиция, декоративная живопись; дисциплины педагогической направленности: педагогика и психология, методика преподавания художественных дисциплин, производственная (педагогическая) практика, которую студенты проходят на третьем курсе.

Содержание дисциплин определяется, с одной стороны, под воздействием общероссийских традиций и стандартов, а с другой стороны, отражает специфические региональные художественные особенности. Надо отметить, что большую часть эмпирического материала составляет художественное наследие Бурятии. Студенты изучают основы чеканки, закупают для работ менее дорогой материал, чем серебро – медь, латунь, жель; практикуются на плетении в технике гобелен, осваивают различные виды резьбы по дереву, изучают орнаментальные мотивы. Сюжетно-тематический круг курсовых и дипломных работ отражает этническое многообразие Республики Бурятия и связан с культурой бурят, эвенков, семейских Забайкалья, также, темы отражают историко-культурные пласты, сформировавшиеся в данном регионе: шаманизм, буддизм, древний период Байкальского региона.

Прохождение практик имеет большое значение для студентов, где они могут почувствовать рабочую и творческую атмосферу учреждений, ощутить себя в роли преподавателей. По окончании вуза многие учреждения-базы практик становятся местом трудоустройства выпускников – это детские школы искусств, средние образовательные школы, дома культуры, центры дошкольного развития в г. Улан-Удэ и районах Бурятии, также, базами практик являются: колледж им. Чайковского, Педагогический колледж, Республиканский центр народного творчества и музеи г. Улан-Удэ. Надо сказать, что данное направление подготовки является востребованным не только в Республике Бурятия, но также и в соседних регионах – Республике Тыва, Хакасия, Забайкальский край. По словам председателя Бурятского республиканского отделения «Союза художников России» Е.А. Болсобоева: «Если сравнить наш союз с другими союзами городов России, то у нас самое большее число мастеров прикладного искусства, около 30-ти, а это треть общего числа членов союза» (из беседы с Е.А. Болсобоевым от 03.09.2019 г.).

Таким образом, можно сказать, что область декоративно-прикладного искусства в нашей республике развивается и является перспективной, несмотря на разные трудности. Прежде всего, выстроена многоступенчатая система образования в области декоративно-прикладного искусства – детские школы искусств, учреждения средне-специального образования (Педагогический колледж, Колледж искусств им. Чайковского в г. Улан-Удэ, колледж Традиционных искусств народов Забайкалья в с. Иволгинск), учреждение высшего образования представлено Восточно-Сибирским государственным институтом культуры.

Примечания

1. Народные мастера. Традиции и школы / Рос. акад. художеств, НИИ теории и истории изобраз. искусств ; общ. ред. и сост. М. А. Некрасова. М. : Academia, 2006. 432 с.

References

1. Narodnyje mastera. Tradicii i shkoly [Folk masters. Traditions and schools] / Ros.akd.khudozhestv, NII teorii i istorii izobraz. Iskusstva [Rus. art acad., SRI of theory and history of fine arts]; edited and compiled by M.A. Nekrasova. M., 2006. 432 p. [In Russ.].

Арбатская О.А.

Arbatskaya O.A.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**EDUCATIONAL PROGRAM FOR LIBRARY PERSONNEL
UPGRADING IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

Статья посвящена проекту образовательной программы, который разрабатывается для повышения квалификации специалистов с библиотечным образованием в области цифровых технологий и коммуникаций. Приводится краткая характеристика структуры программы, составляющих её модулей и дисциплин. Сформулированы проблемы реализации программы.

The article is devoted to the project of the educational program which is developed for professional upgrading of library specialists in the field of digital technologies and communications. The short characteristic of the program structure, its constituent modules and disciplines are given. The problems of the program implementation are formulated.

Ключевые слова: образовательная программа, повышение квалификации, библиотечное образование, цифровые технологии.

Keywords: educational program, professional upgrading, library education, digital technologies.

Потребность в усовершенствовании сложившейся системы переподготовки и повышения квалификации библиотечных кадров обусловлена необходимостью их адаптации к решению новых производственных задач [1].

Дополнительное профессиональное образование выполняет компенсаторную функцию [2], что обусловлено тем, что среднее и высшее библиотечное образование не всегда могут оперативно реагировать на изменения в библиотечной отрасли. Одна из основных задач дополнительного библиотечно-информационного образования – это повышение квалификации в связи с выполнением новых функциональных задач, связанных и информатизацией библиотечного дела [1]. В связи со стремительным развитием безбумажной информационной среды и доступностью цифровых ресурсов, на позиции библиотеки как института социальных коммуникаций значительное влияние оказывают компетенции библиотечных работников, связанные с компьютеризацией библиотечно-информационных процессов, внедрением цифровых технологий для создания в библиотеке комфортной информационно-образовательной среды.

Последние два десятилетия характеризуются развитием различных форм повышения квалификации: семинаров, тренингов, мастер-классов и др. [2]. Однако при всем разнообразии форм дополнительного образования в области цифровых технологий, а также из содержательной направленности и целевого назначения образовательные программы по определению, данному в «Концепции дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации» [1], носят дискретный характер. В работе [2] декларируется необходимость перехода от дискретного этапа развития дополнительного библиотечно-информационного образования к системному.

Изучение регионального опыта показывает, что библиотекари небольших библиотек, состав которых самый разнообразный по уровню подготовки в области современных цифровых технологий и коммуникаций, остро нуждаются в комплексном повышении квалификации в этой области. В основном – это работники с профильным библиотечным образованием, однако подготовку в области цифровых информационно-коммуникационных технологий они получили по программам, отражающим развитие этих технологий и концепций образования в этой области прошедших периодов.

С учетом этих обстоятельств и проблем на кафедре библиотечно-информационных ресурсов Восточно-Сибирского государственного института культуры, наряду с реализуемой образовательной программой переподготовки библиотечных работников без высшего профильного образования [3], разработан проект образовательной программы «Цифровые информационно-коммуникационные технологии в библиотеке» для повышения квалификации библиотекарей с высшим и средним библиотечным образованием (таблица 1). Общая трудоемкость предлагаемой учебной программы – 500 часов, форма обучения – заочная, возможно использование дистанционных технологий обучения.

Учебный план программы состоит из трёх модулей (семестров), каждый из которых заканчивается курсовой работой. Третий модуль является вариативным: предполагает обучение библиотечных специалистов разных профилей.

Таблица 1. Примерный план переподготовки библиотекарей «Цифровые информационно-коммуникационные технологии в библиотеке»

№ п/п	Наименование курсов и дисциплин	Всего часов	В том числе		Форма контроля
			Ауд	СРС	
Модуль 1. Вводный					
1	Основы компьютерных технологий	32	24	8	зачет

2	Локальные компьютерные сети и Интернет	24	16	8	зачет
3	Цифровая фотовидеофиксация.	24	12	12	зачет
4	Комплексная автоматизация библиотечной технологии	26	16	10	экзамен
5	Комплектование и учет фондов библиотеки с использованием технологии АБИС ИРБИС и Интернет Курсовая работа	44	22	22	экзамен
Всего за 1 семестр:		150	90	60	
Модуль 2. Основной					
6	Электронный каталог как интегрированный справочный аппарат библиотеки	30	20	10	экзамен
7	Технологии каталогизации с использованием технологии АБИС ИРБИС и Интернет	30	20	10	экзамен
8	Библиографическая деятельность с использованием цифровых ИКТ	32	20	12	зачет
9	Организация работы библиотеки с электронными ресурсами	20	12	8	зачет
10	Создание, модернизация и поддержка веб-сайта библиотеки Курсовая работа	38	18	20	зачет
Всего за 2 семестр:		150	90	60	
Модуль 3А Библиотекари муниципальных и школьных библиотек					
11	Информационные технологии презентационной и культурно-досуговой деятельности	26	12	14	экзамен
12	Справочно-библиографическое обслуживание по праву и социальным службам.	20	12	8	зачет
13	Методика обучения читателей поиску информационных ресурсов на основе цифровых ИКТ	30	14	16	зачет
14	Создание электронных ресурсов в библиотеке Курсовая работа	44	22	22	экзамен
Всего за 3 семестр:		120	60	60	
Модуль 3Б. Методисты ЦБС и директоров библиотек					
11	Информационные технологии управленческой деятельности	30	20	10	экзамен
12	Инновационная политика и IT-стратегия современной библиотеки.	20	10	10	зачет

13	Использование цифровых ИКТ в методической работе ЦБС	28	12	16	зачет
14	Система повышения квалификации библиотекаря в области цифровых ИКТ Курсовая работа	42	18	24	экзамен
Всего за 3 семестр:		120	60	60	
Государственная аттестация					
Выпускная квалификационная работа слушателя		80		80	защита ВКР
Итого:		500	240	260	

В модуле «Вводный» дисциплины подобраны таким образом, чтобы знания, умения и навыки, полученные при освоении дисциплин этого модуля, являлись базой для формирований компетенций модуля «Основной». На основе компетенций, полученных в итоге изучения этих модулей, предусматривается освоение компетенций заключительного модуля. Дисциплины одного из них нацелены на формирование компетенций библиотекарей муниципальных и школьных библиотек, а дисциплины другого – на повышение квалификации методистов ЦБС и директоров библиотек.

В модуле «Вводный» планируется изучение пяти дисциплин.

Назначение дисциплины «Основы компьютерных технологий» – выравнивание разных уровней подготовки слушателей. Мастер-классы и выполнение заданий предполагают как тестирование уровня знаний и навыков эксплуатации компьютера и периферийных устройств, умения взаимодействовать с прикладными программами в среде операционной системы, так и овладение новыми умениями создания и оформления различных документов в текстовом процессоре Word, создания и связывания электронных таблиц в табличном процессоре Excel.

Дисциплина «Локальные компьютерные сети и Интернет» также нацелена на устранение разницы в уровнях знаний и навыков работы с различными сервисами Интернет и в то же время приобретения новых умений, а также знаний области применения сетевых технологий в работе библиотек.

Задачами дисциплины «Цифровая фотовидеофиксация» является овладение умениями грамотно выполнить фотосъемку и видеосъемку, обработку фотографий в графических редакторах, а также монтаж видеопленки в доступных программах; изучение завершается выполнением проекта: созданием небольшого видеопленки из собственноручно отснятого и обработанного материала.

В рамках дисциплины «Комплексная автоматизация библиотечной технологии» предполагается формирование системного представления о библиотечной технологии на основе автоматизированной библиотечно-информационной системы на примере АБИС ИРБИС.

Дисциплина «Комплектование и учет фондов библиотеки с использованием технологии АБИС ИРБИС и Интернет» нацелена на овладение компетенций использования технологий АБИС ИРБИС и Интернет при выполнении внутрибиблиотечных производственных процессов формирования тематических планов комплектования, оформления заказов на литературу, учета изданий фондов библиотеки. Изучение этой дисциплины завершается выполнением курсовой работы вводного модуля.

В модуле «Основной» запланировано изучение также пяти дисциплин.

Изучение дисциплины «Электронный каталог как интегрированный справочный аппарат библиотеки» основано на сравнении традиционного справочного аппарата библиотеки и электронного каталога, интегрирующего все возможности справочного аппарата благодаря свойствам автоматизированной информационной системы.

Дисциплина «Технологии каталогизации с использованием технологии АБИС ИРБИС и Интернет» является практико-ориентированной, она предполагает ряд практических занятий, нацеленных на овладение навыками каталогизации в АБИС ИРБИС.

Результатом изучения дисциплины «Библиографическая деятельность с использованием цифровых ИКТ» является разработка проекта на основе использования цифровых информационных ресурсов (электронного каталога, электронных библиотек, ресурсов интернет) и технологий создания электронных ресурсов.

Целью дисциплины «Организация работы библиотеки с электронными ресурсами» является приобретение компетенций по всему циклу работ библиотеки с электронными ресурсами. Предполагается изучение организации доступа к локальным базам данных, электронным библиотекам и удаленным базам данных; технологии регистрации созданных в библиотеке электронных документов, баз данных; правил каталогизации электронных документов; форм и методов обслуживания электронными ресурсами.

Завершает модуль изучение дисциплины «Создание, модернизация и поддержка веб-сайта библиотеки» и курсовая работа по этой дисциплине. Тема курсовой работы может быть и по дисциплинам «Библиографическая деятельность с использованием цифровых ИКТ», «Организация работы библиотеки с электронными ресурсами».

Дисциплины завершающего третьего модуля для библиотекарей муниципальных и школьных библиотек нацелены на формирование компетенций, связанных с использованием цифровых технологий в различных аспектах (контактных и опосредованных) работы с читателями.

Дисциплина «Информационные технологии презентационной и культурно-досуговой деятельности» завершается выполнением проекта (комплекты информационной продукции для книжной выставки, творческого вечера и т.п.).

В рамках курса «Справочно-библиографическое обслуживание по праву и социальным службам» слушателю предстоит освоить методику консультативной работы с читателями на основе цифровых технологий.

Дисциплина «Методика обучения читателей поиску и использованию информационных ресурсов на основе цифровых ИКТ» завершается разработкой проекта - плана проведения практического занятия с читателями по поиску в электронных каталогах (электронных библиотеках, поисковых системах Интернет).

Курсовой работой по дисциплине «Создание электронных ресурсов в библиотеке» завершается последний семестр обучения. Предметом этой курсовой работы является создание информационного продукта, полезного для работы с читателем: библиографического пособия, навигатора по проблемно-ориентированным или отраслевым ресурсам, базы данных, электронной копии издания, электронной публикации, например, в форме мультимедийного справочника.

Дисциплины третьего модуля для методистов ЦБС и директоров библиотек нацелены на формирование компетенций, связанных с использованием ИКТ в различных аспектах управленческой деятельности.

Цель освоения дисциплины «Цифровые технологии управленческой деятельности» – формирование представления о совокупности информационных систем и технологий, реализующих концепцию безбумажного делопроизводства и автоматизирующих рутинные операции и процессы создания управленческих отчетов.

Задачами дисциплины «Инновационная политика и IT-стратегия современной библиотеки» является формирование представления об информационном менеджменте, умения создавать проекты и бизнес-планы информатизации библиотеки или ЦБС.

Освоение дисциплины «Использование современных цифровых технологий в методической работе ЦБС» завершается проектом по созданию управленческого информационного продукта.

Дисциплина «Система повышения квалификации библиотекаря в области цифровых ИКТ» посвящена многоаспектному анализу опыта и проблем повышения квалификации библиотекаря в области цифровых ИКТ, в том числе организационных и финансовых.

Изучение модуля завершается написанием курсовой работы, целью которой является разработка управленческих решений по выстраиванию стратегии библиотеки по внедрению ИКТ в деятельность библиотеки или ЦБС.

Особенностью представленного проекта программы является его комплексность и модульность. Комплексность плана заключается в охвате всех видов деятельности библиотеки, взаимосвязи и взаимозависимости дисциплин плана, последовательности формирования компетенций в области цифровых ИКТ. Программа является инвариантной, она предполагает частично дифференцированную подготовку разных категорий библиотечных специалистов.

При реализации этой программы на практике обнаружился целый ряд проблем: кадровых, финансовых, организационных. При подборе преподавателей по профилю преподаваемых дисциплин выяснилось, что практикам требуется методическая подготовка и помощь, а преподавателям вузов требуется практико-ориентированное повышение квалификации, например стажировка. Выбрать либо дистанционную, либо контактную форму обучения также оказалось затруднительным. Рабочие программы дисциплин предполагают использование помещений, снабженных компьютерами и сетевым оборудованием с доступом к Интернет, лицензионного программного обеспечения. Специфика контингента обучаемых требует по отдельным дисциплинам контактной формы обучения, но возможно использование отдельных элементов дистанционного обучения.

Предлагаемый учебный план не реализован в полном объеме из-за проблем, часть из которых представлена выше.

Дисциплины и профили подготовки, не вошедшие в эту версию плана, но востребованные на местах, могут быть реализованы в рамках специализированных курсов или семинаров, например, для подготовки специалистов, в должностные обязанности которых входит дизайн презентационной продукции.

Таким образом, в предложенной версии образовательной программы сделана попытка реализовать принципы комплексности и дифференциации повышения квалификации библиотечных специалистов в области цифровых технологий.

Примечания

1. Концепция дополнительного профессионального библиотечного образования в Российской Федерации / разработчик: Т. Я. Кузнецова. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/concept2> (дата обращения: 21.09.2019).

2. Кузнецова Т.Я. Дополнительное профессиональное библиотечно-информационное образование: концептуально-методологические основы и механизмы формирования системы // Научные и технические библиотеки. 2018 №5. С. 24-35. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

3. Кучмурукова Е. А., Шаньгинова Г. А. Система непрерывного образования кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК // Культура: теория и практика. 2018. №3(24). С.15-18. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

References

1. Konceptsiya dopolnitel'nogo professional'nogo bibliotechnogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [The concept of additional professional library education in the Russian Federation] / comp. by Kuznetsova T. Ya. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/concept2> (21.09.2019) [In Russ.].

2. Kuznetsova T. Ya. Dopolnitel'noje professionalnoje bibliotечно-informacionnoje obrazovanije: konceptual'no-metodologičeskije osnovi i mekhanizmy formirovanija sistemy [Additional professional library and information education: conceptual and methodological foundations and mechanisms of system formation] // Nauchnyje i tekhnicheskije biblioteki [Scientific and technical libraries], 2018. № 5. Pp. 24–35. URL: <https://elibrary.ru/> (21.09.2019) [In Russ.].

3. Kuchmurukova Ye. A., Shanginova G.S. Sistema neprerivnogo bibliotечноgo obrazovanija kafedry bibliotечно-informacionnikh resursov FGBOU VO VSGIK [The system of continuous education of the library and information resources department of FSBEI HE ESSIC] // Kul'tura: teorija i praktika [Culture: theory and practice]. 2018. № 3(24). Pp. 15-18. URL: https://elibrary.ru (21.09.2019) [In Russ.].

*Кучмурукова Е.А., Ринчинова Ю.С., Шаньгинова Г.А., Фокичева И.А.
Kuchmurukova Ye.A., Rinchinova Yu.S., Shanginova G.A., Fokicheva I.A.*

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ВСГИК
PROJECT ACTIVITY OF THE LIBRARY AND INFORMATION
RESOURCES DEPARTMENT OF EAST SIBERIAN STATE
INSTITUTE OF CULTURE**

В статье раскрывается проектная деятельность кафедры библиотечно-информационных ресурсов ВСГИК. Особое внимание уделяется научным проектам, реализованным в 2000-е гг.

The article describes the project activities of the library and information resources department of East Siberian state Institute of culture (ESSIC). Special attention is paid to the scientific projects implemented in the 2000s.

Ключевые слова: кафедра библиотечно-информационных ресурсов, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК), проекты, конкурсы, научно-исследовательская работа.

Keywords: the department of library and information resources, East-Siberian state Institute of culture (ESSIC), projects, contests, research work.

Кафедра библиотечно-информационных ресурсов – одна из старейших в Восточно-Сибирском государственном институте (ВСГИК), ведет подготовку квалифицированных кадров для библиотек Восточной Сибири с 1960 г., с момента открытия вуза.

Кафедра воплотила в себе лучшие традиции московской и ленинградской научных школ, послужившие фундаментом для подготовки своих научных кадров на созданном Библиотечном факультете. Долгое время научной базой исследовательских изысканий преподавателей служил Кабинет библиотековедения и библиографии, в котором была аккумулирована специальная литература по библиотечному делу и книговедению, справочные издания и библиографические пособия, что давало возможность педагогам и студентам заниматься не только образовательной деятельностью, но и проводить собственные исследования, и тем самым формировать профессиональные компетенции.

Музей книжного дела имени Р.А. Модогоевой, выполняя функции научной лаборатории, являлся еще одним подразделением библиотечного факультета, способствующим развитию научного потенциала студентов. В его фонды входили коллекции редких книг и периодических изданий XIX – начала XX вв., которые использовались в учебном процессе, в ходе проведения производственных практик и для написания научных работ.

Среди основных направлений работы музея выделялись проведение крупных совместных мероприятий с республиканскими и городскими библиотеками, научных исследований в рамках комплексной темы кафедры, в т.ч. подготовка и написание статей, проведение экскурсий для студентов академии. Сегодня в процессе обучения наблюдается тесная преемственность с традициями подготовки кадров, заложенными ещё в XX веке.

Приоритетным направлением деятельности преподавателей кафедры кроме образовательного процесса и подготовки квалифицированных кадров для библиотек являлась и является в настоящее время научно-исследовательская работа. В рамках комплексных тем были успешно защищены кандидатские диссертации, осуществлялось издание статей, сборников статей и монографий. В 2000 году кафедра библиографии и книговедения стала победителем Всероссийского конкурса проектов проведения конференций, круглых столов, семинаров по проблемам культуры и культурного наследия Института «Открытое общество» (руководитель проекта Ажева Р.Б., к.п.н., доцент).

По итогам его реализации была проведена региональная научно-практическая конференция по проблемам книжной культуры Бурятии, которая подвела итог второго этапа комплексного исследования, проводимого специалистами кафедры с 1991 г. (первый был завершён в 1995 г.). Программа мероприятия включала изучение всех сторон книжной культуры Бурятии (издание, распространение, чтение, описание, хранение). Учеными, преподавателями и библиотекарями был обсужден широкий круг вопросов по истории книжного дела в Бурятии, современному состоянию издательского дела и полиграфической промышленности, библиотечному делу и библиографии, проблемам подготовки кадров для книжного дела. География участников конференции была представлена специалистами из гг. Новосибирска, Иркутска, Омска, Казани, Читы, Улан-Удэ. Особый интерес вызвали выступления гостей конференции, представителей новосибирской школы книговедов – д.и.н., заведующего лабораторией книговедения ГПНТБ СО РАН А.Л. Посадкова и д.и.н., профессора С.А. Пайчадзе, внесших существенный вклад в исследование вопросов становления и развития книжной культуры Сибири и Дальнего Востока в различные исторические периоды.

Результаты работы конференции были отражены в сборнике статей «Книжная культура Бурятии» в 2-х частях [3], включающем разделы «Книгоиздание», «История библиотек», «Библиотечное краеведение», «Библиотеки и современность», «Персоналия». Среди авторов статей – специалисты Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского, Центральной городской библиотеки им. И. Калашникова, Республиканской научно-медицинской библиотеки, Национальной библиотеки Республики Бурятия, Хужирской сельской библиотеки Тункинского района, Усть-Ордынской окружной библиотеки Иркутской области, сотрудники отдела памятников письмен-

ности Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, Бурятского книжного издательства, работники архива, преподаватели кафедр библиографии и книговедения, библиотековедения, восточных языков и лингвострановедения, экономического менеджмента социально-культурной сферы ВСГАКИ, педагоги Восточно-Сибирского государственного технологического университета.

Работа по изучению проблем книжной культуры региона была продолжена и в последующие годы. В 2008 году был выпущен сборник «Книжная культура Байкальского региона» [2], авторами которого выступили ученые из Монголии и России, представители из городов Улан-Батор, Москва, Самара, Санкт-Петербург, Якутск, Иркутск, Чита, Улан-Удэ.

Педагоги кафедры активно участвовали в различных проектах, реализованных совместно с библиотеками республики. К примеру, в 2004-2005 гг. преподаватели Р.Б. Ажеева, З.Д. Дамбинова, Г.К. Олзоева выступили в качестве исполнителей республиканского исследования по заказу Министерства культуры «Читающая Бурятия», в рамках которого были проанализированы изменения в сфере чтения населения Республики Бурятия, определены основные проблемы и тенденции для последующего совершенствования деятельности библиотек как информационных, образовательных и культурно-просветительных центров. По результатам исследования был издан сборник «Книга и чтение в пространстве культуры республики Бурятия» [1]. В 2008 году Е.Ю. Ажеевой по заказу Усть-Ордынской окружной библиотеки был составлен электронный справочник «М.Н. Хангалов, 1858-1918: Биография, труды, библиография» [9].

Изменившиеся общественные реалии потребовали преобразований в системе высшего образования. Смена федеральных образовательных стандартов, повлекших за собой переход на двухуровневую систему обучения, привели к введению новых квалификаций и профилей подготовки. Взамен подготовки классических «библиотекарей-библиографов» в рамках библиотечной профессии стали выпускаться «референты-аналитики информационных ресурсов», «менеджеры информационных ресурсов», «технологи автоматизированных информационных ресурсов». Впоследствии были введены - профили «Информационно-аналитическая деятельность», «Библиотечно-информационное обеспечение потребителей информации», что позволило расширить сферу трудоустройства выпускников. Эти новшества не сразу были приняты библиотечной общественностью Бурятии, горячо обсуждались на проводимых кафедрой круглых столах [7].

Однако время показало, что трансформация библиотечной профессии неизбежно меняет сферу высшего библиотечного образования, об этом говорили и практики библиотечного дела, и библиотековеды из разных регионов страны на организованной кафедрой в 2015 г. Всероссийской научно-практической конференции «Трансформация роли библиотеки в современном обществе». Конференция состоялась при поддержке Министерства культуры РФ, грант был выделен в рамках Федеральной

целевой программы «Культура России (2012-2018 гг.)», проект № 10К. Партнеры конференции – Национальная библиотека РБ, Республиканская Детско-юношеская библиотека РБ, Бурятский республиканский институт образовательной политики.

Признанные лидеры библиотечно-информационной сферы Бурятии провели мастер-классы и представили успешные региональные практики, вызвавшие неподдельный интерес у аудитории и послужившие толчком научных дискуссий и споров. Участники конференции – научные работники, преподаватели, библиотекари, книготорговцы сделали попытку найти ответ на вопрос: нужна ли книга современному обществу, какой должна быть библиотека, чтобы соответствовать требованиям информационного рынка. Цель конференции – консолидация научного и творческого потенциала специалистов муниципальных, публичных, школьных, специальных, вузовских библиотек региона; установление и укрепление профессиональных контактов в библиотечной сфере. Специальные гости конференции: доктор педагогических наук, профессор, проректор по науке Кемеровского государственного института культуры И.С. Пилко и заведующий отделом рекламной и издательской деятельности ГБУК Централизованной библиотечной системы г. Москва «ЗАО», член Гильдии маркетологов, член Национальной гильдии профессиональных консультантов И.А. Новиков. В работе конференции приняло участие более 350 человек, в том числе специалисты библиотечно-информационной сферы из гг. Улан-Батор (Монголия), Ровно (Украина), Москва, Краснодар, Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, Кемерово, Кызыл, Пермь, Красноярск, Томск, Иркутск, Улан-Удэ и др.

По итогам конференции издан сборник «Трансформация роли библиотеки в современном обществе» [8], материалы которого структурированы по разделам «Конкурентоспособность библиотечного специалиста в новых реалиях», «VIBLIO-молодежь: опыт, идеи, перспективы», «Книжная культура в электронную эпоху», «Электронное обслуживание в библиотеке: продвижение чтения», «Интерактивные технологии в библиотечном образовании».

В 2014-2016 гг. кафедра библиотечно-информационных ресурсов приняла участие в международном исследовании команды iSquare по изучению визуальных концепций информации во всем мире. Участник из России, к.п.н., доцент Г.К. Олзоева совместно с другими сотрудниками из Великобритании, Финляндии, Хорватии, Франции, Малайзии реализовала протокол iSquare для сбора чертежей информации из своих классов. В общей сложности команда far flung создала 541 "international iSquares" и провела визуальный контент-анализ для характеристики чертежей [5].

В 2016 году кафедра библиотечно-информационных ресурсов совместно с кафедрой иностранных языков и общей лингвистики выиграла I внутривузовский грантовый конкурс ВСГИК, что позволило провести Международную научно-практическую конференцию «Организация инклюзивного пространства: состояние и перспективы». Научное мероприя-

тие дало возможность обсудить важнейшие проблемы формирования и развития инклюзивного образования в России. Среди них вопросы правового регулирования обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в высших учебных заведениях, проблемы их психолого-педагогического сопровождения в процессе получения образования, особенности материально-технического оснащения учебных заведений, анализ накопленного организациями практического опыта при работе с детьми и подростками указанных категорий. В конференции приняли участие ученые и практики из таких стран, как Италия, Монголия, Узбекистан, Белоруссия, Россия. Делегаты из России представляли города: Вологда: Курск, Кемерово, Екатеринбург, Челябинск, Белгород, Петрозаводск, Новосибирск, Сыктывкар, Магнитогорск, Саранск, Омск, Улан-Удэ и др. [10]. Среди мероприятий конференции можно отметить – пленарное заседание, заседания секций и круглых столов по актуальным проблемам, мастер-классы.

По итогам работы конференции был выпущен сборник «Организация инклюзивного образовательного пространства: состояние и перспективы» [6], в котором были подведены ее результаты и обобщен практический опыт внедрения и развития инклюзивного образования в России и за ее пределами. Издание включало следующие разделы: «Создание инклюзивного пространства в образовательных организациях разного уровня», «Практика организации обучения лиц с особыми образовательными потребностями», «Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОВЗ», «Коррекционно-развивающее обучение инвалидов и лиц с ОВЗ», «Особенности профессионального самоопределения инвалидов и лиц с ОВЗ», «Международный опыт развития инклюзивного образования».

Учитывая важность создания безбарьерной среды в вузе, кафедра БИР в 2017 г. разработала проект по переоборудованию внутренних помещений здания Восточно-Сибирского государственного института культуры: учебных аудиторий и концертно-театрального комплекса «Феникс». Проект подготовлен для САФ – Фонда поддержки и развития филантропии, однако выигран не был. Коллектив кафедры намерен продолжать работу в данном направлении.

2018 год был ознаменован победой кафедры библиотечно-информационных ресурсов в IV Общероссийском конкурсе профилактических программ в сфере охраны психического здоровья детей и подростков "Здоровое поколение" (проект реализован при финансовой поддержке Союза охраны психического здоровья).

Проект кафедры «Самореализация молодёжи в публицистическом творчестве как основа психологической профилактики здоровья» (руководитель проекта: к.и.н., доцент Е.А. Кучмурукова, авторский коллектив: к.п.н., доцент Г.А. Шаньгинова, к.соц.н., доцент Ю.С. Ринчинова, зав. кафедрой БИР И.А. Фокичева) был признан в числе победителей номинации «Проза, драматургия, публицистика». Его реализация проходила с 1 мая по 15 декабря 2018 г. В качестве основной цели проекта было опреде-

лено поддержание и укрепление психического здоровья учащихся (школьников старших классов и студентов ВСГИК) через знакомство с произведениями современной литературы, подготовку публицистических материалов для конкурса и использование лучших образцов в профилактической работе вузов, школ и библиотек.

Ключевым событием реализации гранта стало проведение конкурса для старшеклассников, в котором приняли участие более 150 человек из Республики Бурятия. 28 лучших, по мнению членов жюри, конкурсных работ было отобрано для опубликования в сборнике публицистических материалов «На пороге взросления: размышления школьников о литературе, творчестве и жизни» [4], который был поделен на 2 раздела соответствующих номинациям конкурса: лучшие аналитические материалы, лучшие информационные материалы. Распределение работ внутри разделов – алфавитное.

Весь тираж издания передан в библиотеки средних общеобразовательных учреждений Республики Бурятия, высшие учебные заведения г. Улан-Удэ, общедоступные библиотеки и другие организации и сегодня активно используется во время учебных занятий, проводимых со студентами ФГБОУ ВО ВСГИК и учащимися средних образовательных школ Республики Бурятия. Высокая оценка сборника, данная учителями, свидетельствует о его практической значимости: возможности использовать публицистические материалы на классных часах, для проведения профилактических мероприятий.

Итогом реализации проекта выступило проведение серии мероприятий, ориентированных на учащихся средних общеобразовательных учреждений Республики Бурятия и студентов. Среди них, презентация книги «На пороге взросления», проведенные в учебных заведениях г. Улан-Удэ и в культурно-театральном центре ВСГИК, литературный перфоманс, конкурс сценариев, кураторские часы во ВСГИК и классные часы в школах, беседы в медицентре ресурсного центра «Созвездие» и другие.

О значимости данного проекта свидетельствует активизация интереса старшеклассников к чтению, понимание ими роли художественной литературы в жизни современного человека. Успешность конкурса публицистических материалов прослеживается и по результатам голосования участников в сети интернет – было получено свыше десяти тысяч голосов пользователей, по откликам участников конкурса и проведенных мероприятий.

В дальнейшие планы по развитию проектной деятельности кафедры входит расширение взаимодействия с зарубежными коллегами при реализации различных проектов. Кафедрой установлены научные и учебные связи с преподавателями кафедры библиотковедения Монгольского государственного университета культуры, были проведены курсы повышения квалификации, организовано участие педагогов обоих институтов в международных конференциях по различным проблемам, опубликова-

ны совместные статьи, что послужит основой для разработки совместного проекта с монгольскими коллегами, направленного на изучение современного состояния и перспектив развития библиотечного дела двух стран: России и Монголии.

Таким образом, проектная деятельность кафедры библиотечно-информационных ресурсов ВСГИК интенсивно развивается в рамках различных научных направлений, исследуемых профессорско-преподавательским составом. В перспективах преподавателями кафедры планируется расширить границы исследуемых объектов, направленных на изучение молодёжной среды современной библиотеки, поскольку проблема обновления кадрового состава библиотек стоит в настоящее время достаточно остро.

Примечания

1. Книга и чтение в пространстве культуры республики Бурятия: итоги социологического исследования. Улан-Удэ, 2009. 180 с.

2. Книжная культура Байкальского региона : сб. статей. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. 144 с.

3. Книжная культура Бурятии. В 2 ч. : материалы II регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000.

4. На пороге взросления: размышления школьников о литературе, о творчестве и жизни : материалы Конкурса публикационных работ «Самореализация молодёжи в публицистическом творчестве как основа психологической профилактики здоровья» среди учащихся средних общеобразовательных учреждений Республики Бурятия. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2018. 208 с.

5. Олзоева Г. К. Участие ВСГИК в международном исследовании «Визуальная информация во всем мире (визуальные методы исследования информации) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2016. №2 (11) С. 92-95.

6. Организация инклюзивного образовательного пространства: состояние и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., 13-15 июня 2017 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2017. 280 с.

7. Ринчинова Ю. С. Библиотекарь: от книг к цифровой повседневности // Библиопанорама. 2015. №1 (13). С. 44-47.

8. Трансформация роли библиотеки в современном обществе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 21-24 сент. 2015 г. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2015. 379 с.

9. Хангалов М. Н., 1858-1918. : биография, труды, библиография / Усть-Ордын. окр. б-ка им. М. Н. Хангалова ; рук. проекта Е. Ю. Ажеева. Улан-Удэ, 2008. 1 эл. опт. диск.

10. Шаньгинова Г. А. Рецензия на сборник «Организация инклюзивного образовательного пространства : состояние и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., 13-15 июня 2017 г., Республика Бу-

рятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2017. 280 с. // Вестник ВСГИК. 2018. № 1 (5). С. 167-170.

References

1. Книга и чтение в пространстве культуры республики Бурятия: итоги социологического исследования [Book and reading in the cultural space of the Republic of Buryatia: results of the sociological research] / Ministry of culture of the RB, National library of the RB, ESSIC. Ulan-Ude, 2009. 180 p. [In Russ.].

2. Knizhnaja kul'tura Baikalskogo regiona: sb. statej [The book culture of the Baikal region: the articles collection]. Ulan-Ude, 2008. 144 p. [In Russ.]

3. Knizhnaja kul'tura Burjatii [Book culture of Buryatia]. In 2 parts: materials of the II regional scientific-practical conference. Ulan-Ude, 2000. [In Russ.].

4. Na poroge vzroslenija: razmyshlenija shkol'nikov o literature, o tvorcestve i zhizni : materily Konkursa publikacionnykh rabot «Samorealizacija molodezhi v publicisticheskom tvorcestve kak osnova psihologiceskoj profilaktiki zdorovja» sredi uchashikhsja srednikh obsheobrazovatelnykh uchrezhdenij Respubliki Burjatija [At the maturity threshold: schoolchildren's thoughts about literature, creativity and life : materials of the Contest of the published works «Self-realization of the youth in the publicity creativity as the basis of psychological preventive health care / Ministry of culture of the Russian Federation, Union of the specialists in the field of mental health, East Siberian state Institute of culture : chief ed. Ye.Yu. Perova ; scient. ed. I.S. Tsyrempilova, Ye. A. Kuchmurukova. Ulan-Ude, 2018. 208 p. [In Russ.].

5. Olzoeva G.K. Uchastije VSGIK v mezhdunarodnom issledovanii «Visualnaja informacija vo vsem mire (vizualnyje metody issledovanija informacii [ESSIC participation in the international research «Visual information all over the world (visual methods of information research] / Vestnik VSGIK [ESSIC Bulletin]. 2016. №2 (11). Pp. 92-95 [In Russ.].

6. Organizacija inkljuzivnogo obrazovatel'nogo prostranstva: sostojanije i perspektivy: materialy mezhdunarod.nauch.-prakt. konf., 13-15 ijunja 2017 g., Resp. Burjatija, g. Ulan-Ude-oz. Bajkal [Organization of the inclusive educational space: condition and perspectives: materials of the intern. scient.-pract. conf., 13-15 June 2017, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city-Lake Baikal / chief editor Ye.Yu. Perova. Ulan-Ude, 2017. 280 p. [In Russ.].

7. Rinčinova Yu. S. Bibliotekar': ot knig k cifrovoj povsednevnosti [A librarian: from the books to everyday digital life] // Bibliopanorama [Library panorama]. 2015. №1 (13). Pp. 44-47 [In Russ.].

8. Transformacija roli bibliotek v sovremennom obshchestve: materialy Vseros. nauch.-prakt.konf., 21-24 sent. 2015 g. [Transformation of the

libraries role in modern society: materials of All-Russian scient.-pract. conf., 21-24 September 2015]. Ulan-Ude, 2015. 379 p. [In Russ.].

9. Khangalov M.N., 1858-1918 [URL]: biografija, trudy, bibliografija [1858-1918: biography, works, bibliography] / Ust'-Ordyn. okr. biblioteka im. M.N. Khangalova; ruk. projekta Ye.Yu. Azheeva [Ust-Orda regional library named after M.N. Khangalov; project head Ye.Yu. Azheeva. Ulan-Ude, 2008. 1 el. optic disk [In Russ.].

10. Shanginova G.A. Recenzija na sbornik «Organizacija inkljuzivnogo obrazovatel'nogo prostranstva: sostojanije i perspektivy: materialy mezhdunarod.nauch.-prakt. konf., 13-15 ijunja 2017 g., Resp. Burjatija, g. Ulan-Ude-oz. Baikal [The collection review «Organization of the inclusive educational space: condition and perspectives: materials of the intern. scient.-pract. conf., 13-15 June 2017, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city - Lake Baikal / chief editor Ye.Yu. Perova]. Ulan-Ude, 2017.280 p. // Vestnik VSGIK [ESSIC Bulletin]. 2018. №.1 (5). Pp. 167-170 [In Russ.].

Забанова Л.Е., Хобракова Л.М.
Zabanova L. Ye., Khobrakova L.M.

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ:
ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**FOREIGN LANGUAGES IN DESIGNING AND IMPLEMENTING
INTERNATIONAL EDUCATIONAL PROJECTS:
CHALLENGES AND PERSPECTIVES**

В статье представлен опыт кафедры иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирского государственного института культуры в реализации международных образовательных и научных проектов. Авторы выявляют трудности этого процесса, обосновывая необходимость формирования иноязычной коммуникативной компетенции у участников образовательного процесса для успешной реализации стратегии интернационализации высшей школы. Кроме того, определяются перспективы в расширении партнёрских связей с зарубежными учебными заведениями.

The article presents the experience in implementing international educational and scientific projects accumulated by the department of foreign languages and general linguistics of East Siberian state Institute of culture. The authors reveal some challenges justifying the necessity of forming foreign language communicative competence by the participants of the educational process for implementing strategy of higher learning institutions internationalization. Besides, some perspectives in expanding partners' connections with foreign universities are outlined.

Ключевые слова: интернационализация, высшее образование, высшее образовательное учреждение, иностранные языки, система уровней владения иностранным языком, иноязычная коммуникативная компетенция, международное сотрудничество, образовательный проект, научный проект, академическая мобильность.

Keywords: internationalization, higher education, higher educational institution, foreign languages, the Common European Framework of Reference (CEFR), foreign language communicative competency, international collaboration, educational project, scientific project, academic mobility.

Глобализация бросает вызов всем сферам деятельности человека, включая образование, таким образом, предопределяя необходимость расширения международного образовательного сотрудничества между вузами России и других стран. В настоящее время интернационализация (от англ. *internationalization*) высшего образования становится важной со-

ставляющей образовательной политики России, способствуя внедрению международных стандартов качества в процесс подготовки высококвалифицированных специалистов, повышению конкурентоспособности высших учебных заведений, увеличению академической мобильности, расширению сотрудничества и т.д.

Цель данной статьи – обобщить опыт реализации международных образовательных проектов в процессе интернационализации высшего образования на примере работы кафедры иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирского государственного института культуры (ВСГИК), выявить трудности и наметить некоторые перспективы развития.

В последние годы в образовательном пространстве Республики Бурятия наблюдается рост числа иностранных студентов, прежде всего из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а именно: Китая, Монголии, Южной Кореи и т.д., желающих получить диплом о высшем образовании в нашей стране. В то же время, все больше молодых россиян стремятся получить образование за рубежом. В этой связи следует отметить деятельность некоторых международных программ, инициированных организациями и фондами Европы и США, таких как ERASMUS, SOCRATES, TEMPUS, USAID, IREX, British Council, DAAD, EduFrance и др. Так, например, стипендиальные программы ДААД (*Deutscher Akademischer Austausch Dienst – Германской службы академических обменов*) для Российской Федерации направлены на увеличение числа талантливых иностранных студентов в учебных заведениях Германии. Как известно, деятельность ДААД поддерживается рядом федеральных министерств и Европейским Союзом (European Union). В настоящее время бюджет ДААД составляет порядка 500 млн. евро в год, причем процент россиян, получающих финансовую поддержку в виде грантов и стипендий для проведения научных изысканий, повышения квалификации, мастерства весьма значителен. Так, в 2015 г. 4015 соискателей из России стали обладателями таких стипендий [1], что свидетельствует о поступательном развитии германо-российских отношений в сфере высшего образования и науки.

По данным опроса 2015 г. Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), ежегодно более 50 тысяч молодых россиян уезжают получать образование в разных странах [2]. Интересной представляется грантовая программа «Глобальное образование», в рамках которой российское государство финансирует обучение своих соотечественников в ведущих зарубежных университетах [3]. Как показывает практика, важной составляющей конкурсного отбора в обоих случаях является языковая подготовка претендентов: в первом – знание русского языка как иностранного (РКИ), а во втором – коммуникативные навыки по иностранным языкам, прежде всего английскому. Совершенно очевидно, что вышеназванные цифры в национальном масштабе могли быть значительно выше, если бы знание иностранных языков россиян соответствовало

требованиям Европейской системы уровней владения иностранным языком (CEFR=the Common European Framework of Reference) [4]. Одним из главных критериев международных программ является соответствие знаний и умений обучаемых уровням B Independent User (Самодостаточное владение), B1 Threshold or Intermediate (Пороговый уровень), а по программам для аспирантов и ученых необходимы уровни B2 Vantage or Upper Intermediate (Пороговый продвинутый уровень) или C Proficient User (Свободное владение). Следовательно, одним из факторов успешной интернационализации российской вузовской системы является коммуникативная иноязычная компетенция участников образовательного процесса, необходимая для их профессионального и личностного роста. Ведь основной целью присоединения России к Болонскому соглашению и переход на двухступенчатую систему была интеграция выпускников российских вузов в международное профессиональное сообщество. Однако, как уже отмечалось выше, этому мешает недостаточный уровень иноязычной подготовки бакалавров и магистров. Министерство Просвещения Российской Федерации видит решение данной проблемы, в частности, во введении обязательного единого государственного экзамена (ЕГЭ) по иностранным языкам для выпускников средних общеобразовательных школ.

Что могут сделать неязыковые вузы для интенсификации международной образовательной деятельности? Очевидно, что основными направлениями работы являются: обучение иностранных студентов, реализация совместных образовательных, научных и творческих проектов, стажировки, включая гранты, академический обмен преподавателями и студентами, повышение квалификации за рубежом, приглашение иностранных педагогов, специалистов, реализация программ дополнительного профессионального образования, а именно курсов переподготовки и повышения квалификации и т.д. Следует отметить, что удаленность нашего региона от центра значительно сужает количество стран-участников обмена образовательными услугами. Тем не менее, региональные вузы активно сотрудничают с научно-образовательными учреждениями Монголии, Южной Кореи, Китая и других стран. С нашей точки зрения, результативность подписываемых соглашений напрямую зависит от языковой компетенции людей, отвечающих за их реализацию. Чаще всего, формальным посредником между ними становится педагог иностранного языка (в основном, английского), выполняющий функцию переводчика, хотя успех любого образовательного, научного, творческого проекта во многом обуславливается непосредственными контактами и общением самих партнеров. В этой связи хотелось бы привлечь внимание к опыту проведения международной конференции “Challenges in Teaching English: Global Perspectives and Local Realities” («Трудности в преподавании английского языка: глобальные перспективы и местные реалии»), организованной Монгольским университетом науки и технологий с участием преподавателей английского языка, исследователей, разработчиков образова-

тельных программ из Монголии, США, Южной Кореи и России. Поскольку все участники профессионального форума, включая руководство вуза, свободно владели английским, состоялся непосредственный насыщенный диалог по обсуждению актуальных проблем лингвистики, методики преподавания английского языка в неязыковых вузах.

Еще одним интересным опытом международной деятельности кафедры иностранных языков и общей лингвистики ВСГИК является проведение курсов повышения квалификации «Теория и практика преподавания английского языка» для коллег из родственного зарубежного вуза – Монгольского государственного университета культуры и искусств, в рамках которых состоялся обмен теоретическими и практическими знаниями, были проведены мастер-классы, круглые столы, экскурсионные программы. Монгольские коллеги отметили необходимость поддержания тесных контактов для обмена передовыми технологиями, приемами, методиками преподавания английского языка как иностранного.

Принимая во внимание всю актуальность интернационализации вузов, преподаватели иностранных языков ВСГИК организовали научно-практическую конференцию «Международная образовательная деятельность как фактор развития и сотрудничества высших учебных заведений в современном поликультурном мире» с целью обобщения опыта и выявления интересных и эффективных форм организации международной образовательной деятельности для последующей трансляции и внедрения в практическую деятельность вузов. Тематика конференции была освещена и проанализирована как с точки зрения глобальных и локальных стратегий и проектов в сфере международного образовательного сотрудничества, так и с различных дисциплинарных позиций, включая культурологию, методику преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного, особенности преподавания теоретических и практических дисциплин иностранным студентам. Конференция подтвердила необходимость общения руководителей структур, курирующих международную деятельность, представителей вузовской и академической науки, преподавателей РКИ, иностранных языков и других дисциплин. В своих докладах и выступлениях участники конференции отметили ценность обмена опытом в актуальной области интернационализации высшего образования в разных странах, необходимость осознания общемировых тенденций развития высшего образования в свете Болонского процесса и возможностей их реализации в практиках международного сотрудничества вузов. Вполне очевидно, что для интенсификации процесса интернационализации в нашем регионе необходимо разработать международные образовательные программы для разных уровней вузовской подготовки с целью повышения академической мобильности студентов и преподавателей, вхождения в международное образовательное пространство с инновационными педагогическими, научными и творческими разработками. Возникает необходимость распространять передовые образовательные технологии, адаптированные для работы с иностранными студентами, со-

вершенствования методики преподавания теоретических, лингвистических дисциплин профессионального цикла иностранным студентам, а также продолжить разработку, внедрение и продвижение совместных инновационных проектов в сфере культуры, образования и науки, расширять географию их участников для укрепления имиджа и авторитета вузов на международной арене. Участники конференции отметили плодотворную деятельность офиса английского языка при Посольстве США (г. Москва), Институтов Конфуция и Института им. Гете по продвижению английского, китайского и немецкого языков, соответственно, и оказанию методической помощи педагогам-практикам. На региональном уровне вполне реализуемыми представляются перспективы внедрения практики двойных дипломов на основе заключения договоров между высшими учебными заведениями (в частности, с МонГУКИ), а также расширение научного сотрудничества с зарубежными вузами (в частности, с Монгольским университетом науки и технологий, Монгольским университетом культуры и искусств) в виде членства в редколлегии журналов «Вопросы прикладной лингвистики» (МУНТ) и «Вестник ВСГИК», совместного научного руководства магистерскими и кандидатскими диссертациями, совместных публикаций.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что кафедрой иностранных языков и общей лингвистики ВСГИК накоплен богатый опыт международной деятельности в сфере образования, однако новые вызовы требуют от вузов и их структурных подразделений поиска новых путей и решений в расширении партнерских связей с зарубежными учебными заведениями, дальнейшего развития академической мобильности студентов и профессионального роста преподавательского состава. Преподаватели иностранных языков, работающие в вузах России, понимают свою роль в деле повышения конкурентоспособности российской высшей школы в глобальном масштабе и разработке инструментов реализации стратегии интернационализации, требующей качественного владения иностранными языками.

Примечания

1. Стипендиальные программы DAAD для Российской Федерации. М. : Германская служба акад. обменов, 2016. 24 с.

2. Отток молодежи за границу сократится в ближайшие три года. URL: <http://www.pnp.ru>politics> (дата обращения: 24.09.2019).

3. Государственная программа «Глобальное образование». URL: <http://educationglobal.ru> (дата обращения: 25.09.2019).

4. Федеральные государственные образовательные стандарты образования (бакалавриат). URL: <http://fgosvo.ru> (дата обращения: 25.09.2019).

References

1. Stipendialnyje programmy DAAD dlja Rossijskoj Federacii [DAAD Scholarship programs of academic exchanges]. M., 2016. 24 p. [In Russ.].

2. Ottok molodezhi za granicu sokratitsja v blizhaishie tri goda [Youth drain abroad is going to shorten in coming three years]. URL: <http://www.pnp.ru>politics> (24.09.2019) [In Russ.].

3. Gosudarstvennaja programma «Globalnoje obrazovanije» [State program «Global education»]. URL: <http://educationglobal.ru> (25.09.2019) [In Russ.].

4. Federalnyje gosudarstvennyje obrazovatelnyje standarty (bakalavriat) [Federal state educational standards (bachelor's course of studies)]. URL: <http://fgosvo.ru> (25.09.2019) [In Russ.].

Ринчинова А.В.

Rinchinova A.V.

**ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ
EXPRESSING EMOTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
PRACTICE OF TEACHING FOREIGN STUDENTS**

Статья рассматривает особенности изучения способов вербального выражения эмоций в методике преподавания русского языка как иностранного. Анализируется презентация данных способов в некоторых учебных пособиях, используемых на занятиях по РКИ. Описывается методика изучения способов выражения эмоций.

The article considers the features of studying the ways of verbal expression of emotions in the methodology of teaching Russian as a foreign language (RFL). The presentation of those methods in some RFL manuals used at classes is analyzed. The technique of studying the ways of expressing emotions is described.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), способы выражения эмоций, ролевая игра.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), ways of expressing emotions, role play.

Как известно, в русском языке вербализация определенных эмоций, чувств возможна посредством лексико-грамматических средств, с помощью различных междометий, синтаксических трансформаций, интонаций и т.п.

На начальном этапе обучения русскому языку иностранцы, как правило, озабочены усвоением грамматических конструкций, пополнением активной лексики и овладением интонационных особенностей русской речи. Безусловно, на данном этапе осознание эмоциональных нюансов речи может быть выражено только интонационно. Причем определенную трудность представляют вопросительные, восклицательные конструкции, к примеру, для слушателей подготовительных курсов из Китая, поскольку иная система интонирования родной речи.

Любопытно, что система коммуникативных заданий позволяет выработать интонацию вопроса, но не восклицания, что подтверждают национальные особенности коммуникации: сдержанность, беспристрастность, вежливость и т.п. Выражение чувств интонационно *восторга, радости, удивления* и тому подобных вызывает у китайцев на первом этапе вполне конкретное смущение, имеет практически непреодолимый барьер произнесения.

В связи с этим вполне согласуются требования государственного стандарта данного уровня, в которых отражены интенции: уметь задавать вопрос, выражать свое отношение, давать оценку чему-либо [3].

Обучение грамматике русского языка во ВСГИК на подготовительных курсах строится в основном по модели, предложенной в учебнике С. А. Хаврониной, А. И. Широченской. Структурно учебное издание не отражает аспект обучения – выражение эмоций: нет блока по типам интонационных конструкций, не уделено внимание диминутивам русского языка, что вполне оправданно прагматической установкой пособия. Материал книги ориентирован на усвоение грамматической структуры русского языка: падежная система, глагольные формы и т.д. [8].

Однако в содержательном отношении в данном пособии, начиная уже с первых дней обучения, слушатель должен уметь давать оценку чему-либо. Так, при изучении конструкций с вопросом *как?* даются упражнения на выработку умения отвечать *хорошо, очень хорошо, прекрасно – неплохо, плохо, очень плохо, интересно-неинтересно* и т.д. Кроме того, при изучении прилагательных имеются в корпусе издания небольшие тексты, содержащие описательные элементы.

Очевидно, что на элементарном уровне обучения говорение строится в основном вокруг мини-диалогов, базовой форме любой коммуникации. На занятиях по практике речи подобные коммуникативные упражнения позволяют сформировать у иностранцев умения выражать эмоции.

1. - *Привет, Джан Син!*

- *О, привет, как давно я тебя не видела! Очень рада!*

2. – *Здравствуй, ЛюИ!*

- *Здравствуйте... Я вас не знаю... Мы знакомились с вами?*

- *Конечно, вчера на концерте нас познакомил ваш преподаватель*

- *Ой, извините, я вас не узнала..*

Заметим, что невербальные средства выражения эмоций гораздо легче усваиваются иностранцами, по сравнению с вербальными. Всем известны исследования Р.Льюиса по классификации культур, в которых он относит китайцев к реактивному типу. По его определению человек этого типа очень тонко чувствует настроение других, способен к эмпатии, скромен, вежлив, но с другой стороны, достаточно активно использует мимику и жестикуляцию.

Методика преподавания языка предполагает использование на занятиях ролевых игр, которые активно вовлекают его участников в коммуникативный процесс. При этом диапазон способов выражения эмоций должен учитывать определенные параметры: 1) официальная или неофициальная сфера коммуникации; 2) отношения между коммуникантами; 3) социальная роль говорящих. Выражение эмоций при официальной ситуации общения дается легче коммуникантам, нежели дружеская неофициальная при игре социальной роли друга преподавателем. Достаточно трудно китайским студентам обратиться к преподавателю с выражением негодования, недоумения.

Безусловно, ролевые игры позволяют смоделировать различные ситуации общения, в которых студент может реализовать определенные способы выражения эмоций. К примеру, могут предлагаться следующие ситуации: 1. *«Вы забыли сделать домашнее задание, объясните преподавателю причину. Выразите свое раскаяние»*. 2. *«Вы только что узнали, что к вам едет мама. Сообщите эту новость своим друзьям»*. 3. *«Ваш друг потерял ваш новый телефон. Выразите своё возмущение»*

Для интонирования некоторых чувств предлагаются следующие задания: *«Я получила оценку «отлично» по истории музыки!»*; *«Это просто фантастика! Какой замечательный вчера я концерт посмотрела...»*; *«Боже мой, мой друг опять забыл мне перезвонить»*; *«Это уже не смешно! Какой день ты не можешь принести мой словарь»*; *«Какие деньги? Я разве занимала у тебя деньги?»*

Интересным представляется материал, содержащий овладение иностранными студентами эмоционально-экспрессивными единицами речи, которые выражаются диминутивами. В первую очередь, это уменьшительно-ласкательные суффиксы, встречающиеся на базовом уровне при использовании личных имён: *Лена – Леночка, Наташа – Наташенька, Зоя – Зочка* и т.п. Трудность представляет дифференциация значений этих же имён при образовании антропонимов уже с помощью суффикса –к: *Лена – Ленка, Наташа – Наташка, Зоя – Зойка*. Очевидно, что образование новых слов с суффиксом -к имеет значение уменьшительности по отношению к семе «количество» и «размерность»: *книга – книжка, тетрадь – тетрадка, комната – комнатка, кровать – кроватка* и т.д.

Иная семантика имен при одинаковом словообразовательном суффиксе вполне оправданно вызывает вопросы у обучающихся. Заметим, что подобное словообразование антропонимов – это практически эксклюзивное явление русского ономастикона, в других языковых антропонимических системах не получившее широкого распространения.

Подобные уменьшительно-ласкательные суффиксы придают именам оттенок неофициальности, доброжелательного отношения между собеседниками и т.п. Причем иностранные имена, в частности имена китайских студентов, обучающихся во ВСГИКе, достаточно легко ассимилируются при помощи подобных диминутивов: *Ятин – Ятинушка, Хун Ань – Хунанчик*, что еще раз подтверждает особенность русского антропонимикона. Изучение имен, безусловно, кроме приобретения речевых навыков, дает и страноведческий материал: знания об этикете, национальной картине мира в целом.

На продвинутом этапе обучения русскому языку в государственном образовательном стандарте определены конкретные интенции выражения эмоций, иными словами умения выражать вербально: удивление, восхищение, негодование, печаль, страх и т.д. [4].

Подобными вербальными средствами могут быть: эмоционально-экспрессивная лексика, междометия, художественно-образительные средства, фразеологические обороты и т.д. Исследованием языковых

средств выражения эмоций в научной, методической литературе занимались многие ученые (Пиатровская, 1994, 2005, 2007; Погосова, 2007; Никольская, 2007; Рябова, 2009, 2011; Апресян, 2011; Коврижкина 2015 и мн.др) [1 ; 5 ; 6 ; 7].

Безусловно, исследованный материал представлен во многих учебниках, учебно-методических пособиях, методических рекомендациях. Интересным нам представляется в свете обозначенной темы, учебное пособие по практической стилистике русского языка для иностранных учащихся, автором которого является Н.В.Баско «Общаемся на русском в разных ситуациях», 2018 г. [2]. Данное издание ориентировано на студентов продвинутого уровня и призвано помочь овладеть стилистическим многообразием русского языка. Структурно пособие состоит из отдельных тематических блоков, моделирующих коммуникацию в типичных обыденных и официальных ситуациях. Проекция на непринужденность общения вынуждает использовать и эмоционально окрашенные языковые единицы: грубые, иронические, неодобрительные, фамильярные, шуточные и т.п.

Полезны фразеологические обороты, которые с успехом можно использовать на занятиях. Так, к примеру, по теме «В магазине, на рынке» представлен широкий спектр фразеологических оборотов, которые весьма активны в речевом обороте: *цены кусаются, глаза разбегаются, гроша ломаного не стоит, в подмётки не годится, цены нет*. Моделирование, к примеру, ситуации «Покупка одежды. Две подруги в магазине выбирают платье. Составьте диалог с использованием фразеологизмов, при этом вам правильно выразить соответствующую эмоцию» позволяет не только закрепить речевой навык, но и придать ей нужную эмоциональную окраску.

Ещё большей экспрессивностью обладают междометия, они, как правило, достаточно информативны в плане выражения чувств. Междометий с положительной семантикой в русском языке гораздо меньше, нежели с отрицательной: «*Браво!*», «*Ура!*», «*Класс!*» Примеры языковых единиц с негативным оттенком: «*Ой, ой-ой-ой!*», «*Ай-ай-ай!*», «*Эх!*», «*Тьфу!*», «*Фууу!*», «*Брррр!*», «*Ну и ну!*», «*Ещё чего!*» и т.д.

Таким образом, для успешной коммуникации в иноязычной среде студенту-иностранцу необходимо овладеть способами выражения эмоций. Для реализации данных интенций полезны игровые ситуации, проектирующие различные аспекты жизни обучающихся.

Примечания

1. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа. Русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–52.

2. Баско Н. В. Общаемся на русском в разных ситуациях : учеб. пособие по практической стилистике русского языка для иностранных учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык. Курсы, 2018. 232 с.

3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н. П. Андриюшина [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб. : Златоуст, 2007. 32 с.

4. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т. А. Иванова [и др.]. СПб. : Златоуст, 1999. 40 с.

5. Коврижкина Д. Г. Роль эмоций в обучении иностранных студентов устной речи // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 13. С. 62 – 65.

6. Никольская И. Г. Описание, выражение и отражение эмоции сомнения в русском языке // XXXVI Международная филологическая конференция СПб., 2007. С. 173 – 178.

7. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб., 1994. 146 с.

8. Хавронина С. А., Широченская А. И. Русский язык в упражнениях : учеб. пособие. М. : Русский язык. Курсы, 2017. 384 с.

References

1. Apresyan V. YU. Opyt klasternogo analiza. Russkije i anglijskie emocional'nye koncepty [The experience of cluster analysis. Russian and English emotional concepts] // Voprosy yazykoznanija [Issues of linguistics]. 2011. № 1. Pp. 19–52 [In Russ.].

2. Basko N. V. Obshchaemsja na rusском v raznykh situacijakh : ucheb. posobie po prakticheskoj stilistike russkogo jazyka dlja inostrannykh uchashchiksja [Let's speak Russian in different situations: manual]. 2nd edition, rev. and suppl. M., 2018. 232 p. [In Russ.].

3. Gosudarstvennyj standart po rusскому jazyku kak inostrannomu. Pervyj uroven'. Obshchee vladeniye. Vtoroj variant [State standard in Russian as a foreign language. The first level. General proficiency. The second variant / N. P. Andryushina [and others]. 2nd ed, rev. and suppl. M., 2007. 32 p. [In Russ.].

4. Gosudarstvennyj standart po rusскому jazyku kak inostrannomu. Vtoroj uroven'. Obshchee vladeniye [State standard in Russian as a foreign language. The second level. General proficiency] / T. A. Ivanova [and others]. St.-P., 1999. 40 p. [In Russ.].

5. Kovrizhkina D. G. Rol' emocij v obuchenii inostrannykh studentov ustnoj rechi [The role of emotions in teaching oral speech to foreign students] // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [Scientific bulletin of Voronezh state university of architecture and construction]. 2014. № 13. Pp. 62.-65 [In Russ.].

6. Nikolskaja I. G. Opisanije, vyrazhenije i otrazhenije emocii somnenija v rusском jazyke [Description, expression and reflection of doubt emotion in Russian // XXXVI Mezhdunar. filol. konf. [XXXVI Intern. philological conference]. St.-P., 2007. Pp. 173-178 [In Russ.].

7. Piotrovskaya L. A. Emotivnyje vyskazyvanija kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) [Emotive expressions as the object of linguistic research (on the material of the Russian and Czeck languages)]. St.-P., 1994. 146 p. [In Russ.].

8. Havronina S. A., Shirochenskaya A. I. Russkij jazyk v uprazhnenijakh : ucheb. posobie [The Russian language in exercises: manual]. M., 2017. 384 p. [In Russ.].

Татарова С.П., Затеева Н.А.

Tatarova S. P., Zateeva N. A.

**ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**EXPERIENCE OF ORGANIZING PROFESSIONAL UPGRADING
COURSES OF CULTURAL WORKERS AS THE IMPLEMENTATION
OF INFORMAL EDUCATION PRINCIPLES**

В статье рассматривается инновационный опыт организации и проведения курсов повышения квалификации работников культуры – Школы работников культуры. Авторы рассматривают основные принципы, которых они придерживались при организации курсов, а также раскрывают механизмы их реализации.

The article considers the innovative experience of organizing and holding professional upgrading courses of cultural workers – the School of cultural workers. The authors consider the basic principles to which they adhered at organizing such courses and describe the mechanisms of their holding.

Ключевые слова: повышение квалификации, работники культуры, обучение, неформальное образование.

Keywords: professional upgrading, cultural workers, learning, informal education.

Стремительные изменения, происходящие во всех сферах жизни общества, обуславливают то обстоятельство, что полученный базовый уровень образования без регулярного самообразования и повышения квалификации становится лишь основой профессиональной деятельности. В связи с этим в современных динамически изменяющихся условиях повышение квалификации становится важным дополнением имеющихся профессиональных знаний и умений, встраивается в систему непрерывного образования на протяжении всей жизни, а также выступает важным социально-педагогическим феноменом в совершенствовании отдельного человека, являясь вектором личностного роста, развития способностей, склонностей, интересов работника. Для организации значимым является обучение специалиста, углубление и совершенствование имеющихся у него профессиональных знаний, чтобы получить работника, соответствующего современным требованиям на конкретной должности, готового к выполнению трудовых функций в соответствии с профессиональным стандартом.

Известно, что повышение квалификации, переподготовка специалиста значительно дешевле, чем обучение или поиск нового сотрудника. Получив дополнительный стимул после повышения квалификации, сотрудник редко покидает свое рабочее место, таким образом, снижается текучесть кадров, повышается мотивация, растет производительность и качество труда такого работника. Система повышения квалификации значительно стимулирует самореализацию специалиста, развитие его профессиональных компетенций, освоение активных инновационных технологий в работе с населением. Чередую текущую работу и процесс самосовершенствования, работники культуры повышают профессионализм, мастерство, квалификацию, становятся эффективными в профессиональной деятельности.

Творческий характер труда специалистов социально-культурной сферы, его многофункциональность, необходимость постоянно выдавать инновационный продукт, вносить радикальные изменения в содержание проводимых мероприятий, обуславливает особую важность систематического повышения квалификации работников культуры, обновления профессиональных знаний и умений, поиска современных методов и форм работы, креативных идей, освоения интересного опыта, адекватного новым условиям. В связи с этим большое значение приобретает качество труда работников сферы культуры, их творческая активность как непреложная константа для формирования потребительского спроса и устойчивого интереса к услугам учреждения. Кроме того, значимость обучения детерминируется постоянным ростом требований к уровню профессиональной подготовки работников творческого труда, увеличением взаимодействия с различными категориями населения, непрерывным развитием педагогических, технических, творческих технологий при создании нового продукта или услуги. Таким образом, работники культуры больше всего нуждаются в систематическом пополнении знаниями, идеями, свежими мыслями, инновационным опытом.

Обобщенная цель повышения квалификации работников культуры – восполнение пробелов в личностных и профессиональных компетенциях специалиста, обновление знаний и способов профессиональной деятельности, развитие мастерства и опыта, повышение мотивации работников к личностному и профессиональному росту.

Среди многообразия направлений, на которые могут быть ориентированы курсы повышения квалификации, можно выделить основные ключевые позиции:

- обновление теоретических знаний и практических навыков, требующихся в соответствии с занимаемой должностью;
- освоение новых знаний и навыков в рамках освоенной профессии;
- развитие личностно-мотивационной сферы;

- получение знаний по принятию решений в проблемных производственных ситуациях;
- разработка креативных подходов к внедрению новейших технологий.

Побудительными мотивами к повышению квалификации могут быть: желание повышения по служебной лестнице, занятие новой должности, заинтересованность в повышении заработной платы. В связи с введением профессионального стандарта причиной обучения, при отсутствии должного образования, все чаще становится стремление сохранить работу и занимаемую должность. Однако важной потребностью, детерминирующей повышение квалификации для работников культуры, становится желание расширить деловые контакты, овладеть или совершенствовать определенные навыки, отточить профессиональное мастерство, реализовать интерес к новым знаниям.

Одной из значимых проблем непрерывности обучения персонала учреждений социально-культурной сферы является применение различных видов образования: формального, неформального и информального. В рамках данной статьи хотелось бы подробнее рассмотреть одну из форм образования – неформальное обучение. «Неформальное образование – это образование, которое институционализировано, целенаправленно и спланировано лицом или организацией, обеспечивающей предоставление образовательных услуг. Определяющей характеристикой неформального образования является то, что оно является дополнением и/или альтернативой формальному образованию в обучении в течение всей жизни индивидуума» [1].

Примером такого неформального образования стала Школа работников культуры «Весенний призыв». Она была организована и проведена по инициативе педагогов кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК [2]. Местом проведения Школы была выбрана загородная база отдыха «Снежинка», находящаяся в сосновом бору в черте города Улан-Удэ. В связи с тем, что благоустройство базы находится на уровне хостела, Школе было дано название «Весенний призыв». Тема призыва на военные сборы поддерживалась в атрибутике команд, раздаточном материале, проведении ряда мероприятий на открытом воздухе. Работники культуры, съехавшиеся на обучение, оценили шутку организаторов, с задором, активно включились в работу Школы с первых минут пребывания.

Важной составляющей успеха Школы стал дух соревнования, здорового соперничества. Чтобы поддерживать его на протяжении всего времени курсов, организаторы предлагали сформированным командам участников различные испытания, в итоге суммируя их достижения и определив лидера.

Один из принципов организации повышения квалификации, который мы взяли на вооружение – лучший результат дает активное обучение

в незнакомых ситуациях. Для реализации данного принципа нами были подготовлены различные командные задания, в которых все участники должны были принимать участие, нередко в новом для себя амплуа. Дабы не подвести своих коллег (за посещение и участие во всех мероприятиях команда получала баллы в виде звезд), каждый член коллектива стремился быть дисциплинированным, ответственным, творчески подходил к порученному командой делу.

Основной формой неформального обучения является организация групповой деятельности курсантов по освоению алгоритма разработки и реализации программ по организации деятельности досугового учреждения, по проектированию инновационных форм работы с населением. В ходе такой совместной деятельности работники культуры могли увидеть собственный потенциал, сумели сравнить свои профессиональные возможности, творчество с уровнем и успехами своих коллег из других учреждений. Таким образом, в ходе такого коллективного взаимодействия происходило осмысление собственной профессиональной деятельности, а также освоение новых технологий по работе с населением.

Памятуя о том, что работник культуры должен иметь не только высокий уровень общекультурных знаний, но и обладать конкретным мастерством, нами были подготовлены и проведены мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству. Были использованы такие технологии, которые бы способствовали как творческому развитию самих работников культуры, так и могли бы быть использованы ими в практике работы с различными категориями населения. Кроме того, применение освоенных технологий может с успехом применяться в декорировании помещений учреждений, использоваться в оформлении мероприятий.

Организуя такую Школу, мы учитывали, что наши участники должны получить новые знания, но все же основную ставку мы делали на то, чтобы создать условия для творческого взаимодействия, обмена идеями и опытом работы. Хороший эффект дает обучение в неоднородных по составу группах. В связи с этим нами было взято во внимание то, что в составе участников школы будут как опытные специалисты, так и новички в профессии; как имеющие высшее образование по профилю деятельности, так и лица, только начинающие получать профессиональное образование; работающие и в хорошо оснащенных культурно-досуговых центрах, и в учреждениях культуры со слабой материально-технической базой. Чтобы участники школы сумели наладить профессиональные контакты, оказаться в новой для себя ситуации, мы поделили всех участников школы на три команды. У своих коллег, оказавшихся в одной команде, так и у соперников можно найти множество очевидных и неочевидных преимуществ, которые могут быть полезны вашей организации. Изучение опыта специалистов из других районов позволяет обнаружить возможности, которые следует учитывать в своей профессиональной деятельности, в достижении конкурентных преимуществ своей организации.

Просвещение аудитории, возможность у населения получения информации через сеть Интернет, телевидение, другие каналы, провоцируют состояние пресыщенности. Это создает определенные трудности для специалиста сферы культуры, которому нужно постоянно держать интерес населения, требуется удивлять, чтобы вновь привлекать на свои мероприятия. Подобная ситуация слишком сложна, чтобы всегда быть в тонусе, в одиночку находить оригинальные решения. Практика показывает, что новые приемы, идеи, творческие задумки чаще всего появляются как результат тщательного анализа опыта многих учреждений, их успехов и творческих находок. Сравнительный анализ рождает новые продуктивные стратегии, позволяет использовать опыт других как отправную точку для своих собственных подходов, позволяет ускорить свой профессиональный прогресс.

Значимым условием эффективной работы учреждений культуры, на наш взгляд, является участие в курсах повышения квалификации представителей администрации, руководителей вышестоящих органов культуры, а потому в работе школы приняли участие представители управления культуры районов. Благодаря этому управленческий аппарат отрасли полнее понимает сложность творческого труда, осознает профессионализм своих сотрудников, понимает, чего недостает специалистам его района для полноценной и качественной работы. Именно после такого совместного обучения руководитель осознает необходимость обучения, стремится мотивировать сотрудников на учебу, поощряет их за это, выделяет для этого средства и время, находит возможности для более широкого охвата повышением квалификации своих сотрудников.

Таким образом, нам важно было учесть разноплановый состав участников, разнообразить методику работы на курсах, с чем организаторы однозначно справились.

Важным условием успеха функционирования курсов повышения квалификации является обязательное проведение практических занятий. Выстраивая программу Школы, мы сочли важным использовать различные формы и методы обучения: мастер-классы, тренинги, показательные выступления и программы, творческие задания и т.д. Эффективным инструментом обучения является знакомство с деятельностью других учреждений. А потому желательно в программу включать показательные социально-культурные мероприятия, чтобы участники курсов позже могли повторить подобный опыт в стенах своего учреждения. С этой целью нами были привлечены к проведению Школы уже работающие специалисты сферы с показательными мероприятиями. Кроме того, поскольку важно насыщение программы повышения квалификации актуальной тематикой, нами использовались и инновационные формы, подготовленные студентами под руководством педагогов, с использованием современных информационных технологий, которые не имеют пока широкого распространения в учреждениях культуры.

Таким образом, очевидно, что в работе Школы мы сделали акцент на активные формы обучения и интерактивные виды занятий.

Еще один важный принцип, который мы учли при проведении школы работников культуры – освоение новых знаний и умений происходит значительно эффективнее в том случае, когда человек непосредственно сам участвует в решении той или иной проблемы.

Таким образом, мы рассмотрели ряд принципов, взятых нами за основу построения Школы работников культуры. Опора на них позволила нам сформировать особый метод обучения – обучение посредством деятельности. Благодаря совместной деятельности участники курсов учатся более продуктивно, в том числе друг у друга, коллективно работая над проблемой, применяя свой опыт. В ходе такого взаимодействия преодолевается проблема трансформации знаний в навыки.

В завершении программы курсов нами был проведен круглый стол по обмену мнениями участников, сделан анализ работы, получены предложения от участников Школы. Несмотря на то, что участники Школы обладали практическими и теоретическими знаниями выполнения работ и могли критически относиться к заданиям, подаваемому материалу, тем не менее, кроме положительных отзывов и предложения продолжить работу школы, сделать ее традиционной, других пожеланий не поступало. Как отмечали участники школы, подобные курсы повышения квалификации не только позволили узнать новые формы и технологии, но и встретиться с единомышленниками: с людьми, искренне преданными своему делу, с безграничной любовью к своей профессии.

Общество предъявляет достаточно высокие требования к специалистам культуры. Чтобы услуги были качественными и востребованными, работник культуры должен быть более образованным, креативным, обладать широким кругом общенаучных знаний, обладать информацией о теории и истории культуры, искусства, иметь знания в различных сферах общественной жизни, иметь высокий общекультурный уровень.

Когда специалист регулярно повышает свою квалификацию, он сам и организация, в которой он работает, имеют ряд преимуществ: профессиональная востребованность специалиста, его конкурентоспособность значительно повышаются в связи с тем, что он владеет многочисленными навыками, новыми разработками, что позиционирует его как грамотного сотрудника. В связи с этим он становится мобильным, способным применять современные методы, технологии и формы работы, ему легко адаптироваться в условиях меняющегося характера работы, что значительно снижает стресс во время работы. Высокая результативность труда мотивирует специалиста на еще более качественное выполнение обязанностей, он получает удовольствие от работы, у него расширяются возможности карьерного роста, значительно повышается его самооценка. Организация в связи с этим получает мобильный, высококлассный персонал, способный повысить качество и производительность труда, успешно внедрять новые направления и формы работы, что позволяет учреждению

стать более конкурентоспособным на рынке оказываемых услуг. Совокупность усилий руководства по обучению и повышению квалификации сотрудников, собственная работа сотрудников в этом направлении, мощная система информационного поиска новаций и нововведений – все это работает на идею постоянного повышения и совершенствования корпоративного знания. Таким образом, непрерывное образование и переподготовка кадров должны стать неотъемлемым атрибутом и задачей каждого социокультурного учреждения и государственных органов управления этой сферой.

Примечания

1. Кисляков А. В., Щербаков А. В. Неформальное повышение квалификации педагогических работников посредством проектирования инновационных продуктов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2014. Вып. 1 (18). С. 83.

2. Первая Республиканская школа работников культуры «Весенний призыв – 2019» состоялась накануне Дня работника культуры. URL: <http://vsgaki.ru/news/detail-4558>. (дата обращения: 01.04.2019).

References

1. Kislyakov A.V., Scherbakov A.V. Neformal'noje povyshenije kvalifikacii pedagogicheskikh rabotnikov posredstvom projektirovaniya innovacionnykh produktov [Informal upgrading of teachers by means of projecting innovative products] // Nauchnoje obespechenije sistemy povyshenija kadrov [Scientific provision of the personnel upgrading system]. 2014. Issue 1 (18). P. 83. [In Russ.].

2. Pervaja Respublikanskaja shkola rabotnikov kultury «Vesennij prizyv-2019» sostojalas' nakanune Dnja rabotnika kultury [The first Republican school of the cultural workers «Spring call - 2019» was held on the eve of a cultural worker Day]. URL: <http://vsgaki.ru/news/detail-4558>. (01.04.2019) [In Russ.].

Умурова Л.Х.

Umurova L.Kh.,

**МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА КУЛЬТУРЫ
КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ
КАДРОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ**

**METHODICAL WORK OF A TEACHER OF HIGHER LEARNING
INSTITUTION OF CULTURE AS THE PREREQUISITE OF
ENHANCING THE QUALITY OF THE PERSONNEL TRAINING IN
SOCIO-CULTURAL SPHERE**

В статье рассматриваются основные составляющие индивидуального плана работы преподавателя Восточно-Сибирского государственного института культуры (ВСГИК), а также направления методической работы, представленные в плане учебно-методической и организационно-методической работы, которая, на взгляд автора, при определённых условиях способна обеспечить повышение качества образовательного процесса.

The article considers the main components of the individual work plan of a teacher of East-Siberian state institute of culture as well as the directions of methodical work presented in its educational-methodical and organizational-methodical sections that can enhance the educational process quality, from the author's point of view.

Ключевые слова: качество образовательного процесса, методическая работа преподавателя вуза культуры, учебно-методическая работа, организационно-методическая работа.

Keywords: quality of educational process, methodical work of a teacher of higher learning institution of culture, educational-methodical work, organizational-methodical work.

Проблеме качества подготовки кадров в последнее десятилетие посвящены многочисленные исследования, осуществлённые отечественными учёными различных отраслей научного знания: экономистами, психологами, педагогами и, кроме того, известными специалистами-практиками.

«Система требований к качеству образования формулируется на уровне национальной системы качества образования и регламентируется требованиями Государственных образовательных стандартов, а также требованиями по лицензированию, аттестации и аккредитации образовательных учреждений. Формальное представление требований национальной системы качества образования выражается в виде показателей государственной аккредитации» [1].

Главные образовательные ориентиры этих стандартов – компетенции выпускников вузов. Соответственно требования к их качественной подготовке измеряются способностями применять знания, умения и личностные качества для успешной профессиональной деятельности в определенной области культуры и искусства [2]. В нашем случае в области социально-культурной деятельности учреждений социально-культурной сферы.

В.Д. Пономарёв обращает внимание на «...актуальность разработки критериев, с помощью которых государство, общество и личность могли бы оценивать качество высшего профессионального образования отрасли культуры» [2, с. 180].

Известно, что в 2011 году в системе высшего образования России произошли перемены, приведшие к утрате его «профессионального» компонента, а также к массовой подготовке бакалавров в вузах культуры, и в исключительном формате, по ограниченному количеству программ специалитета. Качество образования, как отмечается во многих нормативных документах, это его соответствие потребностям и интересам личности, общества и государства.

Деятельность современного образовательного учреждения высшего образования, осуществляемая в условиях трёхуровневого формата, актуализирует потребность научно-методологического и методического сопровождения проектируемых и реализуемых образовательных программ, сохраняя их преемственность и ясное понимание конечных результатов каждого образовательного цикла [4].

Заметим, что результаты анализа многочисленных материалов исследований и публикаций, отражающие проблемы методической работы преподавателя вуза в системе современного высшего образования свидетельствуют о достаточно высоком уровне актуальности рассматриваемой в рамках настоящей статьи проблемы. Ряд исследователей (Головкова О. И., Пономарёв В.Д., Соловова Н.В., Терехов П.П. и др.), учитывая современные условия деятельности преподавателя вуза, отмечает непреходящее значение преподавательского труда и ведущей роли его в обеспечении учебного процесса в вузе, а также в повышении качества образования.

Так, Головкова О. И. рассматривает методическую работу в вузе как планируемую деятельность не только преподавателей, но и сотрудников вуза, которая направлена на освоение и «совершенствование существующих, а также разработку и внедрение новых принципов, форм и методов эффективной организации учебного процесса» [1].

Соловова Н.В. отмечает, что «... отдельной проблемой для вузов является недостаточно высокий уровень методической культуры преподавателя. Традиционно преподаватели вузов уделяли большее внимание повышению квалификации в предметной области, а обучению теории и методике преподавания в высшей школе времени уделялось меньше. Многие преподаватели вузов не имеют педагогической подготовки. Дополни-

тельно на указанные проблемы накладывается падение престижа вузовской педагогической деятельности» [3].

Содержание методической работы преподавателя вуза обусловлено его должностными обязанностями, где предписывается перечень обязанностей, ответственности и прав преподавателя. Значительная часть перечня имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, а именно его методической работе.

Традиционно, согласно планируемой заведующим кафедрой индивидуальной нагрузке преподавателя, фиксирующейся в индивидуальном плане работы на очередной учебный год, она представлена восемью разделами. Это учебная работа, *учебно-методическая работа*, научно-исследовательская работа, творческо-исполнительская деятельность, *организационно-методическая деятельность*, воспитательная работа со студентами, повышение квалификации, изменения, добавленные к индивидуальному плану, преподаватель самостоятельно, за исключением первого раздела, планирует формы и виды работ по каждому из разделов.

Как видно из структуры индивидуального плана работы преподавателя, из восьми разделов два непосредственно касаются *методической работы преподавателя* и содержат рекомендуемые к исполнению виды работ по разделу. Например, в разделе *II. Учебно-методическая работа* рекомендуется – разработка, составление учебных планов направлений подготовки; разработка рабочих и аннотируемых программ; разработка ФОС; подготовка к учебным занятиям; подготовка методических рекомендаций всех видов, рецензирование учебных пособий и пр. В *разделе V. Организационно-методическая работа* в качестве видов работы рекомендуется участие в профориентации молодёжи, в заседании кафедр, советов института, работа по заданию ректората, деканатов, методическая помощь ССУзам и др.

Казалось бы, достаточно прозрачное планирование методической работы преподавателя, и контроль исполнения в часах, печатных листах и сроках исполнения в течение учебного года, отчётных документах гарантированно может подтверждать качество выполненной работы. Что в принципе и практикуется в большинстве вузов в контексте внутренней оценки качества образовательного процесса.

Однако положение дел в процессе выполнения плана методической работы преподавателя вуза уже на этом этапе сталкивается с серьёзными затруднениями. Ежегодное обновление рабочей программы дисциплины, учебно-методического комплекса дисциплины, фонда оценочных средств, контрольно-измерительных материалов в часовом измерении занимает времени больше, чем это предусмотрено локальным нормативным документом. В результате преподаватель не успевает своевременно и качественно подготовить методическое сопровождение дисциплины. Это лишь один из примеров, свидетельствующий, по мнению исследователей, о проблемах педагогической и методической состоятельности педагога.

И в этой ситуации нет ничего удивительного, скорее это закономерность, обоснованная многолетним игнорированием методической работы педагога вуза, низким её статусом и престижностью. А более того, если исходить из результатов анализа такого показателя каждого вуза, как характеристика кадрового состава или справка о соответствии преподавателя занимаемой должности и читаемым дисциплинам, то обнаружится, что называется «картина маслом». Около 90% из числа преподавателей вузов не имеют образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» или «Педагогика высшего образования» и это проблема, которая требует решения.

Примечания

1. Головкова О. И. Формирование системы менеджмента качества образовательной организации // ЭКОНОМИНФО. 2009. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-menedzhmenta-kachestva-obrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения: 25.03.2018).

2. Пономарёв В. Д., Шунков А. В. Социально-культурная деятельность: государственная культурная политика и качество профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. №37-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya-deyatelnost-gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-i-kachestvo-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 23.05.2018).

3. Соловова Н. В. Система методической работы в вузе: повышение методической культуры преподавателя // Вестник СамГУ. 2007. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-metodicheskoy-raboty-v-vuze-povyshenie-metodicheskoy-kultury-prepodavatela> (дата обращения: 25.06.2019).

4. Терехов П. П. Обеспечение качества профессионального социокультурного образования // Вестник КазГУКИ. 2015. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-kachestva-professionalnogo-sotsiokulturnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 10.05.2018).

References

1. Golovkina O.I. Formirovanije sistemy menedzhmenta kachestva obrazovatel'noj organizacii [Forming the system of quality management of educational organization] // ECONOMINFO [ECONOMINFO]. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-menedzhmenta-kachestva-obrazovatelnoy-organizatsii> (25.03.2018) [In Russ.].

2. Ponomaryev V.D., Shunkov A.V. Social'no-kulturnaja dejatel'nost': gosudarstavennaja kulturnaja politika i kachestvo professional'nogo obrazovaniya [Socio-cultural activity: state cultural policy and professional education quality] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]. 2016. №37-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnaya>

deyatelnost-gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-i-kachestvo-professionalnogo-obrazovaniya (23.05.2018) [In Russ.].

3. Solovova N.B. Sistema metodicheskoy raboty v vuze: povysheniye metodicheskoy kul'tury prepodavatelja [Higher learning institution system of methodical work: raising the teacher's methodical culture // Vestnik SamGU [Bulletin of SamGU]. 2007. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-metodicheskoy-raboty-v-vuze-povyshenie-metodicheskoy-kultury-prepodavatelya> (25.06.2019) [In Russ.].

4. Terekhov P.P. Obespecheniye kachestva professional'nogo sociokul'turnogo obrazovaniya [Providing the quality of professional socio-cultural education] // Vestnik KazGUKI [Bulletin of KazSUCA]. 2015. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-kachestva-professionalnogo-sotsiokulturnogo-obrazovaniya> (10.05.2018) [In Russ.].

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-3-11-139-144

УДК 82-313.2(571.54)

Серебрякова З.А.

Serebraykova Z.A.

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ В. МИТЫПОВА «ДОЛИНА БЕССМЕРТНИКОВ»

PERSONALITY AND HISTORY IN THE NOVEL OF V. MITYPOV «THE VALLEY OF IMMORTELLLES»

Статья посвящена проблеме связи личности и истории в романе бурятского писателя В. Митыпова «Долина бессмертников», написанного на русском языке. Роман пронизан чувством истории. Автор не только анализирует разные типы личностей, но и дает целостную оценку феномена человека и его места в истории. Древний и современный пласты романа объединяет личность главного героя-писателя.

The article is devoted to the problem of personality and history connection in the novel of the Buryat writer V. Mitypov «The valley of immortelles» written in Russian. The feeling of history penetrates the novel. The author analyzes not only various types of personalities but evaluates the phenomenon of a human being and his/her place in the history. The ancient and modern times presented in the novel unite the personality of the main character-writer.

Ключевые слова: личность, история, роман, писатель, герой, древний, современный.

Keywords: personality, history, novel, author, character, ancient, modern.

По своей сущности жанр романа отличается глубиной анализа реальности, сочетанием чувственной конкретности и детализации с масштабностью охвата материала и философской обобщенностью, целостностью создаваемого образа мира и другими специфическими для него качествами, благодаря которым в своих высших проявлениях он достигает концептуального осмысления исторического процесса и места человека в нем.

Особенностями бурятского исторического романа являются более широкие по сравнению с национальным романом о современности пространственные параметры изображаемого, внимание к самым значимым событиям народной жизни, образное подтверждение концепции о решающей роли народа в истории, обращение к судьбам как исторических личностей, так и вымышленных героев-представителей разных слоев обще-

ства. События в жизни персонажей показаны в связи с ходом истории, через отражение бытия личности писатели решают свои творческие сверхзадачи и воплощают важные идеи.

Большинство этих черт присущи и роману В. Митьпова «Долина бессмертников» (1975), где экскурсы в III-II века до н.э. не только доминируют над современным пластом повествования, но и превосходят его по художественной убедительности.

Благодаря удачному повороту фабулы, позволившему поместить персонажа в соответствующую ситуацию – главный герой поэт Олег Аюшев, прочтя накануне ряд исторических трудов, оказывается в составе археологической экспедиции на раскопе поселения хуннов, что позволяет автору воссоздать давнюю реальность, погрузив в нее сознание поэта, который начинает писать о ней свою повесть, попутно осмысливая современность и пытаясь найти ответы на вечные, актуальные всегда вопросы.

Концепция личности в романе далеко выходит за пределы соцреалистической схемы, в которой та была неотделимым винтиком коллективного механизма. Писатель не только анализирует разные типы личностей в различном контексте, но и дает целостную оценку феномена человека и его места в истории.

В процессе работы над повестью Олег глубже постигает такие основополагающие для его героев ценности, как мирная жизнь, человек, народ, духи предков, понимает их непреходящее значение, становится зрелой личностью и настоящим, глубоким писателем.

Среди личностей, показанных крупным планом, выделяется глава хуннов шаньюй Тумань. В отличие от большинства властителей державы он ценит мир и все, что дорого обычным людям: семью, благополучие, возможность жить и трудиться на благо своих близких, стремится сохранить свой народ от истребления. Олег понимает, что такая фигура противоречит стереотипам степных завоевателей той далекой эпохи и неуместна среди них: «Конечно же, правителя, который отвергает бранную славу и походную добычу ради спокойной жизни и мирных радостей, беспощадные нравы того времени почти наверняка обрекали на гибель; свои же князья должны были его уничтожить» [4, с. 64].

С образом Туманя связан один из лейтмотивов романа: человек – главная ценность. Дорожа жизнями соплеменников, он уводит их на чужбину. Обдумывая трагизм этой личности, ее разлад с эпохой, Олег понимает, что миролюбие и гуманность возвышают шаньюя над нравами его времени, что тому выпало родиться раньше созвучных ему времен.

Призывает жалеть людей и другой представитель хуннской знати князь Бальгур.

Вместе с тем автор повести далек от идеализации своих персонажей, осознавая обусловленность их поведения и менталитета временем: «Беспорно, и Гийюй, и Бальгур, и другие – жестоки, как жестоко само их время, но по-своему они и благородны, разумны, по-своему же и добры» [4, с. 66].

Устами археолога Хомутова высказывается важная для философского осмысления лейтмотива произведения идея, неразрывно связывающая личность с родом, народом, историей: «Иногда я задумываюсь, что вот-де князь такой-то древнего рода. Позвольте, а у обычного крестьянина предок что – только позавчера расстался с хвостом? Нет, Олег, все мы – древнего рода, за каждым из нас выстраивается длинейший ряд предков, уходящий в глубину сотен тысяч лет. Полезно это сознавать. Это учит дорожить жизнью – своей и чужой, рождает чувство ответственности за дела свои, а главное – за еще более бесконечную вереницу потомков, которая от каждого из нас протягивается в тысячелетия будущего» [4, с. 94-95].

Истинность того, что человек – главная ценность, подтверждает в конце романа его главный герой, ценой своей жизни спасая ребенка.

В романе выражена идея о том, что личности с благородными побуждениями были всегда, и, несмотря на то, что чаще всего они были неспособны существенно повлиять на развитие событий, именно такие люди приближали наступление иных времен и нравов.

В отличие от них другой шаньюй молодой Модэ считает людей лишь средством достижения целей. Он идет на отцеубийство, устраняет всех, кто ему не угоден, и даже его высокие слова о родной земле не оправдывают этой цепи преступлений.

В раздумьях Бальгура о Модэ, способном отвоевать земли, даже положив ради этого всех воинов до последнего, выражается и позиция автора повести: «Но ведь на ней, на земле предков, надо еще и жить кому-то, надо, чтобы и над его могилой, когда придет время, кто-то мог совершить необходимые жертвоприношения. Иначе зачем нужна земля, хотя бы и родная?..» [4, с. 126].

Здесь имеет место новый ракурс в привычной для бурятского романа теме родной земли как безусловной ценности: писатель не подвергает это сомнению, но утверждает первостепенность человека, обитающего на ней.

В какой-то мере понять истоки жестокости Модэ помогают два эпизода его детства и отрочества: нападение волка, унесшего его любимого питомца, и гибель матери, предположительно отравленной недругами. Как и во множестве подобных ситуаций, будущий угнетатель сначала испытал долю жертвы. Подросток чувствовал враждебность мачехи, свое одиночество и сиротство при родном отце, подпавшем под влияние второй жены. Глядя на звезды, он думает: «Старики говорят, это – костры предков, горящие в далеких, никому не доступных кочевьях. Тогда один из этих крохотных мерцающих огоньков – конечно же – костер его матери. Она сидит у огня, как сиживала когда-то, живя здесь, на земле, и – кто знает? – быть может, поджидает его, своего единственного сына. Ждать ей остается уже мало. В тот самый миг, когда, падая, прошелестит над его головой меч палача, он окажется на небесном коне и помчится к юрте матери, сядет с ней у огня и, глядя сверху на землю, расскажет ей о преда-

тельстве отца, о страшном Сотэ, который, видимо, и отравил ее, о маленьком толстобрюхом сыне Мидаг, которому всегда доставалось все самое лучшее, о добром Бальгуре и заложничестве у юэчжей...» [4, с. 89-90].

Оценку Олегом личности Модэ Митыпов передает и через его нежелание вникать в подробности смерти жертв молодого шаньюя да еще и других делать свидетелями этого, и через его ощущение в момент завершения описания им эпизода гибели Туманя: «Олег чувствовал себя так, будто беды, разразившиеся две тысячи лет назад, не обошли и его, что одна из стрел, пущенных в шаньюя Туманя, долетела-таки сюда из глубины веков» [4, с. 152].

Тем самым автор включает личность современного писателя в цепь давних исторических событий. Параллельно с этим он живет в современной ему реальности, что особенно ярко чувствует по контрасту тихой и размеренной работы археологов в удалении от цивилизации со стремительностью жизни и многолюдьем хоть и небольшого, но города Кяхты и ежедневными газетными новостями: «До чего же ты многолика, родная планета Земля! Олег провел дрожащей рукой по взмокнутому лбу. Могучий и тревожный пульс большого мира отзывался в нем, как в стетоскопе шум кровеносных сосудов, биенье сердца, и острота, объемность этого ощущения была неожиданной, странной, новой для него» [4, с. 154].

По сравнению с бурятским историческим романом, который в целом выражает «онтологическую уверенность» «человека традиционного общества» [3, с. 60], а советское общество и советский человек в их литературной интерпретации, тем более главный герой романа как образец для прочих, отличалось абсолютной ясностью перспектив, незыблемостью официальных авторитетов и провозглашенных ими истин и уверенностью подавляющего большинства в правильности всех действий руководства страны, и сам роман В. Митыпова, и образ Олега Аюшева решительно не вписываются в круг большинства национальных романов и их типичных главных действующих лиц.

Хотя Аюшев – современный характер, именно он связывает различные временные пласты романа и открывает неведомые прежде для национальной литературы возможности.

История появляется уже в первой главе романа, когда Олег по настоянию однокашника Афтэкова приходит в сектор археологии, знакомится с артефактами и начинает читать научные труды, и, благодаря работам Н.Я. Бичурина, в его воображении возникают живые образы державы Хунну и ее соседей, он видит и ощущает «бескрайние равнины, каменистые ветреные нагорья древней Азии... призрачные, как мираж, табуны диких лошадей,... сигнальные огни на вершинах лысых холмов... силуэты диковинных всадников... и над всем этим – полынная горечь вечности...» [4, с. 36].

Так история не только внезапно включается в сюжет романа, но и занимает полноправное место среди его центральных персонажей, что обусловлено энциклопедичностью знаний автора, эрудицией и уровнем интеллекта Олега. Кстати говоря, подстрочные ссылки на такие факты и события, как в «Долине бессмертников», редко можно встретить в других бурятских романах. Все это делает В. Митыпова «зачинателем в разработке философско-интеллектуальной проблематики в жанрах прозы» Бурятии: «До него писателей особого типа, стремящихся соединить чувственное восприятие мира и интеллектуально-научный взгляд на него, в бурятской прозе еще не было» [2, с. 153-154].

Одним из центральных персонажей романа делает историю и талант писателя, сумевшего создать яркие, убедительные, наполненные глубокими смыслами и чувствами образы древней исторической реальности, тем самым подтвердив слова своего главного героя о том, что «в основе исторических событий лежит человеческий элемент, чувства...» [4, с. 95] и о том, что главное и для науки, и, добавим, для последующих поколений – «душа и мысли ушедшего народа» [4, с. 129].

Благодаря В. Митыпову историческое время бурятского этноса чрезвычайно далеко протянулось в ретроспективе. По справедливому мнению В.В. Башкеевой, писателем «воссоздается протобурятское прошлое, о котором читатели даже и не знали, о котором даже и не считалось нужным говорить, ведь историческая память в силу общественных установок замыкалась в крайнем случае серединой XIX века» [1, с. 26].

«Долина бессмертников» беспрецедентно расширила и пространство бурятского романа, до этого лишь изредка сопровождавшего своих героев по ту сторону Уральских гор, до Западной Европы.

Пространство этого романа – уже не только степь во всем богатстве значений и глубине этого символа, но и иные ландшафты и широты. Примером такого расширения пространства является короткое авторское отступление в повести Олега о хуннских лошадях: «Низкорослые, страшно выносливые, с грубыми, словно из гранита вытесанными головами, кони эти были порождением суровой природы необъятных степей Срединной Азии; из многих великих и малых рек будут утолять жажду их крепконогие потомки; неся на себе воинственных всадников, доскачут когда-нибудь и до середины Европы – до кровавых Каталунских полей...» [4, с. 122].

Именно через историю, благодаря ей, происходит профессиональное и неотделимое от него духовное становление и совершенствование современного интеллигента, представителя творческой профессии. В свою очередь, личность писателя объединяет древний и современный пласты романа.

Таким образом, погружение в древнюю историю дает главному герою романа возможность глубоко постичь ее смысл, проанализировать сущность личности, богатство ее проявлений и на исторической сцене, и в современной реальности, проанализировать историю в роли полноправ-

ного персонажа романного повествования, решить многие важные не только для себя и собственного творчества вопросы, но и предложить свои подходы к решению ключевых для любого времени вопросов.

Примечания

1. Башкеева В. В. Владимир Митыпов : лит. биография. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 68 с.

2. Имихелова С. С. Поэзия национального бытия : О литературе и театре Бурятии : рецензии и статьи 1980-2010 гг. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 234 с.

3. Имихелова С. С., Юрченко О. О. Художественный мир Александра Вампилова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 106 с.

4. Митыпов В. Г. Долина бессмертников. М. : Современник, 1975. 236 с.

References

1. Bashkeeva V.V. Vladimir Mitypov : lit. biografija [Vladimir Mitypov : lit. biography]. Ulan-Ude, 2017. 68 p. [In Russ.].

2. Imikhelova S.S. Poezija nacional'nogo bitija : O literature i teatre Burjatii : recenzii i stat'i 1980-2010 gg. [Poetry of the national being : About literature and theatre of Buryatia : reviews and articles of 1980-2010]. Ulan-Ude, 2010. 234 p. [In Russ.].

3. Imikhelova S.S., Yurchenko O.O. Khudozhestvennyj mir Aleksandra Vampilova [The artistic world of Alexander Vampilov]. Ulan-Ude, 2001. 106 p. [In Russ.].

4. Mitypov V. G. Dolina bessmertnikov [The valley of immortelles]. M., 1975. 236 p. [In Russ.].

Батырева С.Г.

Batyreva S. G.

**МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОЗДАНИИ НАУЧНОЙ БАЗЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВА**
**MUSEUM COLLECTION IN CREATING THE SCIENTIFIC BASIS
OF ART RESEARCH**

Информация составляет суть музейного дела, в основе которого лежит научно-исследовательская деятельность. Сведения об экспонатах, собираемые в процессе комплектования фонда и создания каталога музейного собрания, состоящего из коллекций, служат информативной базой исследования. Систематизация обширной информации в процессе создания иллюстрированного каталога коллекции – необходимый этап в исследовании культурного наследия, хранимого в Музее традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

Information is the essence of the museum activities based on research. The data about the exhibits collected during the process of fund compiling and creating the museum catalogue which consists of the collections serve as an informative basis for the research. Systematization of extensive information in the process of creating an illustrated collection catalogue is a necessary stage in the study of the cultural heritage kept in the Museum of traditional culture named after Zaya-pandita KalmSC RAS.

Ключевые слова: история, культурное наследие, Калмыкия, искусство, музей, коллекция, каталог, научная база, исследование.

Keywords: history, cultural heritage, Kalmykia, art, museum, collection, collection, catalogue, scientific basis, research.

Многоаспектную деятельность музея предваряет комплектование и изучение собрания. Оно должно базироваться на техническом оснащении взаимосвязанных форм музейной работы, одной из которых является составление каталога собрания. Для этого необходим систематизированный учет культурного наследия, собираемого, хранимого и изучаемого в процессе комплектования фондов. Основой музейной деятельности является создание информационной базы данных в фондовой учетно-хранительской деятельности музея.

Решение данной проблемы отвечает направлению государственной политики, обозначенной как «Сохранение объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Программным условием ее реализации являются «Обеспечение сохранности музейного фонда и развитие музеев» и «Издание полных научных каталогов собраний музеев» [1]. Документы Министерства культуры Российской Федерации предполага-

ют создание единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ.

Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН хранит и преподносит в просветительной сфере многопрофильную и во многом уникальную информацию о культурном наследии народа. Информация составляет суть музейного дела, в основе которого лежит научно-исследовательская деятельность, объединяющая сферы комплектования, учета и хранения фондов, с одной стороны, с другой – коммуникативную, связанную с экспозиционно-выставочной деятельностью. Исходными в работе музея является не только сохраняемый фонд, но и сведения об экспонатах, собираемые в процессе комплектования фонда и создания каталога музейного собрания, состоящего из коллекций. Каталогной базой данных об экспонатах служит информация, фиксируемая в картотеке музея, включающей: наименование, размеры, материал, техника и время изготовления, сведения об авторе, сохранность и другие параметры музейного описания. Систематизация обширной информации в процессе создания электронного каталога, включающая в себя учет и хранение, составляет суть научно-фондовой работы как основы других форм деятельности музея. Важнейшей из них является создание научного каталога музейного фонда.

Актуальность каталогизации музейных коллекций определена возрастающим интересом к наследию в условиях глобализации культуры и интеграции мирового сообщества. В усиливающемся процессе исчезновения художественного наследия малых этносов приходит понимание необходимости его сохранения и изучения. Многонациональная российская культура не может быть полноценно изучена вне ее локальных явлений. Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты хранит произведения декоративно-прикладного и буддийского изобразительного искусства Калмыкии, представляющие самобытную часть художественного наследия народов России.

Собрание, состоящее из коллекций, предполагает применение компьютерных технологий в фондовой деятельности. Систематизированная электронная база данных, доступная пользователю, в определенной степени решает проблему открытых фондов музея с целью общего ознакомления (для широкого посетителя) и изучения (для исследователей) без опасности для их сохранности. Музей соединяет в себе взаимосвязанные функции – фиксирующую в подробном описании учетно-хранительскую (охранную, или охранительную) как необходимую основу научного исследования, и собственно коммуникативно-просветительную, то есть транслирующую функции. На первый взгляд, взаимоисключающие формы деятельности, но в наличии каталога как информационной системы, созданной с использованием централизованной базы данных о музейном собрании КалмНЦ РАН, – органично объединяемые в его содержании. Таким образом, взаимосвязанные фондовая учетно-хранительская, науч-

но-исследовательская и экспозиционно-выставочная сферы деятельности составляют суть музейного дела, его многофункциональной структуры.

Создание информационной базы музея предполагает использование технологий сбора, учета и хранения, описания и изучения фондов в процессе фиксации научных сведений. Без этого невозможно формирование культурной среды, сложной и многоуровневой системы коммуникации, создаваемой многофункциональной деятельностью музея. Оно требует комплексного решения проблемы, отвечающей приоритетам государственной политики в области культуры и предусматривающей решение следующих задач. Это комплектование фондов музея (выявление, сбор и закуп предметов музейной значимости), учет и создание информационной базы фондов, направленные на их сохранение в процессе использования в культурно-просветительской деятельности музея. Тесно связана с последней исследовательская и научно-издательская деятельность в целях популяризации культурного наследия, осуществляемые в рамках направления «сохранение культурного наследия».

В реализации деятельности, обеспечивающей сохранность музейного фонда и дальнейшую перспективу развития музея КалмНЦ РАН, необходим комплексный подход. Изучение культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации, материального и нематериального наследия отечественной культуры, востребовано в качестве ресурса духовного развития общества. В достижении этих целей необходимо укрепление материально-технической базы музея, планомерное пополнение фондов и работа по внедрению информационно-коммуникационных технологий. Созданная информационная база данных о музейном фонде КИГИ РАН периодически пополняется по мере комплектования. В процессе реализации находится проект информатизации культурно-образовательного поля деятельности КалмНЦ РАН, доступного в Интернет-сети. Компьютерная модернизация многофункциональной деятельности музея имени Зая-пандиты, научного подразделения центра неизмеримо расширяет аудиторию пользователей информационной базы данных музея.

База данных предназначена для хранения, исследования и правового использования информации об экспонатах, поступивших в собрание Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая – пандиты и вошедших в его основной и научно-вспомогательный фонды. Согласно разработанной научной концепции комплектования в целях сохранения, исследования и введения в научный оборот культурного наследия Калмыкии собрания и систематизируются в научном каталоге предметы традиционного быта и буддийского культа (живопись и скульптура). В базе данных о культурном наследии калмыцкого этноса и монгольских народов Центральной Азии фиксируются комплекс технических данных и текстовое описание экспоната, его визуальное отображение в виде фотографии, что дает полное представление о составе музейного собрания, истории его возникновения и комплектования. В комплексе данных сосредоточена информация о каждом экспонате согласно музейной классификации (инвен-

тарный номер, номер книги поступлений, размеры, техника, монтировка, степень физической сохранности, место хранения и т.д.). Все это дает возможность провести научную атрибуцию экспоната с возможной степенью точности установления датировки и места изготовления.

Компьютеризация как создание условий для оперативной работы с информационными носителями базы данных об экспонатах коллекции обеспечивает доступ к материалу музейного собрания исследователям и широкому кругу интересующихся калмыцкой традиционной культурой. Важнейшей частью ее являются произведения изобразительного искусства, собранные и описанные в информационных картах реферативно-библиографических сведений о буддийской коллекции Калмыцкого научного центра Российской академии наук. В проведении атрибуции указанная база данных являет собой результат интеллектуальной деятельности в системе государственного учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (РОСРИД).

Адаптация музея к изменяющимся внутренним и внешним условиям развития сферы культуры России отвечает комплексному решению задач реализации государственной политики в области культуры. Обеспечение доступа к ценностям отечественной культуры содействует поддержанию ее высокого престижа за рубежом и расширению международного культурного сотрудничества. Приобщение общества к самобытному культурному наследию народов Российской Федерации, отвечающей социальной политике государства, ведет к созданию позитивного полиэтничного культурного образа России в мировом сообществе, расширению ее межэтнических и межгосударственных связей.

Реализуемое в этом русле создание каталога буддийской коллекции собрания музея предусматривает сохранение и обеспечение равной доступности культурных благ всем слоям населения, развитие культурного потенциала каждой личности в приобщении к художественному наследию. Показателем социально-экономической эффективности данного исследования явится увеличение доли объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, информация о которых будет внесена в электронную базу данных единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации согласно Федеральной целевой программе "Культура России (2012 – 2018 годы)". В этом плане трудно переоценить региональную значимость каталогизации музейного собрания. Доступность культурного наследия обществу повысит качество разнообразия услуг, предоставляемых музеем в сфере культуры и образования. Подготовленный и изданный научный каталог коллекций основного фонда музея явится планируемым результатом эффективной работы музея, значимого этнокультурного, образовательного и просветительского центра в республике.

В процессе создания каталога музейных коллекций запланированы и разработаны следующие этапы реализации проекта: учет, хранение, комплектование и каталогизация фондового материала, обобщенные в научном каталоге музея, а впоследствии – в создании оригинал-макета его издания. Предпечатная подготовка издания каталога буддийской коллекции, представляющего научно-исследовательскую деятельность музея, состоит из: создания текста издания (Word), набора текстового материала, его редактирования. Структура научного каталога содержит иллюстративный ряд экспонатов, составляющих музейное собрание. Профессиональное фотографирование экспонатов и предпечатная обработка фотоматериала дополняется созданием аннотированного текста, содержащего принятую в каталожном издании совокупность данных, характеризующих экспонат (материал, техника и время создания, авторство и место создания, размеры, сохранность и т.д.).

Верстка подготовленного издания, состоящего из обложки, титульного разворота и текстового материала, предполагает проведение графических и художественных работ в программе «фотошоп» с последующей корректурой и подготовкой к сдаче издания в типографскую печать. Процесс технического и художественного оформления издания базируется на компьютерном оснащении деятельности по созданию каталога музейного собрания, а затем оригинал-макета его издания как конечного результата учетно-хранительской и научно-исследовательской деятельности музея.

Подготовительный этап этой важной работы всегда связан с разработкой данных каталожного описания экспонатов, направленной на создание информационной базы основного фонда. Это реализуется в составлении фондовой картотеки, сопровождающей процедуру учета предметов в работе по комплектованию фондов музея, начиная с его основания. Выявление, сбор, закуп и оформление в фонд предметов музейной значимости производятся в русле планомерного пополнения музейного собрания. Регистрация экспонатов в расширенной программе компьютерного оснащения комплектования музейного фонда обеспечивает необходимые учет, обработку и хранение фондовой информации, направленные на изучение культурного наследия [2].

Таким образом, процесс каталогизации фондового материала как специфическая деятельность музея весьма сложен, объемля практически все формы деятельности: учетно-хранительскую, научно-исследовательскую, экспозиционно-выставочную, культурно-просветительную и издательскую. Их органичное сопряжение в музейном деле реализуется в процессе информатизации музея. Создание научного каталога коллекции составляет задачу государственной значимости, решение которой ставится во главу модернизации отечественных музеев, хранилищ культурного наследия народов Российской Федерации.

Богатейшие собрания изобразительного искусства монгольских народов России и Центральной Азии представлены в музеях Санкт-Пе-

тербурга: Государственном Эрмитаже, Государственном музее истории религии, Российском этнографическом музее, Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), а также в Москве – Государственном музее Востока. Эрмитажное собрание отличается многочисленностью и многообразием представленных иконописных и скульптурных школ Тибета, Монголии и Бурятии. В частности, оно составлено экспонатами коллекции путешественника П.Козлова и материалов Хара-Хотинской экспедиции П.Козлова 1908–1909 гг., коллекции князя Э.Ухтомского. На основании последней были написаны А.Грюнведем «Мифология буддизма в Тибете и Монголии», а также «Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Ухтомского» [8], до последнего времени бывший единственным каталогом этой коллекции изобразительного искусства буддизма. В настоящее время изданы каталоги выставки Государственного Эрмитажа [16] и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) [19], посвященный исследованию коллекции № 5942 в прекрасном полиграфическом исполнении.

Задолго до их появления предметом исследования Л.Гумилёва и Б.Кузнецова становятся произведения старобурятского искусства из Музея антропологии и этнографии имени П.Великого [9 ; 10]. Ими рассмотрена иконографическая традиция северного буддизма как выражение истории художественного наследия этноса.

Проблема каталогизации коллекций буддийского искусства актуальна не только в отечественном музееведении. В области исследования иконографии северного буддизма заслуженное признание получили фундаментальные работы А.Гетти и Ю.Рериха [28; 32], обобщающие материал зарубежных коллекций. Исследование собрания Американского музея Естественной истории в Нью-Йорке положено в основу пособия по иконографии ламаизма А.Гордон [29]. Обширный трёхтомный труд Д.Туччи [30] представляет иллюстрированный справочник-руководство для специалистов по тибетской иконографии. обстоятельный обзор коллекции тибетского искусства Национального музея этнологии в Лейдене (Голландия) сделан в исследовании П. Потта [31]. Материалом для систематизации в трудах служат, в основном, произведения искусства Тибета из частных и государственных коллекций Европы и Соединённых Штатов Америки.

В музееведении практическую ценность представляют многолетние изыскания А.Терентьева в области систематизации пантеона, оформленные в трудах Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург). Это исследования «К вопросу о каталогизации ламаистских коллекций в музеях СССР» и «Опыт унификации музейного описания буддийских изображений [22; 23], построенные на анализе и обобщении богатейшей музейной коллекции произведений культового искусства Бурятии, Монголии и Тибета с привлечением зарубежного иконографического материала. Таковы источники методологического основания в изучении музейных коллекций буддизма.

Рассматривая проблему музейного изучения наследия Калмыкии, отметим, что исторически это связано со становлением национальной автономии республики в 20-годы XX столетия. В этом русле осуществляется музейное строительство в советский период. Первые попытки изучения художественного наследия калмыков были предприняты Н.Н.Пальмовым, рассмотревшим исторические влияния на сложение традиционной культуры [17]. Изучение вопроса было связано с созданием краеведческого музея в г. Астрахани, определившим этнокультурное направление исследований истории калмыцкого народа. В пионерской практике музееведческого изучения национальной культуры был создан каталог экспонатов, объединивший предметы традиционного быта и религиозного культа калмыков. Важно отметить: изобразительное искусство не выделялось самостоятельным явлением культурного наследия, требовавшим специального изучения. Такой недифференцированный подход был характерен для отечественной традиции этнографического изучения народов России XIX – начала XX вв., отвечая в целом социально-экономическим и политическим потребностям государства.

В дальнейшем происходит формирование и развитие многонациональной советской культуры. В русле изучения художественного наследия появляются исследования декоративно-прикладного искусства Н.В. Кочешкова [14; 15] по этнографии и искусству монгольских народов, искусствоведа И.И. Трошина [27], Д.В.Сычева, автора и художника альбома «Хальмг улсин эрдм» [20; 21], искусствоведа И.Г.Ковалева [13], архитектора Д.Б.Пюрвеева [18].

В осмыслении художественного опыта народа были выделены два пласта калмыцкого искусства: народного декоративно-прикладного, тесно связанного с кочевым укладом хозяйства, и буддийского изобразительного искусства. Отметим, искусство буддизма в советский период находилось под негласным запретом, поскольку религии в идеологической сфере социализма не было места.

С ростом этнического самосознания народов страны Советов, осмысление значимости своего культурного наследия происходит в обращении к духовной сфере бытия, истории. Наблюдается растущий интерес к традиционной культуре, выражающий назревшие потребности общества. Впервые открывается выставка изобразительного искусства буддизма, качественно расширяющая сферу культурно-просветительской деятельности Калмыцкой государственной картинной галереи. В исторической экспозиции 1980–1981 гг. впервые были собраны и представлены живопись и скульптура, атрибуты буддийского культа из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея имени Н.Н.Пальмова, Калмыцкой государственной картинной галереи, а также частных коллекций.

В обзоре коллекции произведений искусства важно исходить из феномена музейного предмета нести отображение традиционной культуры, что предполагает обращение к категориям пространства и времени [25; 24; 26], выражаемым в символике образа [11; 12]. Проецируемое ми-

ровидение обусловлено окружающей средой и историческим опытом адаптации к ней этноса. В преемственности традиций выражается способность культуры воспринимать инновации в парадигме развития.

Первым опытом исследования художественных коллекций буддизма в республике необходимо рассматривать издание музейного каталога выставки «Искусство Калмыкии XVIII – XX вв.» [3]. Систематизированный материал – обращение к сфере каталогизации музейных фондов Калмыкии. Культурное наследие из фондов российских музеев (Санкт-Петербург, Элиста и города юга России), становится предметом изучения в монографии «Старокалмыцкое искусство» [4].

В работе автора был привлечен иконографический материал, не являвшийся ранее предметом искусствоведческого анализа, представленный большей частью из фондов краеведческого музея, впоследствии соединенных с собранием Калмыцкой государственной картинной галереи в созданном Национальном музее Республики Калмыкия имени Н.Н.Пальмова. Сферой изучения явились также произведения коллекций Ставропольского государственного объединённого краеведческого музея имени Г.К.Праве, Новочеркасского музея истории донского казачества, Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). В историко-культурной реконструкции художественного наследия калмыков материал, собранный и исследованный автором, был опубликован в монографии «Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции» (грант РГНФ 04-04-16003д) [5]. В 2011 году выходит в свет монография «Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции» [6], объединившая народное декоративно-прикладное и буддийское изобразительное искусство Калмыкии. Рассматриваемое в издании «Буддийская коллекция музейного собрания КалмНЦ РАН: изучение и составление каталога (2014–2016)» [7] представляет культурное наследие в органичной целостности художественного опыта и исторического бытия народа.

Примечания

1. О федеральной целевой программе "Культура России (2012 – 2018 годы) : постановление Правительства от 03 марта 2012 года N 186 // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70149760/>.

2. Батырева С. Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музеи Российской Академии наук. М., 2004. С.165–172.

3. Батырева С. Г. Искусство Калмыкии XVIII – XX вв. : каталог / Калмыцкая гос. картинная галерея. Элиста : Кавказская здравница, 1984. 32 с.: ил.

4. Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство : альбом. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1991. 127 с.: ил.

5. Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М. : Наука, 2005. 141 с.: ил.
6. Батырева С. Г. Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX – нач. XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 428 с.
7. Батырева С. Г. Буддийская коллекция музейного собрания КалмНЦ РАН: изучение и составление каталога (2014–2016). Элиста : КалмНЦ РАН. 2016. 160 с.
8. Грюнведель А. Обзор собрания предметов ламайского культа князя Э.Э. Ухтомского. Т. 6, ч. 1, 2. СПб. : Bibliotheca Buddhica, 1905. 138 с.: ил.
9. Гумилёв Л. Н., Кузнецов Б. И. Опыт разбора тибетской иконографии // Декоративное искусство СССР. 1972. № 5. С. 26–31.
10. Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М. : Искусство, 1975. 54 с.
11. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 320 с.
12. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / отв. ред. А. П. Дервянко ; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. 196 с.
13. Ковалёв И. Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1970. 148 с.
14. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. / отв. ред. С. В. Иванов. М. : Наука, 1979. 206 с.
15. Кочешков Н. В. Этнические традиции в искусстве монголоязычных народов МНР и СССР (XIX – 70 гг. XX вв.) : автореф. ... д-ра ист. наук. М., 1980. 48 с.
16. Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма : каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.: ил.
17. Пальмов Н. Н. Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжении своей исторической жизни // К открытию Областного Калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань, 1921.
18. Пюрвеев Д. Б. Культурное зодчество калмыков в XVII – XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста : КНИИФЭ, 1987. С. 24–39.
19. 108 образов Будды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) : исслед. коллекции № 5942. / авт.-сост. Е. В. Иванова, А. Ф. Дубровин ; отв. ред. И. А. Алимов. СПб. : МАЭ РАН, 2014. 338 с.: ил.
20. Сычев Д. В. Заметки о калмыцком орнаменте // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград, 1967. С. 36 – 52.
21. Сычев Д. В. Хальмг улсин эрдм : альбом. Элиста : Калмиздат : М-во культуры КАСР, Респ. краев. музей, 1970. 112 с.: ил.

22. Терентьев А. А. К вопросу о каталогизации ламаистских коллекций в музеях СССР // Музеи в атеистической пропаганде : сб. тр. ГМИРиА. Л. : Гос. музей истории религии и атеизма, 1978. С. 109 – 119.

23. Терентьев А. А. Опыт унификации музейного описания буддийских изображений в критике буддизма // Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л. : Гос. музей истории религии и атеизма, 1981. С. 6–120.

24. Топоров В. Н. Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений // Труды по знаковым системам. Т. 2. Тарту, 1965. С. 221–230. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 181).

25. Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений // Народы Азии и Африки. 1964. № 3. С. 101–110.

26. Топоров В. Н. Мандала. Модель мира. Пространство // Мифы народов мира. Т. 2. М. : Совет. энцикл., 1992. С. 100–102.

27. Трошин И. И. Очерки изобразительного искусства Калмыкии. Волгоград : Волгоградская правда, 1970. 121 с.

28. Getty A. The gods of Northern Buddhism, Their history, iconography and progressive evolution through the northern buddhist countries. Oxford : Clarendon Press. 1928. 376 p.

29. Gordon A. The iconography of Tibetan Lamaism. Tokio : Rutland. Vt. C.E. Tuttle Co., 1959. 131 p., 88 plates.

30. Tucci G. Tibetan painted scroll. Roma: La libreria Dello Stato. First ed. Vol. 1–3. 1949. 798 p.

31. Pott P. H. Introduction to the Tibetan collection of the national museum of ethnology. Leiden, E. J. Brill, 1951.

32. Roerich G. Tibetan paintings. Paris : Paul Geuthner, 1925. 95 p., 12 frontis, 17 plates.

References

1. O federalnoj celevoj programme «Kultura Rossii (2012-2018 gody : postanovlenije Pravitel'stva ot 03 marta 2012 goda № 186 [On the federal target programme "Culture of Russia (2012 - 2018) : Government Decree of March 03, 2012, № 186 // GARANT. URL: <https://base.garant.ru/70149760/> [In Russ.].

2. Batyreva S.G. Iz opyta sozdaniya Muzeja kalmyckoj tradicionnoj kultury imeni Zaja-pandity KIGI RAN [From the experience of creating the Museum of Kalmyk traditional culture named after Zaya-pandita of KIGI RAS // Al'manakh-2002. Muzeji Rossijskoj Akademii nauk [Almanac-2002. Museums of the Russian Academy of Sciences. M., 2004. Pp. 165-172 [In Russ.].

3. Batyreva S.G. Iskusstvo Kalmykii XVIII-XX vv. : katalog [The Art of Kalmykia of the XVIIIth - XXth centuries : catalogue]. Kalmyk state Art Gallery. Elistat, 1984. 32 p., Ill. [In Russ.].

4. Batyreva S.G. Starokalmyckoje iskusstvo : al'bom [Starokalmyk art. Album]. Elista, 1991. 127 p., 102 ill. [In Russ.].

5. Batyreva S.G. Starokalmyckoje iskusstvo XVII – nachala XX veka. Opyt istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii [The old Kalmyk art of the XVIIth – beginning of the XXth centuries. Experience of historical and cultural reconstruction]. M., 2005. 141 p., Ill. [In Russ.].

6. Batyreva S.G. Tradicionnoje izobrazitel'noje iskusstvo Kalmykii XIX – nach. XX veka. Opyt istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii [Traditional fine art of Kalmykia of the XIXth – beginning of the XXth centuries. Experience of historical and cultural reconstruction]. Saarbrucken, 2011. 428 p. [In Russ.].

7. Batyreva S.G. Buddijskaja kollekcija muzejnogo sobranija KalmNC RAN: izuchenije i sostavlenije kataloga (2014-2016) [The buddhist collection of the museum fund of KalmSC RAS: study and catalogue compiling (2014–2016)]. Elista, 2016. 160 p. [In Russ.].

8. Grünwedel A. Obzor sobranija predmetov lamajskogo kul'ta knjazja E.E. Ukhtomskogo [The review of the objects collection of the Lamaic cult of knyaz E.E. Ukhtomsky]. St. Petersburg, VI. Part 1.2. 1905. - 138 p., Ill. [In Russ.].

9. Gumilev L.N., Kuznetsov B.I. Opyt rasbora tibetskoj ikonografii [The experience of the Tibetan iconography analysis] // Dekorativnoje iskusstvo SSSR [The decorative art of the USSR]. 1972. No. 5. Pp. 26–31 [In Russ.].

10. Gumilev L.N. Staroburjackaja zhivopis'. Isticheskije sjuzhety v ikonografii Aginskogo dacana [Old Buryat painting. Historical plot in the iconography of the Aginsky dastan]. M., 1975. 54 p. [In Russ.].

11. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovej kul'tury [Categories of medieval culture]. M. 1972. 320 p. [In Russ.].

12. Zhukovskaya N.L. Kategorii i simvolika tradicionnoj kul'tury mongolov [Categories and symbols of the traditional culture of the Mongols]. / executive editor A.P. Derevyanko; USSR Academy of Sciences. Institute of Ethnography named after N.N. Mikloukho-Macklay. M., 1988. 196 p. [In Russ.].

13. Kovalev I.G. Kalmyckij narodny ornament [The Kalmyk folk ornament]. Elista, 1970. 148 p. [In Russ.].

14. Kocheshkov N.V. Dekorativnoje iskusstvo mongolozjazychnykh narodov XIX-serediny XX vv. [Decorative art of the Mongolian-speaking peoples of the XIXth-middle of the XXth centuries] / executive editor S.V. Ivanov. M., 1979. 206 p. [In Russ.].

15. Kocheshkov N.V. Etnicheskije tradicii v iskusstve mongolozjazychnykh narodov MNR i SSSR (XIX-70 gg XX vv.) [Ethnic traditions in the art of the Mongolian-speaking peoples of the MPR and the USSR (the XIXth- 70 years of the XXth century)]. Dissertation abstract.... Sc.D. in History. M., 1980. 48 p. [In Russ.].

16. Obitel' miloserdija. Iskusstvo tibetskogo buddizma: katalog vystavki [Convent of mercy. The art of Tibetan buddhism: exhibition catalogue] / State Hermitage. S.-P., 2015. 512 p.: ill. [In Russ.].

17. Palmov N.N. Neskol'ko slov po voprosu o kul'turno-khudozhestvennykh vlijanijakh, kakim mog podvergat'sja kalmyckij narod v prodolzhenii svojej istoricheskoj zhizni [A few words on the issue of cultural and artistic influences that the Kalmyk people could be subjected to during their historical life] // K otkrytiju Oblastnogo Kalmyckogo istoriko-etnograficheskogo muzeja [To the opening of the Kalmyk Regional Historical and Ethnographical Museum]. Astrakhan, 1921 [In Russ.].

18. Pyurveev D.B. Kul'tovoje zodchestvo kalmykov v XVII-XIX vv. [The cult architecture of the Kalmyks in the XVIIth-XIXth centuries] / Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii [Issues of the history of Lamaism in Kalmykia]. Elista, 1987. Pp. 24–39 [In Russ.].

19. 108 obrazov Buddy Muzeja antropologii i etnografii im Petra Velikogo (Kunstkamery): issled. kolekcii № 5942 [108 images of Buddha in the Museum of anthropology and ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera): The study of collection No. 5942. / comp. by the authors Ye.V. Ivanova, A.F. Dubrovin; chief editor I.A. Alimov. St.-P., 2014. 338 p.: ill. [In Russ.].

20. Sychev D.V. Zametki o kalmyckom ornamente [Notes about the Kalmyk ornament] / O kalmyckom prikladnom iskusstve [About the Kalmyk applied art]. Volgograd, 1967. Pp. 36 – 52 [In Russ.].

21. Sychev D.V. Хальмг улсин эрдм : album. Elista, 1970. 112 p.: ill. [In Kalmyk].

22. Terentyev A.A. K voprosu o katalogizacii lamaistskikh kolekcij v muzejakh SSSR [To the issue of cataloging Lamaist collections in museums of the USSR // Muzeji v ateisticheskoj propagande: works collection [Museums in atheist propaganda]. L., 1978. Pp. 109 – 119 [In Russ.].

23. Terentyev A.A. Opyt unifikacii muzejnogo opisanija buddistskikh izobrazhenij v kritike buddizma [The experience of unifying the museum description of Buddhist images in Buddhism criticism] // Ispol'zovanie muzejnykh kolekcij v kritike buddizma [The use of museum collections in Buddhism criticism]. L., 1981. Pp. 6–120 [In Russ.].

24. Toporov V.N. Zametki o buddijskom izobrazitel'nom iskusstve v svjazi s voprosom o semiotike kosmologicheskikh predstavlenij [The notes on Buddhist fine art in connection with the issue of semiotics of cosmological representations] // Trudy po znakovym sistemam [Works on Sign Systems]. II. (Scientific notes of Tartu State University, issue 181). Tartu, 1965. Pp. 221–230 [In Russ.].

25. Toporov V.N. K rekonstrukcii nekotorykh mifologicheskikh predstavlenij [To the reconstruction of some mythological representations // Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa]. 1964, No. 3. Pp. 101–110 [In Russ.].

26. Toporov V.N. Mandala. Model' mira. Prostranstvo mira [Mandala. Model of the world. Space] // Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. T.2. M., 1992. Pp. 100-102 [In Russ.].

27. Troshin I.I. Sketches of fine art of Kalmykia. Volgograd, 1970. 121 p. [In Russ.].

28. Getty A. The gods of Northern Buddhism, Their history, iconography and progressive evolution through the northern buddhist countries. Oxford: Clarendon Press. 1928. 376 p. [In Eng.].

29. Gordon A. The iconography of Tibetan Lamaism. Tokio: Rutland. Vt. C.E. Tuttle Co., 1959. 131 p., 88 plates [In Eng.].

30. Tucci G. Tibetan painted scroll. Roma: La libreria Dello Stato. First ed. Vol. 1-3. 1949. 798 p. [In Engl.].

31. Pott P.H. Introduction to the Tibetan collection of the national museum of ethnology. Leiden, E.J. Brill, 1951. [In Engl.].

32. Roerich G. Tibetan paintings. Paris: Paul Geuthner, 1925. 95 p., 12 frontis, 17 plates [In Engl.].

Райцанова Э. Н.

Raitsanova E.N.

ЭКСПОРТНЫЕ АКВАРЕЛЬНЫЕ РИСУНКИ КЯХТИНСКОГО МУЗЕЯ

EXPORT WATERCOLOR DRAWINGS OF THE KYAKHTA MUSEUM

В статье автор рассматривает одну из актуальных проблем – ценностный аспект китайских экспортных миниатюр. В работе представлены результаты исследований образной составляющей экспортных акварельных рисунков.

The author of the article considers one of the actual problems - the value aspect of the Chinese export miniatures. The article presents the results of the studies of the figurative component of export watercolor drawings.

Ключевые слова: экспортные миниатюры, рисовая бумага, Кяхтинский музей.

Keywords: export miniatures, rice paper, Kyakhta museum.

Проблема изучения китайского искусства в целом является одним из центральных направлений деятельности ученых, в чью компетенцию входило изучение культуры Китая. Однако китайское экспортное искусство, миниатюры на лубе тетрапанакса бумажного (*тунцао чжи*) до недавнего времени, в отличие от расписных и перегородчатых эмалей, фарфора и других, более традиционных и известных европейским синологам и коллекционерам предметов, вообще не привлекали внимания ни китайских, ни европейских ученых. Они оставались лишь некой сувенирной продукцией, ориентированной на вкусы любителей «восточной экзотики». И как отмечает Цешинская Е.А., именуемые миниатюры, среди многочисленных видов китайского экспортного искусства и художественных ремесел конца XVIII – середины XIX в., по степени исследования занимают едва ли не одно из последних мест. Возникновение в Китае мастерских по производству экспортных миниатюр большинство исследователей относит к периоду конца XVIII – начала XIX в., связывая его с западноевропейскими влияниями, исходившими по большей части из Англии, Голландии и США. Таким образом, следуя логике развития данного ремесла, основная масса китайских экспортных миниатюр западными исследователями датируется 1820-1850 гг. [6].

Для изучения общих вопросов экспортных миниатюр основной исследовательской работой являются публикации Виноградовой Т.И. «Акварельные миниатюры и китайская театральная народная картина» и Цешинской Е.А. «Экспортные китайские миниатюры (тунцао чжи) из собрания Рыбинского музея-заповедника».

Автор Виноградова пишет: «Благодаря усилиям отдельных энтузиастов, таких как английский коллекционер И. Виллиамс, искусствоведы и синологи, только начали обращать на экспортные акварельные рисунки внимание. Ранее они представлялись ширпотребной продукцией, недостойной исследования. Считалось, что они сделаны на «рисовой бумаге» или «*рith raret*», по-китайски экспортные акварели назывались *тунцао чжи*. В реальности же рисовались они не на бумаге, а на тонком специально обработанном срезе небольшого деревца *тунцао*, тетрапанакс бумажный (*tetrapanax raphifera* Koch), произрастающем на юге Китая. Если буквально следовать значению слов, то именно *тунцао чжи*, а вовсе не бумажные *няньхуа* надлежало бы назвать «лубком», луб – слой древесины под корой.

В музеях экспортные акварельные рисунки обычно значатся как акварели на рисовой бумаге. На самом деле никакой связи с рисом их основа не имеет. Миниатюры написаны на срезах древесной сердцевинки. Тонкие (один-два миллиметра) пласты сердцевинки растения снимали полойно, при помощи специальных инструментов, а затем прессовали. Далее лист покрывали тонким слоем свинцовых белил, которые быстро впитывались в пористую древесную основу. Таким образом, мастерами придается вид голубоватой, гладкой поверхности знаменитого китайского фарфора.

С давних времен древесина тетрапанакса применялась для изготовления искусственных цветов для причесок, к концу XIX в. в этом промысле в Кантоне и Гонконге было занято несколько тысяч человек. Цветы шли на экспорт через Японию в обе Америки. Применение тетрапанакса не для цветов, а в качестве материала для рисования, процесс раскрашивания древесины при изготовлении цветов, позволяющий легко создавать многоцветные рисунки, началось позже, точную дату назвать сложно, но первое достоверное упоминание европейцами о таких картинах датируется 1822 г. Необычный материал стал применяться для нужд экспортных рисунков, возможно, из-за дороговизны экспорта бумаги и изделий из нее, а также благодаря особой его прочности, позволяющей не мять картинку при длительной транспортировке» [2].

Очень активно проявляли себя на ниве собирательства интересующего нас круга предметов отдельные граждане: к примеру, Василий Федорович Лычагов, активный энтузиаст-краевед, член Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Русского географического общества. 1 декабря 1890 года от В.Ф. Лычагова в Кяхтинский музей поступило девять китайских акварельных миниатюр, в коробке под стеклом. В учётных документах сделана запись как: «Коробка с картинами на рисовой бумаге (кит.)». Кроме акварельных миниатюр от В.Ф. Лычагова в музей пожертвована уникальная коллекция няньхуа и альбомы с акварельными рисунками [3, с. 9-107]. Безвозмездно переданные им в музей памятники, обогатили коллекции старейшего музея Забайкалья и являются ценным источником для изучения китайской национальной культуры и изобразительного искусства

ва. Лычагов был купцом. С 1892 г. являлся членом попечительского комитета Троицкосавской общественной библиотеки [4, с. 24]. 12 февраля 1897 г. он женился на Анне Михайловне Коковиной. В 1895 г. Лычаговым была разобрана нумизматическая коллекция в количестве 160 штук [5, с. 77]. В 1897 г., в Кяхте им, совместно с Корнаковым И.И., был открыт магазин японских товаров [1, с. 2-3].

Основными темами были сценки из китайской жизни, которые сами китайские художники считали привлекательными для европейцев: уличные сценки, портреты чиновников, военных и их жен, джонки, наказания, цветы, птицы и насекомые, виды Кантона и Гуанчжоу, а также китайский театр [2].

Миниатюры из фондов Кяхтинского музея представлены темами: птицы и насекомые, сцена из китайской жизни, джонки. Тема «птицы и насекомые» представлена пятью рисунками. На рисунке 1: по центру изображен золотистый фазан. Птицу можно отличить по запоминающемуся золотому хохолку и охвостью, а также по ярко-красному окрасу всего остального тела. Слева изображена птица – Монал. Эта потрясающе яркая птица относится к семейству фазановых. Как и у всех фазанов, у самцов монала очень богатая расцветка. Голова, горло и хохол – зеленого цвета. Оперенье на остальной верхней части тела и на крыльях – синее. Нижняя черная часть тела монала – красная.

Самка монала с небольшим красным хохолком выглядит довольно скромно. У неё голова, горло – зеленого цвета. Оперенье на остальной верхней части тела и на крыльях – синее. Нижняя черная часть тела монала – ярко-синяя. Конечности крыльев самки коричневого цвета, конечности хвоста закруглены – черного цвета. Самцы и самки монала почти одинаковы по размерам. Рядом на цветущей ветке сливы-мэйхуа сидит журавль.

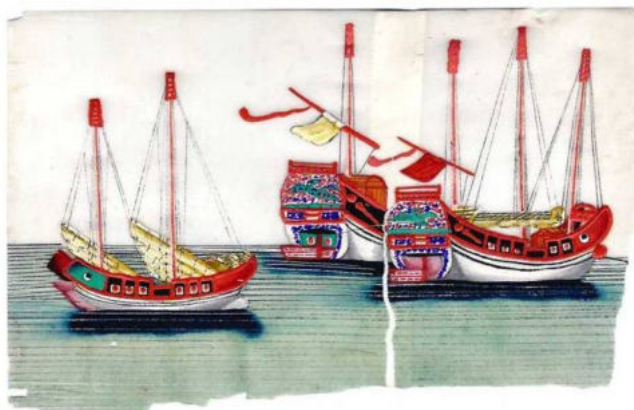
Сцена из китайской жизни представлена 3 рисунками. Изображение людей, занятых домашним рукоделием. Миниатюры подобного рода часто входили в подборки, посвященные теме производства шелка. Обычно в них включались изображения сбора листа шелковицы, кормления ту-

тового шелкопряда, разматывания шелковой нити из коконов, промывки и окраски шелка, установки ткацкого станка. Финальной в подобных сериях обычно была миниатюра с изображением женщины, работающей за ткацким станком [6].

На рисунке две женщины запечатлены в традиционном повседневном костюме *чанфу*. Одна сидит на табурете, костюм на ней красного цвета с черной каймой, широкие брюки бежевого цвета. Вторая женщина стоит с корзиной, на ней костюм зеленого цвета с черной каймой, широкие брюки синего цвета. Ее волосы уложены в высокую прическу, украшенную искусственными цветами и жемчугом. В ушах серьги с тройными жемчужными подвесками характерной каплевидной формы.

На последнем рисунке изображены джонки. Джонка обычно имела плоское дно, а её борта украшались традиционными рисунками с устрашающими драконами и иными мифическими существами. Такой оригинальный дизайн делал это китайское судно совершенно непохожим на привычные европейские суда, бороздящие морские просторы, и в то же время самым узнаваемым среди иных традиционных лодок. Тем не менее, существовало до трёхсот разновидностей китайской джонки.

Экспортная миниатюра является одним из исторических источников, своего рода иллюстрацией некоторых аспектов экспортной торговли в Гуанчжоу, длительное время не была замеченной, а если и упоминалась, то лишь поверхностно. Хранящиеся в музейных и частных коллекциях *тунцао чжи* все еще не изучены и, за редкими исключениями, не опубликованы. По ряду причин, почти полное отсутствие аналогичных произве-

дений в самом Китае. И, достаточно уничижительное отношение к такому роду «китайским картинкам» со стороны европейских исследователей, до недавнего времени занимавшихся почти исключительно классической китайской живописью. Для отечественных исследователей, только начинающих систематическое изучение этой специфической разновидности китайского художественного ремесла, чрезвычайно важно расширение круга памятников, введение в научный оборот не только крупных коллекций, но и небольших групп памятников, их всестороннее изучение, атрибуция и систематизация. Именно поэтому научная публикация даже отдельных памятников представляет значительный интерес для научной общности.

Наиболее значительные коллекции миниатюр ныне хранятся в Англии, Франции, Испании, других странах Запада. Естественно, первые и наиболее серьезные исследования, посвященные этому виду китайского экспортного искусства, принадлежат западноевропейским исследователям. Среди них, прежде всего, должны быть названы С. Клунас (С.Clunas), С.Л. Кроссман (С.L.Crossman) и И. Уильямс (I.Williams). Цешинская Е.А. пишет, отдельные сведения о них можно найти в общих работах, посвященных китайскому экспортному искусству, в аукционных каталогах и каталогах выставок. До сих пор однако, специальных работ, посвященных экспортным китайским миниатюрам, очень мало. Исключением в этом плане является работа С. Клунаса. Изучение китайских экспортных миниатюр сильно затруднено еще и тем, что ни в европейской, ни в отечественной литературе до сих пор нет единой терминологии для их обозначения [6].

Таковы предварительные итоги предпринятой автором попытки понять или хотя бы приблизиться к пониманию того, какое место занимают акварельные миниатюры среди произведений китайского искусства.

Китайское народное искусство в целом и, в частности, акварельные миниатюры необходимо изучать в его целостном проявлении, где каждая деталь отражает индивидуальность замысла художника и основные особенности искусства страны. Акварельные рисунки, зафиксировавшие в своих лучших образцах китайскую традиционную культуру, обладают огромным потенциалом в качестве источника изучения.

Добавим, что кроме исследовательской работы приоритетным направлением музея являются мероприятия, направленные на сохранение объекта культурного наследия. Время не могло не сказаться на состоянии сохранности хрупких листов. Основным дефектом большинства работ стали ломкость, разрывы, прорывы, фрагментарные утраты. Экспонаты требуют особенно бережного обращения.

Примечания

1. Байкал : газета. Троицкосавск : Троицкосав. тип. П. А. Саплина, 1897. 4 с.
2. Виноградова Т. И. Акварельные миниатюры и китайская театральная народная картина // XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2004. С. 205-211. URL: <https://www.synologia.ru> (дата обращения: 31.12.2016).
3. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Гл. инвентар. кн. №1 Основного фонда. 1890-1939 гг. 521 с.
4. Отчет Троицкосавской Общественной библиотеки с 13-го декабря 1887 по 1-е января 1893 г. Иркутск, 1893. 31 с.
5. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Иркутск, 1898. Т. 1, вып. 3. М., 1900. 159 с.
6. Цешинская Е. А. Экспортные китайские миниатюры (*тунцао чжи*) из собрания Рыбинского музея-заповедника. URL: <https://www.synologia.ru>. (дата обращения: 08.03.2019).

References

1. Baikal : gazeta [The newspaper «Baikal»]. Troitskosavsk, 1897. 4 p. [In Russ.].
2. Vinogradova T.I. Akvarel'nyje miniatjury i kitajskaja teatralnaja narodnaja kartina [Watercolor miniatures and Chinese theatrical people's picture] // XXXIV nauchnaja konferencija «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaje» [XXXIV scientific conference «Society and state in China». М., 2004. Pp. 2015-211. URL: <https://www.synologia.ru> (31.12.2016) [In Russ.].
3. Kyakhtinskij kraevedcheskij muzej im. V.A. Obruceva [Kyakhta local museum named after V.A. Obruchev]. The main inventory book №1 of the main fund. 1890-1939. 521 p. [In Russ.].
4. Otchet Troickosavskoj Obshchestvennoj biblioteki s 13-go dekabrja 1887 po 1-e janvarja 1893 g. [Report of the Troitskosavsk Public library from the 13th December to the 1st of January 1893]. Irkutsk, 1893. 31 p. [In Russ.].
5. Trudy Troickosavsko-Kjakhtinskogo otdelenija RGO [Works of the Troitskosavsk branch of RGS]. Irkutsk, 1898. V. 1, issue 3. М. 1900. 159 p. [In Russ.].
6. Tsheshinskaya E.A. Eksportnyje kitaiskije miniatjury (*тунцао чжи*) iz sobranija Rybinskogo muzeja-zapovednika [Export Chinese miniatures (*тунцао чжи*) from the collection of Rybinsk museum-reserve]. URL: <https://www.synologia.ru>. (08.03.2019) [In Russ.].

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-3-11-164-172

УДК 82.09.161.1

Курас Л.В.

Kuras L.V.

ОН ВЗОШЕЛ НА ОЛИМП: РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФА

Рец. на кн.: Комин В.В., Прищепа В.П. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 5: (1976-1979 годы) / В. В. Комин, В. П. Прищепа. – Иркутск : Принт Лайн, 2019. – 580 с.

HE CLIMBED OLYMPUS: THE HISTORIOGRAPHER'S THOUGHTS

Review on the book: Komin V.V., Prishchepa V.P. Chronicles of life and creative work of E.A. Evtushenko. By steps of the years, Volume 5 (1976-1979) / V.V. Komin, V.P. Prishchepa. – Irkutsk, 2019. 580 p.

В рецензии анализируется содержание пятой книги многотомной «Хроники жизни и творчества Е.А. Евтушенко», которая охватывает период с 1976 по 1979 гг. В новом издании, наряду с поэтической и издательской деятельностью, представлена хроника обращения Поэта к прозе, фотографии и киноискусству, составление антологии русской поэзии XX в.

Подчеркивается особая роль евтушенковед В.В. Артемова, который в указанные годы вел поденные записи жизни и творчества Поэта.

The review examines the contents of the Vth book of the multivolume work «Chronicles of life and work of E.A. Evtushenko» which covers the period from 1976 to 1979. In the new edition, the chronicles of the Poet's appeal to prose, photography and cinema art as well as writing the anthology of the Russian prose of the XXth century are presented alongside with poetic and publishing activities.

The special role of V.V. Artyemov who specialized in E.A. Evtushenko's life and creativity and kept his daily recordings during the above mentioned period is emphasized.

Ключевые слова: Е.А. Евтушенко, хроника жизни и творчества, В.В. Артемов, антология русской поэзии

Keywords: E.A. Evtushenko, chronicles of life and creativity, V.V. Artyemov, anthology of the Russian prose.

*Самой судьбой для русской Музы
Даны скитанья, скорби, узы.
А без тернового венца,
Что слава русского певца?*
П.Ф. Якубович

Мы уже не впервой обращаемся к творчеству замечательного литературоведческого тандема В.В. Комина¹ и В.П. Прищепы², для которых делом всей жизни стала подготовка и публикация 10-томной «Хроники жизни и творчества Е.А. Евтушенко» [7; 8].

2019 год ознаменовался изданием нового, пятого тома «Хроники жизни и творчества Е.А. Евтушенко». При этом язык не поворачивается сказать очередным, ибо есть в этом слове что-то обыденное. Между тем, четырехлетие (1976-1979 гг.) самовыражения поэта, оно и блистательно, и трагично: здесь и поиск новых форм и выражений его творчества – обращение к прозе, фотографии [5, с. 411] и киноискусству [5, с. 393-410], проба себя в драматургии, что вызывало раздражение и у обывателя, и у хозяев властных кабинетов; и просто сумасшедшая творческая и книгоиздательская деятельность, составлявшая по 6 изданий и переизданий в год, по топографии которых можно изучать мировую географию; непрерывные поездки по зарубежью и внутрисоюзные творческие встречи и праздники поэзии в городах и весях нашей необъятной и за рубежом, которые авторы опрометчиво называли «путешествиями» [5, с. 5]; смерть отца, уход поэтов-наставников, распад семьи и новая любовь. Причем в издании зафиксированы не только многочисленные передвижения Е.А. Евтушенко по земному шару. Авторы «Хроники» акцентируют наше внимание на каждом новом стихотворении, опубликованном Поэтом в рассматриваемый период. Для автора же рецензии еще больший интерес представляют издания, на страницах которых эти стихи опубликованы: «Комсомоли Тоджикистон» (Душанбе), «Ленинское знамя» (Слюдянка), «Ленский коммунист» (Усть-Кут), «Красный Север» (Вологда), «Молодежь Эстонии» (Таллин), «Литератури Сакартвело» (Тбилиси), «Приокская правда» и «Строитель» (Зима), «Кыргыстан маданият» (Фрунзе) и в десятках, и сотнях других известных, не очень известных и даже заштатных изданиях. Просто, у Евгения Александровича было трепетное отношение, прежде всего, к печатному слову как таковому: будь это солидные литературные и научные журналы, например, «Советская литература», «Октябрь», «Наука и жизнь» [с. 39, 51, 130] или никому не известные газеты «Ленский шахтер» (Бодайбо) и «На смену» (Свердловск) [5, с. 41, 69]. И вовсе

¹ Колин Виталий Васильевич – журналист (г. Иркутск), член Союза журналистов России.

² Прищеп Валерий Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан), автор 16 монографий, 10 из которых посвящены творчеству Е.А. Евтушенко.

неважно, что многие издания не престижные, ибо Поэт своим творчеством возвышал эти издания, рекрутировал им новых читателей и поклонников. И это - назидание нам сегодняшним, гоняющимся за изданиями с высоким индексом цитирования. Кроме того, авторы «Хроники» зафиксировали уникальное четырехлетие, когда Поэт собирали стадионы, дворцы спорта, торговые центры и студенческие аудитории [5, с. 55, 87, 88], а стихи Е. Евтушенко постоянно появлялись на страницах любого печатного издания, будь то «Вологодский комсомолец» или еженедельник «Футбол. Хоккей» [5, с. 49]. И это была также естественно как передовица в газете «Правда», а каждое новое произведение Поэта и встречи с ним становилось открытием, ожиданием, праздником [5, с. 59-64]. Именно в это четырехлетие в «Комсомольской правде» на страницах клуба «Алый парус» печаталась подборка писем юных читателей с просьбой «почаще печатать стихи» [5, с. 90]. Все это не может не вызывать ностальгию по тем временам, когда читатели задавали, например, такие вопросы: «Может быть, в поэмах – величие поэта?» [5, с. 83]; или «Вы выполняете завет Гёте «жить из всех сил сегодняшним днем», рисуя свое поколение» [5, с. 85]; или «Что, по-вашему, является самой ценной человеческой добродетелью» [5, с. 206].

Отдельно хочется поблагодарить авторов «Хроники» за введение в научный оборот стенограмм творческих встреч Поэта с читателями и полного текста интервью соборам различных изданий. Это принципиально новый источник, позволяющий познакомиться с внутренним миром Евгения Евтушенко. В свою очередь именно на таких встречах Поэт оттачивает собственное слово, появляются формулировки, которые становятся аксиомами: «Величие поэта – это, когда он чувствует себя великим сыном своей Отчизны, живет ее заботами, тревогами и радостями» [5, с. 83] или «Счастье – это уставшее страдание» [5, с. 208] или «...на писателя ложится особенная роль – объединять людей» [5, с. 214]. Именно на таком «Круглом столе» в 1977 г. в Алма-Ате прозвучали слова, в которых, уже тогда, сорок лет назад, были указаны причины будущего системного кризиса и даже разрушения современной российской литературы: «Взаимопроникновение национальных литератур не может быть явлением, разрушающим национальные традиции, – национальные традиции разрушаются только тогда, когда писатели надменно отворачиваются от освежающего опыта других традиций» [5, с. 148]. Именно в таких интервью прорывается боль Поэта, вызванная зачастую несправедливой критикой в его адрес: «Критикам позволено выискивать чужие ошибки, а не свои» [5, с. 85].

И еще о новых источниках. Очень хотелось бы в недалеком будущем прочитать научную статью одного из авторов «Хроники» примерно с таким названием «Автографы Поэта и автографы Поэту». Причем, речь идет не о «Хронике автографа», здесь должен быть анализ оригинального источника, где проявляется отношение Поэта и отношение к Поэту. На эту мысль нас подтолкнули короткие сообщения «Хроники»: автограф

Александра Борщаговского на кн. «Где поселился кузнец. Исторический роман», автограф прозаика В. Колыхалова «Дикие побеги. Рома, повести», автограф С. Каратова на кн. стихов «Березовый лог», автограф Григола Абашидзе, автограф бурятского писателя М. Жигжитова на кн. «Подлеморье» и др. [5, с. 89, 119, с. 132, 137, 190].

Пожалуй, рядом с автографами могут уместиться и посвящения Поэта, куда органично вплетаются и события личной жизни авторов «Хроники», которые должны быть горды посвящением в их адрес, а В.П. Прищепа особенно; он имеет в своем архиве посвящение Е.Е. Евтушенко не только себе, но и старшему сыну Жене и супруге Валентине [5, с. 247-248].

В «Хронике» не может оставить равнодушным и сплав Е. Евтушенко по Колыме с уже устоявшейся командой во главе с легендарным журналистом Леонидом Шикаревым [5, с. 166-184, 189, 194-196], с которым Поэт прошел все реки Восточной Сибири и Якутии. И в этой связи хочется порассуждать о понятийном аппарате, к которому у историков, в отличие от иных гуманитариев, отношение трепетное. Все-таки путешествие как таковое [5, с. 5] предполагает приключения, а то и вовсе похождения. Здесь же мы имеем глубокое познание, а затем описание истории и культуры огромного региона периода Советской власти, которое сродни классическим «Путешественным запискам», например Василия Зуева [10]. Именно поэтому итогом всех семи сплавов стало журналистское расследование Л.И. Шинкарева «Старая рында» [9]. А после Колымы появились воспоминания В. Туманова [5, с. 168-172] и Г. Балакшина [5, с. 172-174]. Но наибольших высот по итогам сплава по Колыме смог достичь именно Е. Евтушенко, который в стихотворении «Неделя Франции» на Колыме», занимающим в «Хронике» особое место [5, с. 172, 198, 203], воссоздал субкультуру Колымского края.

Пятый том приоткрывает нам и совсем неведомую сторону деятельности Поэта – начало составления антологии русской поэзии XX века, подготовленной им для американского издательства «Doubleday» [5, с. 436]. Причем, казалось бы, просто увлечение превратилось в глубокую жизненную потребность и ответственность за прошлое российской государственности, которая без российской поэзии и не государственность вовсе. Авторы «Хроники» в связи с этой потребностью Поэта даже придумали новый термин – «антологист» [5, с. 4], который пока не привычен для уха российского читателя. И даже компьютер при печатании этого слова предлагает поменять его на привычное всем «антагонист». По свидетельству одного из авторов «Хроники» при жизни Поэта было издано 5 томов...

И вновь исследователи возвращают нас к непростым отношениям Е. Евтушенко и И. Бродского [5, с. 158, 159], о которых уже шла речь в одной из наших рецензий [8, с. 528] и которые уже получили самостоятельную жизнь [1]. В пятом томе опубликовано интервью Поэта Соломону Волкову в США до 1977 г. Вообще творчество Соломона Волкова – это своеобразный мостик между Евгением Евтушенко и Иосифом Брод-

ским и это искреннее стремление примирить двух великих российских Поэтов хотя бы после их смерти [2]. Именно поэтому, полагаю необходимым заострить внимание на гражданском мужестве Поэта, когда он с помощью советского посла в Италии С.П. Козырева помог освобождению Ю. Бродского из ссылки. И именно он – Е.А. Евтушенко – задает смелые и достаточно неудобные вопросы о судьбе и творчестве И. Бродского, самому генералу Ф.Д. Бобкову, чем вызвал сильное раздражение последнего [5, с. 107-110]. Конечно, в интервью нет даже намека на табуированную в то время проблему государственного антисемитизма, к которому Ф.Д. Бобков был причастен непосредственно, хотя, конечно, каждому из собеседников была доподлинно известна истинная подоплека отъезда И. Бродского в Америку. В современной российской историографии запрет с этой темы снят. И уже ни для кого не секрет, что именно Ф.Д. Бобков сформировал 5-е управление КГБ для борьбы с диссидентством с сионизмом [6, с. 61, 71].

И, наконец, еще раз о мифотворчестве Поэта, о чем мы писали в одной из рецензий [8, с. 151]. Е.А. Евтушенко не профессиональный историк, не летописец, хотя, несомненно, во многом творец современной истории. Его источник – это человек со всеми изломами его души и, соответственно, восприятие этого человека Поэтом через изломы собственной души. И потому мифы здесь неизбежны как составляющая творчества Поэта.

Особенность пятого тома заключается и в том, что важнейшим источником информации становятся многолетние ежедневные записи, которым лучше всего подошло бы название двухтомника стихов Давида Самойлова «Поденные записи» [4], евтушенковед В.В. Артемова. Они проходят через всю книгу, ибо в 1976–1979 гг. В.В. Артемов находился в тесном контакте с Поэтом, фиксируя фактически все события, связанные с его личной, литературной и общественной жизнью. Это настоящее подвижничество и даже жертвенность, потому что он стал для Поэта, наверно, больше, нежели член семьи. Обычно все члены семьи где-то работают или учатся, встречаются с друзьями, заняты повседневными заботами и лишь вечерами, за общим столом делятся впечатлениями о прошедшем дне. И вот здесь появляется человек, который сверяет свою жизнь с жизнью Евгения Александровича: фиксирует каждое слово, каждый шаг, каждый взгляд и по ходу исполняет незаметную, но столь необходимую, хотя и рутинную роль личного секретаря и потому он становится «Alter ego» Поэта. Более того, он берет на себя и многие заботы по дому [5, с. 297]. По сути, В. В. Артемов явился сплотивителем сибирских и московских евтушенковедов в Союз евтушенковедов, который был создан в Иркутске 17 мая 1977 г. и потому авторы «Хроники» сочли необходимым показать просветительскую деятельность В. В. Артемова, который провел за свою сравнительно короткую жизнь (44 года) сотни, а может быть и тысячи выступлений о поэте в разных городах СССР, перед самыми разнообразными аудиториями. И дело даже не в том, что деятельность В.В. Артемова заслуживает специального исследования. По нашему мнению, 5-й том, наверно бы и не состоялся вовсе или же был бы значитель-

но беднее, если бы не подвижничество В.В. Артемова. И потому, на наш взгляд, наряду с именами В.В. Комина и В.П. Прищепы на обложке настоящего издания, хотя и в траурной рамке, должно было быть и имя В.В. Артемова.

Параллельно с повествованием о жизни и творчестве поэта в исследуемое четырехлетие в томе дана хроника событий, рассказывающих о зарождении, становлении и развитии в СССР отечественного евтушенковедения [5, с. 154, 280, 311-312, 423-424]. В этой связи впервые в отечественное литературоведение вводятся десятки материалов, документов, характеризующих работу членов Союза евтушенковедов, что также может стать предметом специального анализа. Следует подчеркнуть, что члены Союза, как и их кумир, всегда находились как бы во внутренней оппозиции к официальному режиму и правящей партии (и поводов для этого хватало [5, с. 333-337]). Но при этом они, зачастую даже не замечали, что фактически живут и действуют в соответствии с Уставом КПСС, используя в повседневной жизни партийный формуляр и партийную риторику, что выглядит немного комично. Иллюстрацией к этому тезису являются: программа учредительной конференции Союза евтушенковедов; образец заявления для вступления в Союз, напоминающее образец заявления для вступления в ряды КПСС; предварительные списки в члены, кандидаты и в почетные члены Союза; список участников действия с замечательной формулировкой «взяты на учет», что напоминает, как минимум, учетные списки Детской комнаты милиции [5, с. 280-283].

И еще одна ремарка о поэзии. Поэзия - особенный жанр, а стихи великих поэтов – это как кровоточащая рана. Поэтому не случайно поэты ранимы, самолюбивы, что зачастую выражается в крайней форме эгоцентризма, в немотивированной критике творчества коллег по цеху [5, с. 182]. Конечно, это свойственно и Е.А. Евтушенко. Но величие Поэта в том и состоит, что он ощущает «себя болью, радостью, горечью, счастьем других людей» [5, с. 361] и потому может возвыситься над собственным «Я», и дать объективную оценку творчества других поэтов. Так, в интервью спецкорру «Молодежи Украины» о поэзии А. Вознесенского прозвучали следующие слова: «...для меня Вознесенский – один из наилюбимейших поэтов. И много из моих стихов от величественного эмоционального заряда, полученного от его магического таланта» [5, с. 86]. И это притом, что по воспоминаниям О.О. Сулейменова, А. Вознесенский «не выступал в одной компании с Евтушенко» [5, с. 212]. А в интервью болгарской газете «Народна младеж» Е.А. Евтушенко перечисляет имена близких ему современных писателей и поэтов: Ю. Казаков, Ю. Трифонов, Распутин, Быков, Аксенов, Искандер, братья Стругацкие, Владимов, В. Конечский; Мартынов, Слуцкий, Межиров, Самойлов, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава, Винокуров, Глазков, О. Чиладзе [5, с. 207].

И, наконец, о разделе «Отступление от хроники лет» [5, с. 452-530]. Раздел этот впервые появился во второй книги, и тех пор растет и ширится, занимая в рецензируемом томе значительную часть объема. Я могу, наверно, понять стремление авторов прислониться к великому со-

временнику, погреться в лучах его славы. Человек слаб по природе своей и потому с возрастом это желание становится все сильнее. Не миновала чаша сия и авторов настоящей «Хроники», что выразилось в появлении в разделе материала, посвященного юбилею одного из авторов «Хроники».

Вне всякого сомнения, яркой страницей «Отступлений» становится воспоминания «Дружба через баррикады» легендарного гидростроителя Алексея Николаевича Марчука, о котором Александра Пахмутова и Николай Добронравов написали знаменитую песню «Марчук играет на гитаре и море Братское поет». Этот материал по просьбе авторов хроники написан специально для 5 тома и никогда ранее не публиковался. Схлест двух во многом противоположных мировоззренческих опытов сводил, а затем – на многие годы разводил Е. А. Евтушенко и А. Н. Марчука по разные стороны баррикад. Вместе с этим ни Евгений Александрович, ни Алексей Николаевич никогда не теряли уважения друг к другу, нежнейше относились ко всему, что их объединяло. В этом материале читатель найдет информацию о встрече и разговоре Евгения Евтушенко с Владимиром Путиным в 2010 г. на кремлевской площади. Но все же, все же... «Хроника» - это жесткая конструкция, предполагающая последовательное изложение событий и фактов, хотя и допускающее внутренние отступления в форме авторских комментариев с целью объяснить читателю причину появления того или иного произведения, например, событиями мировой истории: победа сандинистской революции в Никарагуа [5, с. 303, 304, 329-331] или солидарность советского народа с чилийскими патриотами [5, с. 291, 296-297, 302, 430].

Соответственно возникает вопрос и о фотодокументах, публикуемых впервые. Они вполне приемлемы и даже необходимы как иллюстративный материал в самой «Хронике»: их 46 черно-белых сюжетных фотографий, которые даны постранично, в соответствии с описываемыми событиями жизни и творчестве поэта. Но цветные фотографии к «Отступлению от хроники» вызывают вопросы. На наш взгляд авторы в состоянии подготовить прекрасный фотоальбом, где наряду с многочисленными фотодокументами, прекрасно бы ужились и фотографии, выполненные самим Поэтом. Благо обществом фотоискусства Литовской ССР был выпущен «Каталог выставки Евгения Евтушенко» [5, с. 338]. Это могло бы вылиться в издание, которого нигде и никогда не было (!) и которое стало бы гордостью евтушенковедов и новым направлением в изучении творчества самого Поэта.

Особую место в «Хронике» занимают указатели, составление которых насколько работа занудная, но настолько же необходимая, ибо именно они и делают издание настоящим справочным изданием, что для автора рецензии, являющегося профессиональным историографом, как бальзам на душу. Это – указатель стихотворений и поэм Е.А. Евтушенко [5, с. 531-544]; указатель его переводов [5, с. 545-550]; указатель рассказов, сценариев, статей, рецензий, отзывов, речей, писем, инскриптов (кстати, тоже предмет для специального исследования), интервью и ответов Поэта [5, с. 551-554]; календарь выступлений [5, с. 555-558]; указа-

тель опубликованных авторских книг за рассматриваемый период в СССР и за рубежом [5, с. 558]; указатель имен [5, с. 559-573] и хронологический указатель мест пребывания [5, с. 574].

Таким образом, новый том «Хроники жизни и творчества» Поэта – это «Хроника» непрерывного поиска совершенства. Это «Хроника» о том, как и почему Е.А. Евтушенко всю жизнь было тесно: тесно в границах государства, тесно в жанре поэзии, тесно в любви. Это «Хроника» о том, как Поэт просто взошел на Олимп. А на вершине жизни можно довериться только одиночеству... В.В. Комин и В.П. Прищепа это не просто поняли. Они, буквально, выстрадали «Хронику...», к которой все время хочется возвращаться. Конечно, в завершении наших рассуждений нужны стихи. Но, все же, об одиночестве Гения хочется сказать словами не Евгения Александровича, а словами блистательного актера, режиссера и автора едких эпиграмм Валентина Гафта:

Я строю мысленно мосты,
Их измерения просты,
Я строю их из пустоты,
Чтобы идти туда, где Ты [3].

Примечания

1. Бродский vs Евтушенко: история неразрешенного конфликта. URL: kulturologia.ru. (дата обращения: 09.10.2019).

2. Волков С. М., Нельсон А. Диалоги с Евгением Евтушенко. М. : АСТ. 2018. 573 с.

3. Гафт Валентин. Мосты. URL: gustih.ru>valentin-gaft-mosty (дата обращения: 09.10.2019).

4. Самойлов Давид. Поденные записи : в 2 т. М. : Время, 2002. 419 с.

5. Комин В. В., Прищепа В. П. Хроника жизни и творчества Е. А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 5. (1976-1979 годы). Иркутск : Принт Лайн, 2019. 580 с.

6. Костырченко Г. В. Тайная политика: От Брежнева до Горбачёва : в 2 ч. М. : Междунар. отношения, 2019. 480 с.

7. Курас Л. В. Хроника как память коротких событий // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. С. 522-529. Рец. на кн.: Комин В.В., Прищепа В.П. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 2. (1963-1965). Иркутск : Принт Лайн, 2016. 567 с.

8. Курас Л. В. Хроника жизни как зеркало эпохи: размышления историографа // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018/3(7). С. 145-156. Рец. на кн.: Комин В. В., Прищепа В. П. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. По ступеням лет. Кн. 4. (1971-1975). Иркутск : Принт Лайню, 2018. 655 с.

9. Леонид Шинкарев. Старая рында. Из путешествий Евгения Евтушенко и его спутников по семи рекам Сибири, и не только...М. : Собрание, 2014. 400 с.

10. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году / подгот. текста, вступ. ст., коммент. М. Э. Кавуна ; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины. Днепропетровск : Герда, 2011. 394 с.

References:

1. Brodskij vs Evtushenko: istorija nerazreshennogo konflikta [Brodsky vs. Evtushenko: the history of the unresolved conflict]. URL: kulturologia.ru (09.10.2019). [In Russ.].

2. Volkov S. M. Dialogi s Evgenijem Evtushenko [Dialogues with Evgeniy Evtushenko] / S. Volkov, A. Nelson. M., 2018. 573 p. [In Russ.].

3. Gaft Valentin. Mosty [Bridges]. URL: rustih.ru>valentin-gaft-mosty (09.10.2019). [In Russ.].

4. Samoilov David. Podennye zapisi [Daily notes]. In 2 volumes. M., 2002. 419 p.[In Russ.].

5. Komin V.V., Prishchepa V. P. Khronika zhizni i tvorchestva E.A. Evtushenko. Po stupenjam let. Kn. 5. 1976-1979 gody [Chronicles of life and creativity. By steps of years. Book 5. 1976-1979 / V.V. Komin, V.P. Prishchepa. Irkutsk, 2019. 580 p. [In Russ.].

6. Kostyrchenko G.V. Tajnaja politika: Ot Brezhneva do Gorbacheva [Secret politics: From Brezhnev to Gorbachev]. In 2 volumes. M., 2019. 480 p. [In Russ.].

7. Kuras L.V. Khronika kak pamjat' korotkikh sobytij [Chronicles as memory of short events] // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik [Irkutsk historical and economical yearbook]. 2017. Pp. 522-529. Review on the book: Komin V.V., Prishchepa V.P. Chronicles of life and creativity of E.A. Evtushenko. By steps of the years. Book 2. 1963-1965. Irkutsk, 2016. 567 p. [In Russ.].

8. Kuras L.V. Khronika zhizni kak zerkalo epokhi razmyshlenija istoriografa [Chronicles of life as a mirror of the epoch of historiographer's thoughts] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo Instituta kulture [Bulletin of East Siberian state Institute of culture], 2018. № 3(7). Pp. 145-156. Review on the book: Komin V.V., Prishchepa V.P. Chronicles of life and creativity of E.A. Evtushenko. By steps of the years. Book 4. 1971-1975. Irkutsk, 2018. 655 p. [In Russ.].

9. Leonid Shinkarev. Staraja rynda. Iz puteshestvij Evgenija Evtushenko i ego sputnikov po semi rekam Sibiri, i ne tol'ko [The old bell. From trips of Evgeniy Evtushenko and his companions along the seven rivers of Siberia and not only...]. M., 2014. 400 p. [In Russ.].

10. Puteshestvennyje zapiski Vasilija Zueva ot S. Peterburga do Khersona v 1781 i 1782 godu [Traveller's notes of Vasiliy Zuev from St. Petersburg to Kherson in 1781 and 1782]. Text preparation, introductory article, comment of M.E. Kavun; In-t of Ukr. arhaeography and source study named after M.S. Grushevsky, NAS of Ukraine. Dnepropetrovsk, 2011. 394 p. [In Russ.].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Арбатская Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

2. Аюшеева Марина Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

3. Батырева Светлана Гарриевна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста).

4. Жамбаева Туяна Иннокентьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ)

5. Забанова Людмила Егоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

6. Заболотская Людмила Валентиновна, специалист МКУК «Культурно-досуговый центр с. Мугун» (с. Мугун, Тулунский район, Иркутская область).

7. Затева Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

8. Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

9. Кучмурукова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, декан Гуманитарно-информационного факультета ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

10. Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

11. Монгуш Чечена Айыр-Санаевна, заведующая отделом археологии, ГБУ «Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва» (г. Кызыл)

12. Николаева Наталия Викторовна, старший преподаватель кафедры режиссуры эстрады и театрализованных представлений ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

13. Райцанова Эльвира Николаевна, главный хранитель ГАУК РБ «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева» (г. Кяхта).

14. Ринчинова Арюна Владимировна, кандидат филологических наук., доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ)

15. Ринчинова Юлия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

16. Русак Надежда Георгиевна, ведущий архивист отдела информации, публикации и научного использования документов ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Иркутской области» (г. Иркутск).

17. Сартакова Анна Владимировна, аспирант 3 года обучения направления подготовки 51.06.01 «Культурология» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

19. Столбовский Виктор Геннадьевич, профессор, и.о. проректора по творческой деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

20. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

21. Ткачев Виталий Викторович, магистрант 2 курса направления подготовки «Отечественная история» ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

22. Умурова Людмила Халиловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

23. Фокичева Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

24. Хилханов Доржи Львович, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

25. Хобракова Людмила Матвеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

26. Цыбенев Базыр Догсонович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

27. Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

28. Шаньгинова Галина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Arbatskaya Olga Alexandrovna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

2. Ayusheeva Marina Vasilyevna, Ph.D. in History, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

3. Batyreva Svetlana Garrievna, D.Sc. in Art History, leading researcher, Kalmyk scientific center RAS (Elista city).

4. Zhambaeva Tuyana Innokentyevna, Ph.D. in Art History, associate professor of the department of culturology and art history, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

5. Zabanova Larisa Yegorovna, Ph.D. in Philology, associate professor of the department of foreign languages and general linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

6. Zabolotskaya Lyudmila Valentinovna, specialist, MEC «Centre of cultural leisure of the village Mugun» (Mugun village, the Tulun district, the Irkutsk region).

7. Zateeva Nadezhda Alexandrovna, Ph.D. in Sociology, associate professor, chief of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

8. Kuras Leonid Vladimirovich, D. Sc. in History, professor, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

9. Kuchmurukova Yekaterina Alexandrovna, Ph.D. in History, associate professor, dean of the faculty of humanities and information, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

10. Matveeva Yelena Vladimirovna, Ph.D. in Sociology, associate professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

11. Mongush Chechena Aiyр-Sanaevna, chief of the department of archaeology, SBE «National museum of the Tuva Republic named after Aldan-maadyr (Kyzyl city).

12. Nikolaeva Nataliya Viktorovna, senior teacher of the department of directing variety and theatrical performances, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

13. Raitsanova Elvira Nikolaevna, chief custodian, SAIC RB «Kyakhta local history museum named after V.A. Obruchev» (Kyakhta town).

14. Rinchinova Aryuna Vladimirovna, Ph.D. in Philology, associate professor of the department of literature and linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

15. Rinchinova Juliya Sergeevna, Ph.D. in Sociology, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

16. Rusak Nadezhda Georgievna, leading archivist of the department of information, publication and scientific use of the documents RSE «State archive of the modern history of the Irkutsk region» (Irkutsk city).

17. Sartakova Anna Vladimirovna, 3rd-year post-graduate, specialization 51.06.01 «Culturology», FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

18. Serebryakova Zoya Alexandrovna, D. Sc. in Philology, associate professor, chief of the department of literature and linguistics, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

19. Stolbovsky Viktor Gennadyevich, professor, acting vice-rector in charge of creative work FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

20. Tatarova Svetlana Petrovna, D.Sc. in Sociology, professor, dean of the faculty of socio-cultural activities, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

21. Tkachev Vitaliy Viktorovich, 2nd-year magistrate, specialization «National history», FSBEI HE «Irkutsk state university» (Irkutsk city).

22. Umurova Lyudmila Khalilovna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

23. Fokicheva Irina Alexandrovna, senior teacher of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

24. Khilkhanov Dorzhi Lvovich, D.Sc. in Sociology, professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

25. Khobrakova Lyudmila Matveevna, Ph.D in Philology, associate professor, chief of the department of foreign languages and general linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

26. Tsybenov Bazyr Dogsonovich, Ph.D. in History, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

27. Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievich, Ph.D. in History, researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

28. Shanginova Galina Alexeevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor, chief of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

ISSN 2541-8874

19003

9 772541 887006 >